

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
имени ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

Бребдани Аммар Мухсен

**Политика КНР в отношении арабских стран Ближнего
Востока (2004-2022 гг.)**

**Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней
политики**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Савичева Елена Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент

Москва – 2023

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Особенности отношений КНР с арабскими ближневосточными странами в политической сфере	24
1.1. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении арабских стран.....	24
1.2. Влияние конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке на политику КНР в регионе	44
1.3. Механизмы политического взаимодействия КНР и арабских стран Машрика (на примере Форума китайско-арабского сотрудничества).....	67
Глава II. Торгово-экономическое сотрудничество Китая с арабскими странами Ближнего Востока	88
2.1 Сотрудничество КНР и нефтедобывающих арабских стран в энергетической сфере	88
2.2. Сотрудничество в сфере торговли и инвестиций.....	106
2.3. Арабские страны Машрика в китайском проекте «Один пояс - один путь»... ..	124
Глава III. Сотрудничество Китая и арабских стран Ближнего Востока в культурно-гуманитарной сфере.....	156
3.1. Роль «мягкой силы» во взаимодействии КНР с арабскими странами	156
3.2 Сотрудничество КНР и арабских стран региона в области культуры и образования.....	170
Заключение.....	189
Список источников и литературы.....	193

Введение

Актуальность темы исследования. После провозглашения Китайской Народной Республики (1949 г.) Ближний Восток не входил в число внешнеполитических приоритетов Пекина. Но с началом эпохи Дэн Сяопина и по мере воплощения экономического «чуда» прагматизм и первоочередность национальных интересов стали основополагающими принципами внешней политики Китая, в том числе в отношении стран Арабского Востока. Расширение отношений с ближневосточными государствами - экспортерами энергоресурсов стало востребованным в интересах обеспечения энергетической безопасности страны, стабильного импорта энергоносителей, жизненно необходимых для поддержания ускоренных темпов роста китайской экономики.

Перемены глобального масштаба, произошедшие в последние десятилетия, привнесли серьезные изменения в систему международных отношений и, в значительной степени, способствовали китайско-арабскому сближению. Этот процесс перешел на качественно новый уровень после создания в 2004 г. Форума китайско-арабского сотрудничества. Взаимные официальные визиты и экономические соглашения, заключенные при руководителе Ху Цзиньтао, способствовали формированию основ взаимного партнерства. Во втором десятилетии XXI в. продолжение этого процесса оказалось напрямую связано с инициативой «Один пояс - один путь» и теми принципами, которые привнес в китайскую внешнюю политику Председатель КНР Си Цзиньпин, что нашло подтверждение в опубликованном в январе 2016 г. документе «Политика Китая в отношении арабских стран», который свидетельствует об общности интересов, целей и задач развития.

В настоящее время Китай является основным экономическим партнером для ряда арабских государств, а нефтяные экспортеры региона стали для него ключевыми поставщиками энергоресурсов. Причем в арабских столицах рассматривают Китай не только как приоритетного экономического партнера, но и как потенциального союзника в политической сфере и в области безопасности, в качестве альтернативы Соединенным Штатам Америки. Таким образом, отношения Китая с арабскими странами вышли за рамки экономической сферы и относятся к стратегическим интересам Пекина: он активно продвигает беспрецедентно масштабную инициативу «Один пояс - один путь», что

предполагает активизацию политики на ближневосточном направлении. И в условиях формирования многополярного мира заявленная тема приобретает особую актуальность.

Объект исследования – политика Китайской Народной Республики на Арабском Востоке.

Предмет исследования – отношения КНР с арабскими странами Ближневосточного региона в политической, экономической и культурно-гуманитарной областях.

Цель исследования – выявление особенностей и основных направлений сотрудничества Китая с арабскими странами Ближнего Востока в период 2004-2022 гг.

Поставленная цель предопределила решение следующих исследовательских **задач**:

- определить цели, принципы, приоритеты политики Китая в отношении арабских стран Ближнего Востока;
- раскрыть внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на развитие отношений Китая с арабскими государствами;
- выявить нормативно-правовую базу этих отношений;
- исследовать механизмы и сферы сотрудничества Китая с арабскими странами региона;
- рассмотреть деятельность Форума китайско-арабского сотрудничества как основного инструмента реализации китайско-арабского диалога;
- определить особенности реализации китайской инициативы «Один пояс - один путь» в контексте развития китайско-арабских отношений.

Хронологические рамки исследования включают период с 2004 по 2022 гг. *Нижняя граница* периода обусловлена созданием Форума китайско-арабского сотрудничества, что послужило отправной точкой для появления и реализации крупных совместных проектов. Визит китайского лидера Си Цзиньпина в одну из ключевых стран региона - Саудовскую Аравию в декабре 2022 г. и подписание "Всеобъемлющего соглашения о стратегическом партнерстве" стало ключевым событием для китайской дипломатии на ближневосточном направлении. Эти события определили *верхнюю границу* исследования.

Степень научной разработанности темы. Внешнеполитическая активность Китая в XXI веке вызывает весьма большой интерес и привлекает пристальное внимание

экспертного сообщества как в России, так и за рубежом. Используемую в представленном труде литературу условно можно разделить на несколько групп по языковому принципу – российская, китайская, западная и арабская.

Российская историография. Значительную ценность представляют труды, содержащие анализ особенностей внутривосточного развития, а также внешней политики КНР. К их числу можно отнести труды Е.П. Бажанова,¹ А.В. Виноградова², Е.Н. Грачиова³, И.Е. Денисова,⁴ Н.В. Козыкиной и К.Г. Муратшиной⁵, Г.В. Сачко⁶, М.С. Мамонова⁷ и др.

Российские эксперты уделяют особое внимание масштабной инициативе «Один пояс – один путь», тесно включенной в контекст внешнеполитического курса КНР⁸.

¹ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Записки о китайской цивилизации. М., 2022; Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М., 1990.

² Виноградов А.В. Внутривосточные вызовы Китаю в начале 21 в. // Сравнительная политика. 2017. Т.8. № 3. С. 131-145; Виноградов А.В. Стратегия Китая в XXI в. // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2017. № 3 (13); Vinogradov A.V. Regional Cooperation Initiatives in the Asia-Pacific and the Emergence of the New Eurasian Geopolitics. // International Policy Dialogue report. Center on Asian and Globalization. Lee Kuan Yew School of Public Policy National University of Singapore. 28 October 2017.

³ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М., 2015; Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 3. С. 83-93; Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы. М., 2015; Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021а. Т. 65. № 3.

⁴ Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253>; Денисов И.Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика. 2018. № 2. С. 28-36.

⁵ Козыкина Н.В., Муратшина К.Г. Особенности дипломатии современного Китая. Екатеринбург Издательство Уральского университета, 2017.

⁶ Сачко Г. В. Китай после XVIII съезда КПК: новый внешнеполитический курс или новая риторика нового лидера // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. 2014. № 14 (343). Вып. 15. С. 123–128.

⁷ Мамонов М. С. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24).

⁸ Лузянин С.Г. «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание. М.: ИДВ РАН, 2017; Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. М., 2016; Лузянин С.Г., Афоняева С. В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 40. С. 5-14; Чубаров И., Калашников Д. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25-33; Белов А.В. «Один пояс – один путь»: обзор литературы // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 10-16; Уняев С.В. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 8-21.

Интерес представляют труды, посвященные китайской внешнеэкономической стратегии и энергетической дипломатии, также рассматривающие роль данного фактора для международных отношений в регионе Персидского залива, с учетом американской стратегии сдерживания КНР. К ним относятся публикации А. Захарова и Н. Русака⁹, В.И. Юртаева и К.Г. Краснова¹⁰, А.Х. Исраилова, И.Ф. Ширияздановой и др.¹¹.

Роль и место Китая во внешней политике ряда арабских государств анализируется в трудах ученых-арабистов, изданных Институтом Ближнего Востока¹². В работах Е.С. Мелкумян уделяется особое внимание периоду, когда в Китае и Омане «были приняты перспективные планы развития, реализация которых стала стимулом для дальнейшего расширения оmano-китайских связей»¹³.

В коллективной монографии сотрудников Института стратегических оценок и анализа «Большой Ближний Восток» рассматривается влияние КНР в этом обширном регионе с акцентом на то, что он особо интересен «Поднебесной» как источник энергоресурсов¹⁴. Полезной для соискателя оказалась и коллективная монография сотрудников Института Европы РАН, содержащая анализ политики КНР в Средиземноморье, в том числе в отношении арабских стран данного региона, включая проявления «мягкой силы» Пекина в Восточном Средиземноморье¹⁵. Также были использованы труды сотрудников Института востоковедения РАН, в частности,

⁹ Захаров А., Русак Н. Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // Мировое национальное хозяйство. 2017. № 4 (43). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-04/the-external-aspects-of-energy-security-strategy-of-china>

¹⁰ Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Выпуск № 4. С. 616-627.

¹¹ Исраилов А.Х., Шириязданова И.Ф., Гатамова М.М., Экажева Е.Б. Энергетический фактор стран Персидского залива в американской стратегии сдерживания КНР // Мировая политика. 2020. № 3. С. 1 - 13.

¹² Мамед-заде П.Н. Египетские интересы в Китае: об итогах визита Хосни Мубарака в Пекин // Институт Ближнего Востока. 2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5151>; Косач Г.Г. Иностраные инвестиции в Саудовской Аравии: Китай и Япония лидируют. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2007/05-05-07c.htm>; Кузнецов Р.А. Об экспансионистской экономической политике Китая в отношении некоторых стран Ближнего Востока. 2020; Кузнецов Р.А. О роли Ближнего Востока в системе глобальных приоритетов КНР 2020; Кузнецов Р.А. О новом расширении экономического влияния Китая в ОАЭ 2020; Кузнецов Р.А. О роли и месте Китая на Ближнем Востоке 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72151>

¹³ Мелкумян Е.С. Султанат Оман - КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 46-50.

¹⁴ Большой Ближний Восток / Под. ред. В.А. Гусейнова. М., ОЛМА медиа групп, 2007. 592 с.

¹⁵ Фактор Китая в Средиземноморье / под ред. О.В. Буториной и Е.С. Алексеенковой. М., ИЕ РАН, 2022.

известного российского специалиста по странам Арабского Востока Б.В. Долгова¹⁶, занимающегося изучением конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке и в странах Северной Африке, региональными международными отношениями в контексте событий «арабской весны»; работы М.А. Пахомовой¹⁷, руководителя Лаборатории изучения традиций гуманитарной науки на Востоке, а также ученых Института Дальнего Востока РАН, таких как А.С. Евсеенко¹⁸. Сотрудник Института Африки РАН Т.Л. Дейч¹⁹ занимается внешней политикой Китая, в том числе на ближневосточном направлении. В частности, в своей работе «Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире» автор акцентирует внимание на такой проблеме, как борьба в регионе за ресурсы, включая энергоресурсы. Эксперт отмечает, что тесные и стабильные отношения Пекина со странами афро-азиатского мира способствуют упрочению контактов по линии Юг–Юг. Интерес также представляло диссертационное исследование Е.А. Базановой²⁰.

Китайская историография. В эту группу входят работы известных китайских ученых-международников, таких как Ван Цзисы²¹, Цинь Яцин²², Мэнь Хунхуа²³. Отметим работы Чжэн Бицзянь²⁴ и заместителя директора Института международных

¹⁶ Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 655-670.

¹⁷ Пахомова М.А. Особенности политической культуры Китая в источниках по политике КНР в отношении государств Арабского Востока (2014–2019) // Востоковедение: история и методология. 2019. № 1. С. 32-45; Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае // Религия и общество на Востоке. 2016. № 1. С. 181-202.

¹⁸ Евсеенко А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. //Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника /отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020.

¹⁹ Дейч Т.Л. Политика Китая в странах Северной Африки и Средиземноморья //Ученые записки Института Африки РАН. 2018 № 2 (43). С. 95-111; Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 595-611.

²⁰ Базанова Е.А. Отношения КНР с арабскими странами Ближнего Востока в 1980-2010 гг. Диссертация на соискание ученой степени к.п.н. М., РУДН, 2011.

²¹ Wang Jisi. Marching Westwards: The Rebalancing of China's Geostrategy //International and Strategic Report (Peking). 2012. No. 73, October 7.

²²Yaqing Qin. Continuity through Change: Background Knowledge and China's International Strategy // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7, No. 3. P. 285–314.

²³Men Honghua. Zhongguo ruan shili pinggu baogao (Assessment Report on China's Soft Power) // Guoji guanCha (International Observations). Part I. 2007. Issue 2. P. 15-26 and Part II. Issue 3. P. 37-46.

²⁴ Zheng Bijian. China Road of Peaceful Rise and the Future of Asia. Speech at the Bo'ao Asia Forum. 2003; Zheng Bijian. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2005.

стратегических исследований при Партийной школе ЦК КПК Гао Цзугуй²⁵, анализирующие внешнеполитическую стратегию Пекина. Не меньшую ценность для настоящей работы имели труды китайских экспертов, посвященные непосредственно отношениям Китая с арабскими странами Ближнего Востока: в их числе, труды У Сыкэ²⁶ и Ли Гофу²⁷, директора Центра ближневосточных исследований Китайского института международных исследований (CIIIS), дипломата и бывшего заместителя генерального директора Департамента по делам Западной Азии и Северной Африки Министерства иностранных дел КНР Яо Куаньги²⁸. Также представляли интерес работы сотрудников Института ближневосточных исследований Шанхайского университета международных исследований – таких, как Сунь Дэган²⁹, Цянь Сюймин³⁰, Ли И³¹. Китайские эксперты затрагивают исторические аспекты сотрудничества Китая с арабскими странами, а также рассматривают современное состояние китайско-арабского взаимодействия в различных областях – в политике, экономике, культуре, образовании и СМИ. Большинство китайских авторов подчеркивают, что история взаимодействия китайцев и арабов уходит корнями в глубокое прошлое, а современное развитие отношений, в сущности, является возрождением Великого шелкового пути и налаживанием цивилизационного диалога

---

²⁵ Gao Zugui. Development of China's Relations with the Middle East in the Context of Profound Changes. // Heping yu fazhan. 2014. No 4.

²⁶ Sike WU. The Strategic Docking between China and Middle East Countries under the "Belt and Road" Framework // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2015. Volume 9. Issue 4. P.1-13; Sike WU. Constructing "One Belt and One Road" and Enhancing the China-GCC Cooperation// Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia) 2015. Volume 9. Issue 2; Sike WU. The Upheaval in West Asia and North Africa: A Constructed New Viewpoint of World Security// Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2013. Volume 7. Issue 1. P.1-16.

²⁷ Li Guofu. The Prospects for Palestine-Israeli Peace Roadmap' // International Studies. No.5, 2003; Li Guofu. The Prospects for and Impact of U.S.-Iraq War // International Studies. 2003. No.2.

²⁸ Kuangyi YAO. China-Arab States Cooperation Forum in the Last Decade // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. Vol. 8. Issue 4. P. 26-42.

²⁹ Degang Sun. China's Soft Military Presence in the Middle East in the New Era // World Economics and Politics. 2014. 8: 4–29; Degang Sun. The Dragon Heads West: China-Arab Cooperation in the New Era // Georgetown Security Studies Review. 2015. Vol. 1, No.2; Degang Sun. China and the Middle East Security Governance in the New Era // Contemporary Arab Affairs. 2017. Vol. 10. No. 3. P. 354-371; Degang Sun. China's Partnership Diplomacy towards the Middle East Countries in the 21st Century// Journal of World Economics and Politics. 2019. No. 7.

³⁰ Qian Xuming. The Belt and Road Initiatives and China-Middle East Energy Cooperation // International Relations and Diplomacy. October 2016. Vol. 4. No. 10. P. 611-616.

³¹ Li Yi. The Gulf Region Security Situation and China's Strategic Choice // World Knowledge Press. October, 2010; Li Yi. Research on the Arab Think Tanks under the Background of "the Belt and Road Initiative // Current Affairs Press. July 1, 2020.

между государствами Ближнего и Дальнего Востока. Помимо этого, были использованы материалы, изданные Китайской ассоциацией ближневосточных исследований, Институтом исследований стран Ближнего Востока при Шанхайском университете международных отношений³², Институтом Западной Азии и Африки Академии общественных наук КНР и др. В публикациях таких журналов, как «Си Я Фэйчжоу» («Западная Азия и Африка³³»), «Алабо шицзе яньцзю» («Исследования арабского мира³⁴»), «Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)», анализируются различные аспекты отношений Китая и арабских стран. Среди китайских авторов, регулярно публикующих там аналитические статьи, следует отметить таких известных арабистов, как Ли Вэйцзянь³⁵, директора департамента исследований стран Западной Азии и Африки при Шанхайском университете международных отношений; Чжу Вэйле³⁶, директора Центра изучения Ближнего Востока, директора Центра исследований Форума китайско-арабского сотрудничества; Цзинь Лянсян,³⁷ заместителя директора Центра западно-азиатских и африканских исследований (SIIS), и др.

По мнению соискателя, хотя в упомянутых работах содержится обширная и полезная фактология, но, вместе с тем, прослеживается определенная политическая

---

³² Jointly Building “Belt and Road” and Promoting the New Starting Point of Collective Cooperation between China and Arab Countries: Achievements and Prospects of CASCF. Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASCF. 2018.

³³ Bao C. Current Situation, Foundation and Challenges of Cultural Exchanges between China and Arab Countries // West Asia and Africa. 2019. (1), 140-160.

³⁴ Ding, J. & Chen, J. On Cultural Exchanges between China and Middle East Countries since the Reform and Opening up // Arab World Studies. 2018. (5). P. 34-35; Hua L. Iranian Nuclear Issue and China’s Middle East Diplomacy // Arab World Studies. 2014. 6:4–16.

³⁵ Li Weijian. Bilateral Relations Between China and the Middle East and the Importance of the Middle East in China’s Strategy // XiYa Feizhou. 2014. № 6.

³⁶ Zhu Weilie. Dialogue among Civilizations: a Close Look at the Greater Middle East Reform // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2007. Vol. 1. No. 1. P. 46-54; Zhu Weilie. Middle East Terrorism, Global Governance and China’s Anti-terror Policy // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2011. Vol. 5. No. 2. P.1-16. Zhu Weilie. On the Strategic Relationship between China and Islamic Countries in the Middle East 2010 // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2010. Vol. No. 4. P. 1-27.

³⁷ Jin Liangxiang and Dr N. Janardhan. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf. Emirates Diplomatic Academy. June 2018.

ангажированность. Отдельный интерес представляют труды, написанные в соавторстве арабскими и китайскими специалистами³⁸, либо китайскими и западными экспертами³⁹.

Западная историография может быть разделена на несколько групп. К первой группе относятся труды, посвященные общему анализу роли Китая на Ближнем Востоке. К ним следует отнести работы ученых американского исследовательского центра RAND⁴⁰, Ноттингемского института политики Китая⁴¹, Европейского института Средиземноморья⁴², Университета Альберты⁴³. Научную ценность представляют также труды по современной политике КНР в отношении стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Из авторов, работающих на этом направлении, можно выделить таких, как известный западный эксперт по международным отношениям в зоне Персидского залива Джонатан Фултон⁴⁴, профессор Института арабских и исламских исследований Эксетерского университета Тим Ниблок⁴⁵, ученый из Халифского университета науки технологий и исследований в Абу-Даби (KUSTAR)

---

³⁸ Degang Sun & Abdrabou A.A. The Development of China-Arab Cultural Exchanges: Opportunities and Challenges in the Belt and Road Era. // *Belt & Road Initiative Quarterly*. 2021. 2(4), 24-42.

³⁹ Lons Camille, Fulton Jonathan, Degang Sun, Naser Al-Tamimi. China's Great Game in the Middle East. The European Council on Foreign Relations (ECFR). October 2019. Series. ECFR Policy Briefs; Degang Sun & Yahia Zoubir. China's Participation in Conflict Resolution in the Middle East and North Africa: A Case of Quasi-Mediation Diplomacy? // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. Issue 110. P. 224-243; Degang Sun & Yahia Zoubir. China's Response to the Revolts in the Arab World: A Case of Pragmatic Diplomacy // *Journal of Mediterranean Politics*. 2014. Vol. 19. Issue 1. P. 2-20.

⁴⁰ Scobell Andrew, Nade Alireza. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND, 2016.

⁴¹ Niv Horesh. Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring // *The Nottingham China Policy Institute Series*. 2016.

⁴² Sidło Katarzyna W. (Ed.). The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? // *IEMed - European Institute of the Mediterranean*. Barcelona, 2020.

⁴³ Houlden Gordon & Nouredin M. Zaamout. A New Great Power Engages with the Middle East: China's Middle East Balancing Approach. China Institute, University of Alberta. January 2019.

⁴⁴ Fulton Jonathan. China's Relations with the Gulf Monarchies // *Rethinking Asia and International Relations*. Routledge. 2019. Fulton Jonathan. China between Iran and the Gulf Monarchies // *Middle East Policy*. 2021. Vol. 28. Issue 3-4. P. 1-14; Fulton Jonathan. China in the Persian Gulf: Hedging under the U.S. Umbrella // *Routledge Handbook of Persian Gulf Politics* / ed. Mehran Kamrava. Abingdon: Routledge, 2020. P. 492-505; Fulton Jonathan. Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations // *Atlantic Council*, 2020; Fulton Jonathan. Domestic Politics as Fuel for China's Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies // *Journal of Contemporary China*. 2020. Volume 29. Issue 122. P.175-190; Fulton Jonathan. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // *The Middle East Institute*. Oct 17, 2017.

⁴⁵ Niblock Tim. China and the Middle East: A Global Strategy where the Middle East has a Significant but Limited Place // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14. Issue 4. P. 481-504; Niblock Tim. The Gulf, the West and Asia: Shifts in the Gulf's Global Relations. Lecture at 4th International Forum on Asia and the Middle East: International Conference on Great Powers and the Middle East Political & Social Transformation. Shanghai, 10 September 2014.

Мухамад С. Олима⁴⁶. Эти и другие авторы трактуют растущее присутствие Китая на Ближнем Востоке неоднозначно, высказывая определенные опасения, которые эта тенденция вызывает в странах Запада. О конкуренции Китая с другими крупными международными акторами на Ближнем Востоке в привязке к теме «арабской весны» повествует специалист в области глобальной безопасности и геостратегии, директор ближневосточной программы Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Джон Альтерман⁴⁷, а также Майкл Сингх из Вашингтонского института ближневосточной политики (WINEP)⁴⁸.

Помимо этого, интерес представляет аналитика, подготовленная сотрудниками Брукингского института в Дохе (Brookings Institution in Doha, Qatar)⁴⁹, Института арабских стран Залива в Вашингтоне (The Arab Gulf States Institute in Washington)⁵⁰, Арабского центра в Вашингтоне (Arab Center Washington DC)⁵¹, Дипломатической академии ОАЭ (Emirates Diplomatic Academy)⁵². В данных публикациях анализируется китайская инициатива «Один пояс - один путь» и ее последствия для Ближнего Востока. В этой связи сложно не заметить, что видение Запада в плане перспектив сотрудничества Китая с арабским миром имеет негативный оттенок и сосредоточено на «выискивании» недостатков в ближневосточной политике Пекина.

---

⁴⁶Olimat Muhamad S. *China and the Middle East since World War II: Bilateral Approach*. Lanham and Boulder: Lexington Books, 2010.

⁴⁷ Alterman John. *Chinese and Russian Influence in the Middle East* // *Middle East Policy*. 2019. 26, № 2: 136; Alterman J. B. *China's Soft Power in the Middle East* // *Chinese Soft Power and its Implications for the United States*. Center for Strategic & International Studies (CSIS), Washington, D.C. 2009. P. 63-76; Alterman John, Garver John W. *The Vital Triangle: China, the United States, and the Middle East*. Washington D.C, Center for Strategic and International Studies, 2008.

⁴⁸ Singh M. *Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings* // *Toward Well-Oiled Relations?* The Nottingham China Policy Institute Series. London, Palgrave Macmillan, 2016. URL: https://doi.org/10.1057/9781137539793_11; Michael Singh. *China in the Middle East: Following in American Footsteps?* // *The Washington Institute for Near East Policy*. June 1, 2018.

⁴⁹ *The Belt and Road Initiative: China-Middle East Cooperation in an Age of Geopolitical Turbulence* // The Brookings Institution, Doha, Qatar. December 2019; Kemp Geoffrey. *The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East* // Brookings Institution, Washington D.C, 2010; Gause Gregory. *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War* // Brookings, Doha Centre Analysis Paper, July 2014.

⁵⁰ Mogielnicki Robert. *Oman's Bittersweet Economic Relations with China*. // *The Arab Gulf States Institute in Washington*, July 21, 2020.

⁵¹ Dunne C.W. *China's Belt and Road Initiative and US Middle East Policy* // Arab Center Washington DC, 13.01.2021.

⁵² Dr Jin Liangxiang and Dr N. Janardhan. *Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf* // Emirates Diplomatic Academy. June 2018.

Арабская историография. В последнее десятилетие исследовательские центры в регионе уделяют большое внимание арабо-китайским отношениям. Назовем работы, изданные Центром ближневосточных исследований (Иордания)⁵³, Арабским центром политических исследований (Катар)⁵⁴, Центром исследований арабского единства (Ливан)⁵⁵, Арабским демократическим центром (Берлин)⁵⁶, Центром исследований Аль-Джазира⁵⁷.

Также отметим труды арабских исследователей, специализирующихся на китайской проблематике, таких, как: Ануд Абдул Рахман Аль-Хабашнех⁵⁸, Самер Хайр

---

⁵³ كتاب “اتجاهات تطور العلاقات العربية-الصينية . عمان –مركز دراسات الشرق الأوسط/2019. (Тенденции развития арабо-китайских отношений. Центр ближневосточных исследований. Амман 2019.)

⁵⁴ العرب والصين : مستقبل العلاقة مع قوة صاعدة . المركز العربي للأبحاث ودراسات السياسة – قطر 2016 (Арабы и Китай: будущее отношений с растущей державой. Арабский центр политических исследований. Катар 2016.)

⁵⁵ كتاب العلاقات العربية الصينية – لبنان , مركز دراسات الوحدة العربية 2017 . (Арабо-китайские отношения. Центр исследований арабского единства. Ливан, 2017.)

⁵⁶ السياسة الخارجية الصينية اتجاه الشرق الأوسط بعد الربيع العربي . 2017 . مجموعة مؤلفين . برلين . المركز الديمقراطي العربي . (Внешняя политика Китая на Ближнем Востоке после «арабской весны». Берлин. Арабский демократический центр, 2017.)

⁵⁷

شفيق شقير. طريق الحرير الجديد في سياق العلاقات العربية الصينية-مركز دراسات الجزيرة 2017 (Шафик Шукер. Новый шелковый путь в контексте арабо-китайских отношений. Центр исследований «Аль-Джазира», 2017)

⁵⁸ د. عنود عبدالرحمن الحباشنة. السياسة الخارجية للصين تجاه الدول العربية , رؤية مستقبلية . (2020) . دار الخليج للنشر والتوزيع.الاردن. (Аль-Хабашнех Ануд Абдул Рахман. Внешняя политика Китая по отношению к арабским странам, видение будущего. Издательский дом Gulf House, Иордания, 2020.)

Ахмед⁵⁹, Аднан Халаф аль-Бирани⁶⁰, Хикмат Абд ар-Рахман⁶¹, Анас Халед аль-Нассар⁶², Валид Абдель Хай⁶³, Казем Хашем Нима⁶⁴ и др.

Таким образом, что касается выявления современных политических подходов КНР - крупнейшего международного актора к арабским странам, включая аравийские монархии – экспортеров энергоресурсов, то данная проблематика пока не была темой самостоятельного научного исследования, что обуславливает необходимость проведения специальных исследований, нацеленных на анализ особенностей сотрудничества Китая с государствами Арабского Востока.

Источниковую базу исследования условно можно разделить по видовому принципу на следующие группы: нормативно-законодательные, делопроизводственные, публицистические и статистические источники.

Первая группа – нормативно-законодательные источники, отражающие официальную позицию руководства Китая по вопросам внутренней и внешней политики. В эту группу можно отнести Конституцию КНР⁶⁵, внешнеполитические концепции государства, например, «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы "Один

⁵⁹ - سامر خير أحمد. ومستقبل الصين – ثقافة للنشر والتوزيع. 2012- الاردن.

(Ахмед Самер Хайр. Арабы и будущее Китая. *Thaqafa for Publishing and Distributing*. Иордания, 2012. عدنان خلف البيراني- السياسات الخارجية للقوى الآسيوية الكبرى تجاه المنطقة العربية –العراق 2016 .

(Аль-Бирани Аднан Халаф. Внешняя политика ключевых азиатских держав в отношении арабского региона. *Academic for Publishing and Distributing*. Иордания, 2016.).

⁶¹ حكيمات العبد الرحمن . الصين والشرق الأوسط : دراسة تاريخية في تطور موقف الصين تجاه قضايا المنطقة العربية . المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات. 2020.

(Ар-Рахман Хикмат Абд. Китай и Ближний Восток: историческое исследование позиции Китая по вопросам арабского региона. Арабский центр политических исследований, 2020).

⁶² أنس خالد النصار. الاستراتيجية الصينية تجاه الدول العربية الأهداف والمآلات - دراسة استشرافية. المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات. 2020.

(Аль-Нассар Анас Халед. Стратегия Китая в отношении арабских стран: цели и задачи - перспективное исследование. Арабский центр политических исследований. 2020.)

⁶³ وليد عبد الحي (2022), مستقبل العلاقات الصينية العربية 2030 . مركز الزيتونة للدراسات والاستشارات , بيروت, 2022

Валид Абдель Хай. Будущее китайско-арабских отношений в 2030 г. Центр исследований и консультаций «Аз-Зайтун». Бейрут, 2022)

⁶⁴ كاظم هاشم نعمة . القوة الناعمة الصينية والعرب.مجلة سياسات عربية . العدد 26 .ايلول 2017 . المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات. (Нима Казем Хашем. «Мягкая сила» Китая и арабов // Арабская политика. Выпуск 26. Сентябрь 2017. Арабский центр политических исследований.).

⁶⁵ Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1983. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution/>

пояс - один путь»⁶⁶, межгосударственные договоры, в том числе, заключенные в рамках инициативы «Один пояс – один путь»⁶⁷.

Делопроизводственные источники представлены достаточно широко. Это, например, доклады ЦК КПК⁶⁸, документы заседаний Форума китайско-арабского

---

⁶⁶ Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы "Один пояс - один путь". URL: http://www.sohu.com/a/310007214_114731

⁶⁷ الإتفاقية الطارئة للتعاون الاقتصادي والتجاري والاستثماري والفني بين دول مجلس التعاون لدول الخليج العربية وجمهورية الصين الشعبية 6 يولييه 2004م

(Рамочное соглашение об экономическом, торговом, инвестиционном и техническом сотрудничестве между странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и Китайской Народной Республикой. 6 июля 2004 г.); A Joint Cooperation Agreement Between the Saudi Press Agency and the Chinese Xinhua News Agency. 1999. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2878_663746/2879_663748/200206/t20020605_534599.html; Официальный сайт инициативы «Один пояс – один путь». URL: <https://www.beltroad-initiative.com/>

⁶⁸ Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China on Oct. 15, 2007;

сотрудничества⁶⁹ – «Планы действий»,⁷⁰ «Декларации действий»⁷¹, итоговые заявления⁷², выпускаемые на арабском, китайском и иногда английском языках. В эту группу источников можно также включить документы Госсовета КНР⁷³, министерств и ведомств

⁶⁹ وثيقة تأسيس منتدى التعاون الصيني العربي 14 سبتمبر 2004;

(Основополагающий документ Форума китайско-арабского сотрудничества, 14 сентября 2004 г.)

⁷⁰ البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2010-2012;

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2010-2012 гг.)

البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2012-2014;

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2012-2014 гг.)

البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي 2016-2018. 12 مايو 2016;

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2016-2018 гг. 12 мая 2016 г.)

البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2018-2020. بيجين، 10 يوليو 2018;

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества 2018-2020 гг., Пекин, 10 июля 2018 г.)

البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2020 – 2022. 10-08-2020;

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2020-2022 гг., 10 августа 2020 г.)

الخطة التنموية العشرية لمنتدى التعاون الصيني العربي خلال الفترة 2014-2024;

(Десятилетний план развития Форума Китайско-арабского сотрудничества на 2014-2024 гг.)

⁷¹ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative. 2018. China-Arab States Cooperation Forum.

الإعلان المشترك حول إقامة علاقات التعاون الاستراتيجي بين الصين والدول العربية في إطار منتدى التعاون الصيني العربي. منتدى التعاون الصيني العربي. 17-05-2010;

(Совместная декларация об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в рамках Китайско-арабского Форума. 17 мая 2010 г.)

إعلان عمان للدورة التاسعة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي 2020;

(Амманская декларация девятой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 2020 г.)

إعلان بيجين للدورة السادسة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني. 2014/6/5;

(Пекинская декларация шестой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 06.05.2014;)

إعلان الدوحة للدورة السابعة للاجتماع الوزاري. 12 مايو 2016;

(Дохинская декларация седьмой сессии Совещания министров. 12 мая 2016 г.)

إعلان بيجين للدورة الثامنة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي. بيجين، 10 يوليو 2018;

(Пекинская декларация восьмой министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества, Пекин, 10 июля 2018 г.)

⁷² البيان الختامي الصادر عن الدورة الرابعة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي. 14 مايو/ أيار عام 2010;

(Заключительное заявление, опубликованное на четвертой Министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества. 14 мая 2010 г.)

البيان الختامي للدورة الثامنة لندوة العلاقات العربية - الصينية والحوار بين الحضارتين العربية والصينية لمنتدى التعاون العربي-الصيني، 17-18 ديسمبر 2019;

(Итоговое заявление по арабо-китайским отношениям и диалогу между арабскими и китайскими цивилизациями Форума китайско-арабского сотрудничества, 17-18 декабря 2019 г.)

⁷³ China's Peaceful Development. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. September 2011, Beijing. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm;

⁷⁴, информирующие о китайско-арабских отношениях и инициативе «Один пояс - один путь».

Публицистические источники – это, прежде всего, выступления руководителей КНР по вопросам внешней политики. Особое внимание уделено анализу официальной позиции Пекина, содержащейся в выступлениях Си Цзиньпина⁷⁵, Ху Цзиньтао⁷⁶, Ван И⁷⁷, Вэнь Цзябао⁷⁸, интервью для прессы послов Китая в арабских странах⁷⁹, выступления

⁷⁴ The Diversified Employment of China's Armed Forces. Ministry of National Defense, People's Republic of China, April 16, 2013; China's Arab Policy Paper. January 2016. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/201601/t20160114_679437.html; Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века// Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. 28 марта 2015.

⁷⁵ Xi Jinping's speech: "Promote People-to-People Friendship and Create a Better Future" at Kazakhstan's Nazarbayev University. Sept. 7, 2013; Xi Jinping's speech: "Promoting Silk Road Spirit and Deepening China-Arab Cooperation". June 5, 2014, at the Sixth Ministerial Conference of the China-Arab States Cooperation Forum; Xi Jinping's speech: "Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations" at the Arab League Headquarters Cairo, 21 January 2016; Xi Jinping's speech: "Joining Hands to Advance Sino-Arab Strategic Partnership in the New Era" at the Opening Ceremony of the Eighth Ministerial Meeting of The China-Arab States Cooperation Forum. 2018.07.10 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China; The Joint Press Communiqué between the People's Republic of China and The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC). 2004-07-07.

⁷⁶ Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Hu Jintao. Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive for New Victories in Building a Moderately Prosperous Society in all // Жэньминь жибао (The full text of Hu Jintao's report at the 18th CCP Congress).

⁷⁷ Wang Yi: Deepen China-Arab Cooperation, 5 June 2014, Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China; Wang Yi: The Joint Building of the Belt and Road between China and Arab States in the Middle East is Rapidly Taking Shape. 2018-07-10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China; Wang Yi: China and Arab States should Firmly Support Each Other's Core Interests. 2018-07-10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China; Wang Yi: Exclusive Interview: Obama on the World. The New York Tim. August 9, 2014.

⁷⁸ "Let Arab-China Friendship Surge Forward Like the Nile," Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China, January 22, 2016

⁷⁹ | 21-03-2021 . مقابلة خاصة: سفير الصين لدى الكويت: الصين ستعزز تعميق الشراكة الاستراتيجية مع الكويت. شينخوا . 21-03-2021 . (Эксклюзивное интервью: посол Китая в Кувейте: Китай будет и дальше углублять стратегическое партнерство с Кувейтом // Синьхуа. 2021-03-21). URL: http://arabic.news.cn/2021-03/21/c_139825341.htm; مقابلة سعادة السفير الصيني وانغ كيجيان مع موقع لبنان 24 - 25/02/2020

(Интервью посла Китая Ван Кэцзяня веб-сайту Ливан 24 . 25 февраля 2020 г.). URL: <http://lb.china-embassy.org/eng/xwdt/t1749057.htm>;

28/05/ قبول سعادة السفير الصيني لدى اليمن تبيان تشي تغطية اعلامية صينية ويمنية حول بناء " الحزام والطريق." 2017/ (Посол Китая в Йемене Тянь Ци: освещение в китайских и йеменских СМИ строительства «Пояса и пути».)// China-Arab States Cooperation Forum. 28.05.2017). URL: <https://www.fmprc.gov.cn/zalt/ara/yjzs/t1465958.htm> . جريدة . السفير الصيني في عمان: نسطر فصلا جديدا في صداقتنا مع العرب . 14-07-2020 . الغد

Посол Китая в Аммане: Мы пишем новую главу нашей дружбы с арабами. // Аль-Гхад. 2020-07-14. <https://alghad.com/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%81%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8A%D9%86%D9%8A-%D9%81%D9%8A->

арабских государственных деятелей⁸⁰. Источники этой группы позволила глубже осмыслить уровень и характер китайско-арабского диалога.

Группу *статистических источников* составили документы, опубликованные в официальных ежегодниках Статистического управления КНР «China Statistical Yearbook»⁸¹ и статистических отчётах департамента стран Западной Азии и Северной Африки Министерства коммерции КНР⁸². Привлекались также данные из официальных ежегодников статистических управлений арабских стран, например, Омана⁸³, международных структур, таких, как Всемирный банк⁸⁴, бизнесструктур, в частности, China Global Investment Tracker⁸⁵, US Energy Information Administration⁸⁶, British Petroleum⁸⁷ и др. Также была задействована статистика, касающаяся реализации проекта «Один пояс - один путь»⁸⁸. Источники этой группы позволили оценить результаты китайско-арабского экономического и энергетического сотрудничества, инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Широко использовались новостные материалы СМИ: Синьхуа⁸⁹, CGTN⁹⁰ и др.

⁸⁰ السفير المصري : العلاقات المصرية الصينية تشهد مزيدا من التطور 2009:04:16 (Посол Египта: Египетско-китайские отношения переживают дальнейшее развитие 2009.04.16.)// Arabic.peopledaily. URL: <http://arabic.people.com.cn/31660/6638421.html>

⁸¹ National Bureau of Statistic of China. China Statistical Yearbook. 2004-2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>
China's 2010 Census Data. //National Bureau of Statistics of China <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexce.htm>

⁸² General Administration of Customs of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/>

⁸³ National Center for Statistics and Information of Oman //Statistical Year Book, 2021.

⁸⁴ World Bank Data Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Health%20Nutrition%20and%20Population%20Statistics:%20Population%20estimates%20and%20projections;>

World Bank. 2019. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. Washington, DC: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31878>

⁸⁵ China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

⁸⁶ US Energy Information Administration, International Energy Outlook 2016 “China International Energy Data and Analysis. URL: [https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484(2016).pdf); BP Statistical Review of World Energy 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

⁸⁷ Country and Regional Insights – China. British Petroleum Energy Outlook, 2016.

⁸⁸ BRI Connect: An Initiative in Numbers. Refinitiv – reports 2019.

⁸⁹ Backgrounder: China-Arab States Cooperation Forum //Xinhua. May 12, 2016. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2016-05/12/c_135354230.htm

⁹⁰ China-Kuwait Ties: President Xi and Emir Al-Sabah agree to establish strategic partnership // CGTN. 2018, July 12. URL: https://news.cgtn.com/news/3349544f33454464776c6d636a4e6e62684a4856/share_p.html

Таким образом, представленная источниковая база является репрезентативной и позволяет исследовать избранную тему предметно и всесторонне.

Методология исследования. Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, что позволило автору рассмотреть эволюцию ближневосточной политики Китая в период с 2004 по 2022 гг. в едином комплексе исторических, политических и экономических обстоятельств. Автор придерживается парадигмы неореализма, в частности, теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому, внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. Национальные интересы любого государства рассматриваются в качестве ключевой предпосылки внешнеполитических действий.

Полезными оказались положения теории «властного транзита», которые приблизили к пониманию роли и места Китая, превращающегося в сверхдержаву в мировой политике. Автор использовал системный подход, что позволило проанализировать отношения Китая с арабскими странами Ближнего Востока как некую систему, включающую различные составляющие – политико-дипломатическую, торгово-экономическую, культурно-гуманитарную области.

В основу исследования легли такие принципы научного познания, как историзм, научная объективность и достоверность. Первый позволил диссертанту рассмотреть события внешнеполитической истории Китая в их причинно-следственной и временной связи. Второй дал возможность провести историческое исследование с учетом объективных закономерностей, с опорой на подтвержденные факты. Применяя принцип достоверности, диссертант прибегал к насыщенной фактологии, что дало возможность рассматривать арабо-китайский диалог на основе информации, подтвержденной документальными источниками.

Методы исследования. Для всестороннего изучения китайско-арабских отношений в работе был применен ряд общенаучных и специально-исторических методов исследования. Общенаучные методы – это совокупность методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, единства исторического и логического. В работе были использованы и специально-исторические методы исследования: историко-

сравнительный, историко-генетический, историко-системный, а также статистические методы, необходимые для обработки экономической информации. Историко-сравнительный метод позволил выстроить историческую канву изучаемой проблемы в объективной последовательности, выявлять синергическую связь и логическую взаимозависимость разрозненных фактов и отдельных событий, рассматривать их в виде составных элементов, взаимодействующих в конкретной обстановке. Историко-генетический метод позволил автору рассмотреть эволюцию ближневосточной политики Китая в период с 2004 по 2022 гг. и выявить особенности этого процесса на разных этапах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– выявлены и систематизированы факторы, оказывавшие влияние на ближневосточную стратегию Китая в период с 2004 по 2022 гг. Новые политические реалии, детерминированные процессами глобализации и регионализации на Евразийском пространстве, а также обусловленные тенденциями формирования многополярного мира, внесли существенные коррективы во внешнеполитический курс ведущих мировых игроков, включая КНР, в сторону активизации отношений с арабскими государствами и прежде всего, с обладателями энергоресурсов;

– представлена эволюция отношений Китая с арабскими странами, выявлены особенности китайско-арабского сотрудничества в политической, экономической и культурно-гуманитарной областях за последние два десятилетия, определены достижения и слабые стороны этого взаимодействия;

- доказана роль созданного в 2004 г. Форума китайско-арабского сотрудничества как одного из ключевых инструментов реализации многопланового диалога сторон, внесшего значительный вклад в разработку и реализацию крупных совместных проектов;

- раскрыта динамика отношений Китая со странами Арабского Востока, в особенности после запуска инициативы «Один пояс – один путь», основного внешнеполитического проекта Китая, предполагающего включенность в него, наряду с другими, стран Арабского Востока. Это позволило оценить значимость инициативы для сотрудничества по линии Юг-Юг, а также для формирования многополярного мира. Анализ проводился с учетом глобальной трансформации всей системы международных

отношений, равно как и оценки возможностей и рисков, которые несет этот масштабный китайский проект для стран Ближнего Востока;

- в работе использованы материалы и оригинальные источники на арабском, русском и английском языках, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, что позволило полно и всесторонне исследовать отношения Китая с арабскими ближневосточными странами в рассматриваемый период.

Положения, выносимые на защиту:

1. За последние два десятилетия во внешней политике Китая произошли серьезные изменения. Пекин выступил с рядом масштабных международных инициатив, осуществление которых нацелено на усиление позиций КНР на международной арене и превращение его в мировую сверхдержаву. Ближний Восток представляет собой сферу стратегических интересов Китая; особенно это касается таких сфер, как энергетика и торговля, и значение региона еще более выросло после объявления инициативы «Один пояс - один путь».

2. Политика Китая на Ближнем Востоке четко нацелена на реализацию его национальных интересов – а именно: обеспечение энергетической безопасности, получение обширных рынков для своей товарной продукции, создание условий для беспрепятственной реализации инициативы «Один пояс - один путь». Упомянутая инициатива усиливает экономическую взаимозависимость между Китаем и арабскими странами, открывает для них новые перспективы, но вместе с тем и влечет за собой определенные риски. Таким образом, растущие амбиции Китая в совокупности с продвижением амбициозного проекта естественным образом привели к значительному росту участия Китая в делах региона.

3. Высокий конфликтный потенциал Ближнего Востока создает ощутимые трудности для реализации внешнеполитической стратегии Пекина. Новая геополитическая реальность, складывающаяся в регионе, неизжитые противоречия, угроза распространения терроризма и активность экстремистских группировок затрагивают национальные интересы региональных и внешних игроков, Китая в том числе. В арабском сообществе ожидают от него большей активности в решении политических

проблем, в содействии миротворчеству, что согласуется с китайским видением будущего многополярного мира.

4. Китай строит свои отношения с арабскими странами Ближневосточного региона в двустороннем и многостороннем форматах. В связях с отдельными странами Пекином применяется дипломатия «стратегического партнерства», с акцентом на ключевых региональных игроках. Многосторонний формат реализуется через работу с региональными организациями. Создание Форума китайско-арабского сотрудничества стало поворотным моментом в отношениях партнеров и основным инструментом в продвижении диалога между сторонами. Дипломатия на высшем и высоком уровнях между Пекином и арабскими столицами еще более укрепляет эти два подхода.

5. В основе китайско-арабского сближения в основном лежит взаимодействие в торгово-экономической и энергетической областях. В этой связи аравийские монархии-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) являются ключевыми партнерами Пекина. Два самых влиятельных государства ССАГПЗ – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты – служат опорой китайского экономического курса на Ближнем Востоке. Вместе с тем, в рамках стратегического партнерства аравийские монархии ощущают потребность в сотрудничестве в такой чувствительной сфере, как безопасность.

6. Постоянные усилия Китая по ресурсному самообеспечению и налаживанию стратегических партнерских отношений в дополнение к инициативе «Один пояс - один путь» будут и дальше подпитывать его соперничество с США. Не исключается, что члены ССАГПЗ могут всерьез воспринять перспективу политических договоренностей и совместных мер безопасности с Китаем, особенно если США частично уйдут из Ближнего Востока или если между Вашингтоном и арабскими столицами образуется некая напряженность.

7. КНР стала активно применять инструментарий «мягкой силы» по отношению к арабским странам. Сотрудничество в сфере образования стало одним из основных направлений культурно-гуманитарного диалога, которое значительно укрепилось в последнее десятилетие.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что диссертация вносит определенный вклад в теорию и историю международных отношений, дополняет научные знания по современной истории арабских стран и Китая, их внешней политике, международным отношениям на глобальном и региональном уровнях. В работе с привлечением насыщенного фактологического и аналитического контента исследуются малоизученные аспекты развития политических и деловых связей КНР с влиятельными государствами Ближневосточного региона, раскрывается специфика и динамика этого процесса. На примере взаимодействия Китая со странами Арабского Востока показана важность комплексного изучения внешней политики Китая на ближневосточном направлении. Теоретическая значимость выражается также в систематизации знаний о внешней политике рассматриваемых государств на страновом, субрегиональном и региональном уровнях, что позволяет использовать результаты исследования в научно-исследовательской, практической и педагогической сферах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что диссертация вносит определенный вклад в теорию и историю международных отношений, дополняет научные знания по современной истории арабских стран и Китая, их внешней политике, международным отношениям на глобальном и региональном уровнях. В работе с привлечением насыщенного фактологического и аналитического контента исследуются малоизученные аспекты развития политических и деловых связей КНР с влиятельными государствами Ближневосточного региона, раскрывается специфика и динамика этого процесса. На примере взаимодействия Китая со странами Арабского Востока показана важность комплексного изучения внешней политики Китая на ближневосточном направлении. Теоретическая значимость выражается также в систематизации знаний о внешней политике рассматриваемых государств на страновом, субрегиональном и региональном уровнях, что позволяет использовать результаты исследования в научно-исследовательской, практической и педагогической сферах.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при подготовке научных трудов по внешней политике и дипломатии Китая и арабских стран, а также по международным отношениям на Ближнем Востоке. Результаты и выводы исследования могут быть полезны для внешнеполитических

ведомств и научно-аналитических центров. Материал диссертации может быть использован в образовательном процессе высших учебных заведений при подготовке лекционных курсов и семинарских занятий по истории международных отношений, внешней политике Китая на Арабском Востоке, регионоведению.

Степень достоверности обеспечивается репрезентативной источниково-информационной базой, системным подходом к анализу поставленных проблем, обращением к оценкам российских, западных, арабских и китайских специалистов, использованием разнообразных научных методов исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, апробированы в 5 научных публикациях диссертанта, в том числе, в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень РУДН, 1 статье, опубликованной в издании, входящем в международную базу цитирования Scopus.

Результаты исследования, положения и выводы диссертации нашли отражение в выступлениях на международных и межвузовских конференциях и форумах, среди которых: ежегодные конференции аспирантов и молодых ученых РУДН «Современные проблемы международных отношений и мировой политики»; международная научно-практическая конференция «Ближний Восток и Россия: контуры стратегического партнерства» (Международный центр научной и технической информации (МЦНТИ), 2021 г.), Межвузовский круглый стол «Регион Персидского залива в международных и региональных процессах» (РУДН, 2021 г.), вебинар «China and the world» (The Transnational Institute (TNI), онлайн, 2022 г.), Ближневосточный семинар имени Г.И. Мирского «Внешняя политика стран Совета сотрудничества Персидского залива в условиях сохраняющейся напряженности (Центр ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, 2022 г.), межвузовский круглый стол с международным участием «Ближний Восток в меняющемся мире (к 165-летию открытия российского дипломатического представительства в Иерусалиме)» (РУДН, 2023).

Глава I. Особенности отношений КНР с арабскими ближневосточными странами в политической сфере

1.1. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении арабских стран

С момента создания КНР (октябрь 1949 г.) ее внешняя политика развивалась по образу стороны треугольника, образуемого США, КНР и СССР. Тема Ближнего Востока прямо связывалась с реалиями «холодной войны», с характером присутствия в этом регионе—великих держав. В 50-е годы XX в. китайская политика была в основном направлена на укрепление отношений с Советским Союзом. Отправной точкой в арабо-китайских отношениях и формировании ближневосточной политики Пекина. Стала Бандунгская конференция (1954 г.), где 14 из 29 участников были с Ближнего Востока. Усилия Чжоу Эньлая на ниве китайской дипломатии стали приносить плоды после того, как он провозгласил пять принципов внешней политики Китая: уважение суверенитета и территориальной целостности друг друга, взаимное ненападение и невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Египет служил приоритетным адресатом арабской политики Пекина: он первым из арабских и африканских государств признал КНР (16 мая 1956 г.) и получил от нее помощь. Примеру Египта последовала Сирия (в декабре того же года), затем Ирак, Марокко и Судан в 1958 г. Главным тезисом китайской политики в то время была поддержка освободительных движений в арабском мире⁹¹.

В 1960-е гг. Китай декларировал борьбу против как американского империализма, так и советского «ревизионизма». СССР, служивший поначалу подспорьем при налаживании контактов Пекина со странами Ближнего Востока, затем сделался, напротив — препятствием. В то время как Москва сблизилась с Каиром и Дамаском, Пекин попытался (пусть без особого успеха) воспользоваться сменой режима в Багдаде для продвижения своих интересов. Хотя Китай все же заручился поддержкой Сирии и Египта для продвижения позиций в ООН, конфронтация с СССР способствовала его международной изоляции, в том числе на Ближнем Востоке.

---

⁹¹ Build a new international order on the basis of the Five Principles of Peaceful Coexistence. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/200011/t20001117_697829.html (дата доступа: 07.02.2022).

С началом «культурной революции» в конце 1960-х - начале 1970-х гг. Китай стал склоняться к поддержке леворадикальных движений (как в случае с Дофаром в Омане). Так, создание в 1964 г. Организации освобождения Палестины Пекин счел «важнейшим элементом революционной борьбы с империализмом и гегемонией»; вскоре здесь открылось представительство ООП. На том этапе воззрения Китая относительно арабского мира носили выраженный идеологический характер.

В 1970-е гг. Китай, напротив, предпринял шаги по сближению с США и Западом в противовес СССР. Это подразумевало для Пекина концептуальный пересмотр внешнего курса в целом, притом уже при наличии статуса и обязанностей постоянного члена СБ ООН. Это позволило ему добиться определенных успехов и на ближневосточной арене; Китай в одностороннем порядке признал Бахрейн, Оман, Катар и ОАЭ, возобновил связи с Кувейтом и Ливаном. Он также воспользовался напряженностью в советско-египетских отношениях и сблизился с Каиром, подписав с ним в 1977 г. военное соглашение и поддержав заключение мира с Израилем.

Впрочем, из четырех монархий Залива, признанных Китаем в 1971 г., только Оман нормализовал с ним дипотношения. В общем плане Китай не мог влиять на регион в силу ограниченных экономических и финансовых возможностей. И наконец, политика КНР на Ближнем Востоке выглядела «проарабской».

В 1979 г., с началом проводимой Дэн Сяопином «политики реформ и открытости», акценты вновь сменились: взамен негибких идеологических установок – задачи экономического роста. Китай взял курс на расширение связей с ближневосточными партнерами и особенно с нефтедобывающими странами. Проявляемая Пекином на этом этапе политическая гибкость способствовала установлению дипломатических отношений с ОАЭ (1984 г.), Катаром (1988 г.), ООП (1988 г.), Бахрейном (1989 г.) и Саудовской Аравией (1990 г.). В немалой степени задача Пекина сводилась к посильному ограничению здесь влияния Вашингтона и Москвы; его политика временами выглядела то нейтральной, то противоречивой. Это проявилось в отношении Израиля и Палестинской автономии, а также ирано-иракской войны. В 80-е гг. Пекин осуждал силовые вмешательства США и Израиля в Ливане, но постепенно стал увязывать это с международным контекстом. Что касается палестинской проблемы, вопроса, то,

демонстрируя ранее неограниченную поддержку ООП, Пекин все же примкнул к идее созыва международной конференции по Ближнему Востоку при условии соблюдения законных прав палестинцев.

В 90-е гг., после распада Советского Союза, озабоченность Китая американской гегемонией на Ближнем Востоке побудила сосредоточиться на улучшении отношений с арабскими государствами Залива. Это проявилось по мере того, как с 1993 г. великая дальневосточная держава превратилась из экспортера нефти в импортера. Именно это принято рассматривать как поворот внешней политики Китая в ближневосточном направлении, ранее не фигурировавшем в числе его главных внешних приоритетов; главный интерес проявлялся к азиатскому соседству и великим державам.

В результате изменений на международной арене на рубеже XX и XXI веков (диктат однополярности, американские вторжения в Афганистан и Ирак, либерализация мировой торговли, глобализация и т.п.) мирный процесс на Ближнем Востоке застопорился, и геополитические факторы в регионе поменялись. У Китая с ближневосточными странами наметился поворот к сближению, повышению взаимной поддержки в стремлении к международному консенсусу, политическим методам урегулирования кризисов⁹².

Китай всегда рассматривал арабский мир как гигантский геополитический «перекресток», где встречаются и неизбежно сталкиваются интересы мировых держав⁹³. Далее, регион имеет важные стратегические преимущества, во многом благодаря энергоресурсам. С позиций глобальной экономики он ценен своим местоположением, не говоря уже о высокой емкости рынков и покупательной способности, особенно в нефтедобывающих странах; Пролегающие здесь водные маршруты гарантируют Китаю непрерывный доступ к крупнейшим мировым рынкам и в том числе «заливному» региону.

---

⁹² لى وى جيان، تحليل ودراسة العلاقات بين الصين ودول الشرق الأوسط، مجلة السياسة الدولية، العدد رقم 145، إصدار شهر تموز 2001، ص، 50.

<http://www.f-law.net/law/showthread.php/48080>

(Ли Вэйцзянь. Анализ и изучение отношений между Китаем и Ближним Востоком //Журнал международной политики. Выпуск № 145, июль 2001 г. С. 50.).

⁹³ جواد، احمد، 2009، العلاقات العربية الصينية في 60 عام، جريدة .، الشرق الأوسط، أكتوبر، العدد 1174.
(Джавад Ахмед. Арабо-китайские отношения за 60 лет//Аш-Шарк Аль-Аусат. 2009 г., октябрь. Выпуск 1174).

Таким образом, геостратегический фактор выступает одним из важнейших, способствующих развитию отношений между двумя сторонами.

Пекин немало потрудился над расширением отношений с регионом, особенно в экономической сфере и в части поставок энергоресурсов. В то же время он по-прежнему воздерживается от вовлечения в региональные конфликты. Этапными событиями в этой связи стали политика «going out» (Zou Chuqu), принятая в 1999 г. и ставшая частью X пятилетнего плана (2001–2005 гг.), а также вступление Китая в ВТО в 2001 г.

В 2003 г. председатель Китайского института инноваций и стратегии развития (CIIDS). Чжэн Бицзянь сформулировал «концепцию мирного возвышения»: основной ее посыл ее – Китай в качестве нового ключевого игрока намерен не менять международный порядок⁹⁴. А следовать по пути социализма с «местной» спецификой и при активном участии в экономической глобализации, а не самоотстранения от нее. Во-вторых, Китаю следует опираться не только на собственные силы, но и формировать мирное международное окружение в регионе. И в-третьих, подъем должен быть достигаться исключительно мирными средствами: Пекин отвергает путь агрессии и внешней экспансии⁹⁵. Поскольку идея подъема, пусть и мирного, вызвала неоднозначную реакцию в мире, китайское руководство сменило ее на концепцию построения «гармоничного мира» (2005 г.), официально утвержденную на XVII съезде КПК в 2007 г.⁹⁶. Как подчеркнуто в «Белой книге о мирном развитии Китая» от 6 сентября 2011 г., «главная цель китайской дипломатии заключается в создании мирной и стабильной международной среды на благо развития»⁹⁷.

---

⁹⁴ Zheng Bijian. China road of peaceful rise and the future of Asia. Speech at the Bo'ao Asia Forum. 2003. URL: http://www.fondapol.org/wpcontent/uploads/pdf/documents/Etude_Emergence_pacifique_de_la_Chine_ENG.pdf (дата доступа: 07.02.2022); Zheng Bijian. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2005.

⁹⁵ Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2010. Т.8. №3 (24). Сентябрь-декабрь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twentyfour/005.htm> (дата обращения: 07.02.2022).

⁹⁶ Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь жибао. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (дата обращения: 10.03.2022).

⁹⁷ China's Peaceful Development. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. September 2011, Beijing. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 07.02.2022). http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm

Китай стремится сблизиться со странами Ближнего Востока и Северной Африки за счет "дипломатии партнерства" и участия в многосторонних институтах. В этом плане визит в регион в январе 2004 г. председателя Ху Цзиньтао имел большое значение: он объявил о создании Форума китайско-арабского сотрудничества. Это и механизм, и многосторонняя платформа для Китая и более двух десятков стран ЛАГ, призванная развивать контакты в области политики, торговли, культуры, современных технологий и международных отношений⁹⁸. Руководитель выдвинул четыре принципа партнерства Китая с арабскими странами: отношения на основе взаимного уважения, тесные торгово-экономические связи, расширение культурных обменов, сотрудничество на международной арене ради мира во всем мире и содействия развитию⁹⁹.

И результаты не замедлили появиться: экономический обмен между Китаем и странами ЛАГ увеличился с 36,7 млрд долларов в 2004 г. до 145,4 млрд в 2010 г.

Нефть служит предметом особой заинтересованности, и отсюда неудивительно, что китайская дипломатия сосредоточилась на зоне Персидского залива. Об этом свидетельствуют география визитов высокого уровня – например, визит Ху Цзиньтао в Саудовскую Аравию в 2004, 2006 и 2009 гг.¹⁰⁰, а также премьер-министра Китая Вэнь Цзябао в Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ в январе 2001 г. Совместная делегация из шести министров финансов государств-участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и генерального секретаря Совета посетила КНР в июле 2001 г.; стороны заключили рамочное соглашение о сотрудничестве и согласились на переговоры по зоне свободной торговли¹⁰¹.

Китайско-саудовские отношения поднялись на новый уровень в январе 2006 г., когда король Абдалла первый свой зарубежный визит совершил в Пекин. Подписано пять

⁹⁸ Backgrounder: China-Arab States Cooperation Forum, //Xinhua. May 12, 2016. http://news.xinhuanet.com/english/2016-05/12/c_135354230.htm. (дата обращения: 10.03.2022).

⁹⁹ Chinese Foreign Minister Attends the First Ministerial-level Conference of China-Arab Cooperation Forum // People's Daily. Sept. 15, 2004/ P.3.

¹⁰⁰ Chen J. (2011). The Emergence of China in the Middle East. INSS Strategic Forum 271: 1–8. <https://www.files.ethz.ch/isn/137894/SF-271.pdf>

¹⁰¹ The Joint Press Communiqué between the People's Republic of China and The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC). 2004-07-07. (дата обращения: 07.02.2022). https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzj_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/200407/t200407_07_531129.html

соглашений в сферах нефти, газа, сырья, торговли, технического сотрудничества и налогов, а также обсужден ряд двусторонних проектов¹⁰².

В равной степени Китай был заинтересован в развитии отношений с Египтом, который, наряду с политическим весом, располагает населением более 100 млн чел., служит ёмким рынком сбыта и владеет Суэцким каналом. В 2007 г. 90% внешней торговли Китая шло водным путем, из них: 56% по Южно-Китайскому морю и Индийскому океану на Ближний Восток, в Африку и Европу¹⁰³.¹⁰⁴. В 2006 г. Китай и Египет подписали соглашение в дополнение к соглашению о стратегическом партнерстве, подписанному между бывшим президентами Цзян Цзэмином и Хосни Мубараком 5 апреля 1999 г.¹⁰⁵.

11 февраля 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао встретился в Эр-Рияде с генеральным секретарем ССАГПЗ Абдулом Рахманом аль-Атия и выдвинул предложение из четырех пунктов. Во-первых, запустить механизм стратегического диалога и в полной мере использовать его роль в поддержании тесной координации в международных и региональных делах. Во-вторых, развивать механизм сотрудничества. «Создание зоны свободной торговли между Китаем и ССАГПЗ отвечает фундаментальным и долгосрочным интересам обеих сторон и будет способствовать углублению взаимовыгодного сотрудничества и достижению общего развития», — сказал Ху Цзиньтао. В-третьих, укреплять инвестиционное и финансовое сотрудничество. По словам китайского лидера, «компании обеих сторон следует поощрять к расширению взаимных инвестиций и участию в строительстве инфраструктуры друг друга...Китай готов усилить координацию со странами Совета, чтобы совместно бороться с негативными последствиями глобального финансового кризиса». В-четвертых, расширять

---

¹⁰² خادم الحرمين الشريفين يصل إلى جمهورية الصين الشعبية في زيارة رسمية. أخبار السعودية. 2006. Saudi news // (Хранитель Двух Святынь прибыл с официальным визитом в Китайскую Народную Республику // Saudi news. 2006.). <https://www.youtube.com/watch?v=w1Dto3sBrhw> (accessed: Dec 15, 2021)

¹⁰³ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей: монография. М., 2015. С.168.

¹⁰⁴ Braude J. and Jiang T. Why China and Saudi Arabia are building bases in Djibouti //Huffington Post. 26 September. 2016. https://www.huffingtonpost.com/josephbraude/why-china-and-saudi-arabi_b_12194702.html (accessed: Dec 15, 2021)

¹⁰⁵ السفير المصري : العلاقات المصرية الصينية تشهد مزيدا من التطور 2009:04:16 (Посол Египта: Египетско-китайские отношения переживают дальнейшее развитие 2009:04:16.) // Arabic.Peopledaily. <http://arabic.people.com.cn/31660/6638421.html> (accessed: Dec 15, 2021)

культурные и образовательные обмены и вести межцивилизационный диалог: «Обе стороны должны активно участвовать в различных мероприятиях культурного обмена, проводимых другой стороной, и постоянно укреплять социальную основу дружбы»¹⁰⁶.

«Активная» дипломатия Пекина (иное ее название – «энергетическая») отражала стремление китайских нефтяных компаний получить инвестиционные права на арабскую нефть и приобщиться к разработке нефтяных месторождений и другим отраслевым проектам.¹⁰⁷

Китай укрепил сотрудничество с региональными организациями, в частности, в формате ежегодных встреч под эгидой ЛАГ (Арабско-китайский форум) и ССАГПЗ (встречи в рамках стратегического диалога). На первой такой встрече (4 июня 2010 г., Пекин) был подписан меморандум о взаимопонимании ССАГПЗ и КНР, который включает сотрудничество во многих областях, в первую очередь консультации по политическим вопросам, региональным и международным ситуациям, представляющим взаимный интерес, торговле, инвестициям, энергетике, культуре, образованию и науке, окружающей среде и здравоохранению¹⁰⁸. А на четвертой министерской встрече в рамках Форума (13-14 мая 2010 г., г.Тяньцзин) было объявлено об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами¹⁰⁹.

Со времен Мао Цзэдуна стратегия Пекина и его отношения со странами арабского региона строились с учетом позиции Вашингтона и стремились к достижению баланса интересов. Роль США рассматривается с прагматической точки зрения: никогда не соглашаясь с этой ролью и открыто выступая против, Пекин в то же время косвенно

¹⁰⁶ President Hu Jintao Meets with GCC Secretary General Al-Attiya .2009-02-12. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (дата обращения: 05.01.2022). https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/200902/t20090213_531132.html

¹⁰⁷ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей: монография. М., 2015. С. 213.

¹⁰⁸ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Стратегический диалог с Китаем (на араб. яз.) <https://www.gcc-sg.org/arsa/CooperationAndAchievements/Achievements/Strategicdialogueswithcountriesandregionalgroups/Pages/StrategicdialoguewiththePeople.aspx> (дата обращения: 09.02.2022).

¹⁰⁹ الإعلان المشترك حول إقامة علاقات التعاون الاستراتيجي بين الصين والدول العربية في إطار منتدى التعاون الصيني العربي. منتدى التعاون الصيني العربي . الموقع الرسمي . 17-05-2010.

(Совместная декларация об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в рамках Китайско-арабского форума сотрудничества. 17 мая 2010 г .). http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907498.htm

поддерживал американскую функцию поддержания стабильности в регионе, а сам наращивал здесь собственное экономическое присутствие. Это, по образному сравнению Б. Обамы, «политика бесплатного проезда»¹¹⁰. Хотя Китай всегда выступал против вмешательства извне в регионе, но сам не разрабатывал методов противодействия этому, предпочитая молчаливо извлекать выгоду из подобных ситуаций¹¹¹.

Китайский прагматизм отчетливо проявился в связи с вмешательством США в Ираке. В Пекине решительно выступили против интервенции американцев в 2003 г., но затем не возражали против их военного присутствия там в качестве стабилизирующей силы¹¹². Китай стремился приобщиться к восстановлению Ирака в двустороннем и иных форматах: только с 2005 по 2010 гг. он инвестировал сюда 8,58 млрд долларов¹¹³. Период с середины 90-х гг. до середины «нулевых» характеризуется как политика сдержанного, «мягкого» отношения КНР к США, в результате чего обошлось без из их конфронтации на различных уровнях¹¹⁴.

В своих подходах к внешним конфликтам китайцы отдают приоритет мирным средствам и переговорам вместо немирных методов. Если в силу региональных или международных обстоятельств приходится определять четкую позицию, то Пекин проявляет осмотрительность, не вдаваясь в подробности и не предлагая силовые опции. В китайском видении, ближневосточный регион «кишит» противоречиями, служит опасным очагом конфликтов. Поэтому любая деятельность здесь сопряжена с вызовами, требует политических, военных, силовых, экономических, культурных и медийных инструментов, которыми Пекин в полной мере не располагает либо недостаточно готов к умелому их использованию¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Exclusive Interview: Obama on the World //The New York Times. August 9, 2014.

<https://www.nytimes.com/2014/08/09/opinion/president-obama-thomas-l-friedman-iraq-and-world-affairs.html>

¹¹¹ Horesh N. Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East Following the Arab Spring. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P. 166.

<https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

¹¹² Zhen-Qiang Pan. China and the Middle East // China's Growing Role in the Middle East: Implications for the Region and Beyond. DC: Nixon Center, 2010. P. 73–95. <http://www.cftni.org/full-monograph-chinas-growing-role-in-me.pdf> (дата обращения: 05.01.2022).

¹¹³ China Global Investment Tracker. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

¹¹⁴ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей: монография. М., 2015. С. 212–213.

¹¹⁵ Kubursi A.A. Sustainable Human Development under Globalization: The Arab Challenge. 1999. https://digitallibrary.un.org/record/409629/files/E_ESCWA_SD_1999_5-EN.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

С началом второго десятилетия этого века отношения с США превратились в определяющий фактор для китайской политики на Ближнем Востоке. Активность КНР возросла, когда президент Б.Обама провозгласил стратегию «возвращения в Азию». В ответ на это китайские политологи предложили стратегию «Марш на Запад». Ученый-международник Ван Цзиси (Wang Jisi): заявил в своей статье (Huanqiu Shibao 环球时报 [Global Times] 17 October 2012.), что Китаю следует реагировать на проникновение США в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), заполняя в Центральной, Южной Азии и на Ближнем Востоке дипломатические и экономические «пустоты» после ухода американцев из Ирака и Афганистана¹¹⁶.

Соприкосновение китайских и американских интересов на Ближнем Востоке варьируется между «игрой с нулевой суммой» и взаимодействием, при наличии у сторон как противоречивости, так и общности интересов. Торговая война между ними повышает вероятность формирования двусторонних отношений, диктуемых конкуренцией, а не сотрудничеством¹¹⁷. Впрочем, Китай извлек выгоду из условий безопасности, обеспечиваемых американцами в регионе Персидского залива, в плане импорта отсюда энергоресурсов. Это свидетельствует о прагматизме Пекина, поскольку сам он избавлен от сложностей, которыми было бы чревато его военное присутствие¹¹⁸. Но в более широком контексте Пекин негативно относится к США из-за их традиционной агрессивности, угрожающей интересам КНР в целом и особенно в Восточной Азии¹¹⁹. Китайские торговые суда и в том числе танкеры, следуя в родные порты, вынуждены пересекать воды со значительным военно-морским присутствием США и Индии, что не может не иметь серьезных последствия в случае конфронтации. Кроме того, важную роль в стратегии США по сдерживанию Китая играет энергетический фактор арабских

---

¹¹⁶ Wang Jisi. *Marching Westwards: the Rebalancing of China's Geostrategy* // International and Strategic Report (Peking). No. 73. October 7, 2012. P. 8.

¹¹⁷ Fulton J. *China's Changing Role in the Middle East*. Atlantic Council. 2019.

¹¹⁸ Exclusive Interview: Obama on the World // The New York Times. 9 August 2014.

<https://www.nytimes.com/2014/08/09/opinion/president-obama-thomas-l-friedman-iraq-and-world-affairs.html>

¹¹⁹ Scobell A. Alireza N. *China in the Middle East: The Wary Dragon* // RAND. 2016. P. 2.

https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf

государств Персидского залива¹²⁰. Отсюда не случайно Пекином в 2017 г. выбран Джибути как локация первой зарубежной военно-морской базы, обеспечивающей постоянное присутствие Китая в этом бассейне, в Индийском океане, вблизи нефтяных коридоров и Суэцкого канала.

Китай также использовал свои отношения со странами региона, враждебно настроенными к Вашингтону, для препятствования его гегемонистской политике. Ближний Восток в настоящее время переживает период трансформации, по сути он стал ареной идеологического соревнования между Востоком и Западом. В этом случае внешнее вмешательство во внутренние дела антизападных режимов рассматривается Китаем как покушение на его интересы. Можно вспомнить о поддержке им Сирии (в ООН и т.п.) и Ирана (перед лицом санкций)-

XVIII съезд КПК в 2013 г. ознаменовал собой смену поколений лидеров «поднебесной». Внешняя политика державы определена решениями съезда, но притом стратегически не отличима от предыдущих подходов. Наблюдатели в Китае и вне его описывают ее (с момента вступления Си Цзиньпина в должность в 2013 г.) как отказ от принципа «сдержанности» (taoguangyanghai), сформулированного еще Дэн Сяопином, в пользу большей активности и напористости — что отражено в китайской терминологии как «стратегия стремления к достижениям» (fenfayouwei). На практике переход не был резким. Хотя «стремление к достижениям» было впервые озвучено председателем Си на рабочей конференции ЦК КПК по «соседской дипломатии» в октябре 2013 г., многие из затронутых им аспектов обсуждались при его предшественнике товарище Ху¹²¹. Среди китайских международныхников ведется дискуссия о том, заменяет ли одно другое, либо принципы можно будет сочетать¹²².

¹²⁰ Исраилов А.Х., Ширияданова И.Ф., Гатамова М.М., Экажева Е.Б. Энергетический фактор стран Персидского залива в американской стратегии сдерживания КНР // *Мировая политика*. 2020. № 3. С. 1 - 13. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.3.33779. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33779

¹²¹ See, for example, the report of Foreign Minister Yang Jiechi (October 2007), covering the outcome of President Hu Jintao's visit to Australia. Foreign Ministry of the PRC. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t361100.shtml. (дата обращения: 11.01.2022).

¹²² Yaqing Q. Continuity through Change: Background Knowledge and China's International Strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. P. 285–314.

Так или иначе, но политика КНР не стала чем-то новым или другим. Однако в ее идеологическую составляющую была привнесена творческая новизна: Си Цзиньпин ввел в оборот такие тренды, как «китайская мечта» и «новый интернационализм»¹²³. В статье посла КНР в АРЕ Сун Айгуо под заголовком «Китайская мечта и запуск египетской мечты» («Аль-Ахрам» 9.04.2013) содержится такое разъяснение: «Китай, который всегда дорожил принадлежностью к международному сообществу и глубиной отношений со всеми народами, подтверждает, что его великая мечта никогда не ограничивалась только китайским народом, а скорее является мечтой для Египта, арабских стран и всех дружественных развивающихся стран»¹²⁴. Тем самым Китай предстает перед миром в облике «ответственной державы»: он как бы действует во имя мира во всем мире, на благо всеобщего развития и процветания¹²⁵.

В сентябре 2013 г Си Цзиньпин, выступая в «Назарбаев Университете» (Астана), предложил создать «Экономический пояс Шелкового пути» за счет укрепления политических связей, улучшения транспортного сообщения от Тихого океана до Балтийского моря, содействия торговле и денежно-кредитной и человеческой коммуникации¹²⁶. Месяц спустя, обращаясь к индонезийскому парламенту, глава КНР призвал к строительству «морского Шелкового пути XXI века» через Малаккский пролив к Индии, Ближнему Востоку и Восточной Африке¹²⁷. А в 2015 г. Китай обнародовал документ «Замечательные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века»

¹²³ Сачко Г. В. Китай после XVIII съезда КПК: новый внешнеполитический курс или новая риторика нового лидера // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. 2014. № 14 (343). Вып. 15. С. 123–128.

¹²⁴ الحلم الصيني.. وانطلاق الحلم المصري. 9 أبريل 2013. سونغ ايغوه . الأهرام .

(Сун Айгуо. Китайская мечта... и запуск египетской мечты. // Аль-Ахрам. 9 апреля 2013 г.)

<https://gate.ahram.org.eg/daily/NewsPrint/203483.aspx>

¹²⁵ China's Peaceful Development Information Office of the State Council. The People's Republic of China September 2011, Beijing http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 11. 01. 2022).

¹²⁶ President Xi Jinping Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries. November 1, 2013. http://www.china.org.cn/travel/revitalize_the_silk_road_in_Shaanxi/2013-11/01/content_30468580.htm.

¹²⁷ Wu Jiao. President Xi Gives Speech to Indonesia's Parliament //China Daily. October 2, 2013. http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xiapec/2013-10/02/content_17007915_2.htm

¹²⁸, где содержится краткий обзор о том, как Ближний Восток вписывается в эту инициативу.

С приходом нового китайского руководства в 2012 г. арабский мир стал важным компонентом китайской стратегии «Один путь, один пояс»¹²⁹. С геополитической точки зрения данная инициатива являет собой стратегическую альтернативу тогдашнему плану Б.Обамы «Поворот к Восточной Азии», расцененную Пекином как попытку сдержать Китай¹³⁰. Сухопутный и морской Шелковый путь, или сокращенно «Один пояс - один путь» (иногда называемый «китайским планом Маршалла») призван помочь материковому Китаю опередить США в экономическом, политическом и географическом плане¹³¹. Налицо и желание Пекина бросить вызов гегемонии США на Ближнем Востоке и не только — в этом плане «Один пояс, один путь» не только способствует глобальной торговле и коммуникациям, но и конструирует экономический порядок, неподконтрольный Вашингтону¹³². Эпоха, когда богатые нефтью государства Залива сосредоточили основное внимание на США и Европе, закончилась в 2013 г. изменением схем нефтеторговли, в результате чего США передвинулись здесь на второе место, а Индия вытеснила Японию с третьей позиции¹³³. «Это переход от старых индустриальных

---

¹²⁸ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века. Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. 28 марта 2015 (дата обращения: 11.01.2022). https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html

¹²⁹ Degang S. The Dragon Heads West: China-Arab Cooperation in the New Era // Georgetown Security Studies Review Conference Proceedings: China in the Middle East June 2015. <http://gssr.georgetown.edu/>

¹³⁰ Katarzyna S. (Ed.) The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? // Barcelona: IEMed. European Institute of the Mediterranean, 2020. P 14.

https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

¹³¹ Brugier C. China's Way: the New Silk Road. Brief Issue, No. 14, May 2014. http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Brief_14_New_Silk_Road.pdf; Simon Denyer. China Bypasses American 'New Silk Road' with Two of Its Own //The Washington Post. October 14, 2103. http://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/china-bypasses-american-new-silk-road-with-two-if-itsown/2013/10/14/49f9f60c-3284-11e3-ad00-ec4c6b31cbed_story.html; Shannon Tiezzi. China's 'New Silk Road' Vision Revealed //The Diplomat. May 9, 2014. <http://thediplomat.com/2014/05/chinas-new-silk-road-vision-revealed/>.

¹³² Lons C., Fulton J., Degang S. Al-Tamimi N. China's Great Game in the Middle East. The European Council on Foreign Relations (ECFR). 2019.

¹³³ Dorsey J. China and the Middle East: Venturing Into The Maelstrom. S. Rajaratnam School of International Studies Singapore No. 296. 18 March 2016. P.10.

держав к новым», — отметил Тим Ниблок, эксперт по отношениям между странами Залива и Азии¹³⁴.

Это отразилось и на политике Китая в БВСА. Об этом свидетельствовала речь Си Цзиньпина «Упор на продвижение духа Шелкового пути и углубление китайско-арабского сотрудничества», произнесенная на шестой министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества 5 июня 2014 г.: «Обе стороны должны иметь более широкий и практический подход к установлению модели сотрудничества «1 + 2 + 3», взяв сотрудничество в энергетике как ядро, строительство инфраструктуры и содействие торговле и инвестициям в качестве двух направлений, а три области высоких и новых технологий: ядерная энергетика, космос и новые источники энергии – как новые прорывы»¹³⁵.

В 2015 г. Китай вышел на первое место в мире по импорту сырой нефти¹³⁶, причем почти половина поставок идет с Ближнего Востока. В январе 2016 г. председатель Си посетил Эр-Рияд и Каир. Выступая в штаб-квартире ЛАГ, он разъяснил смысл новейших идей в дополнение к ранее озвученной концепции китайско-арабского сотрудничества, а также пригласил арабских лидеров чаще бывать в Китае и совместно планировать будущее¹³⁷.

Накануне визита Пекин опубликовал документ «О политике Китая в отношении арабских стран»¹³⁸, в котором указано, что Китай готов координировать стратегии развития, использовать преимущества и возможности друг друга, укреплять

¹³⁴ Niblock T. The Gulf, the West and Asia: Shifts in the Gulf's Global Relations. Lecture at 4th International Forum on Asia and the Middle East // International Conference on Great Powers and the Middle East Political & Social Transformation, Shanghai, 10 September 2014.

¹³⁵ Xi Jinping Attends Opening Ceremony of Sixth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum and Delivers Important Speech Stressing to Promote Silk Road Spirit and Deepen China-Arab Cooperation, 5 June 2014. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2838_663666/2840_663670/201406/t20140609_533499.html

¹³⁶ China has Become the World's Biggest Crude Oil Importer for the First Time // Time News. May 11, 2015. <https://time.com/3853451/china-crude-oil-top-importer/>

¹³⁷ Xi Jinping Delivers Important Speech at Headquarters of the League of Arab States, Stressing to Jointly Create a Bright Future for Development of China-Arab Relations and Promote National Rejuvenation of China and Arab States to Form More Convergence. 2016-01-22. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2016zt/xjpdstajyljxgsw/201601/t20160125_704485.html

¹³⁸ China's Arab Policy Paper. January 2016. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/201601/t20160114_679437.html

международное сотрудничество в области производства, строительства, инфраструктуры, торговли, инвестиций и финансов, ядерной энергии и новых ее источников, космоса, сельского хозяйства. Важным частью является описание модели сотрудничества по упомянутой ранее формуле «1 + 2 + 3» (см. рис. 1). Эту модель планируется положить в основу масштабной инициативы «Один пояс - один путь».

Рис. 1. Схематическая модель сотрудничества «1 + 2 + 3»

Источник: China's Arab Policy Paper. 13 January 2016. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml

Сам документ состоит из пяти частей: «Углубление отношений в интересах всестороннего сотрудничества и общего развития», «Политика Китая в отношении арабских государств», «Всестороннее укрепление китайско-арабского сотрудничества», «Форум сотрудничества и последующие действия» и «Отношения между Китаем и арабскими региональными организациями». Притом областей сотрудничества насчитывается также пять: политика, торговля и инвестиции, социальное развитие, человеческое общение, мир и безопасность¹³⁹.

¹³⁹ شمس الدين , جين تشونغ جيه. مبادرة الحزام والطريق وتعاون الصين والدول العربية . بيروت . مركز دراسات الوحدة العربية. 2017. ص 63.

(Шамс Эль-Дин, Джин Чжунцзе. Инициатива «Один пояс - один путь» и сотрудничество Китая и арабских стран. Бейрут. Центр исследований арабского единства. 2017. С. 63.)

Документ отражает важность арабского региона для Китая, но притом не излагает никакой конкретики¹⁴⁰. И все же он важен, поскольку представляет обновленную версию интереса Китая к арабскому региону и строится вокруг экономической повестки¹⁴¹. Между тем большинство трудноразрешимых проблем, стоящих перед арабо-китайскими отношениями, носят не экономический, исторический или культурный характер, а преимущественно политический. Поэтому рассматриваемая концепция, по всей вероятности, еще потребует доработки.

Правящие арабские элиты, в том числе в странах ССАГПЗ, сохраняют разную степень осторожности в позициях относительно политических взглядов Китая на происходящее в арабском регионе, особенно в период после «арабской весны»¹⁴².

Растущее значение стран Залива было подтверждено во время визита председателя Си в ОАЭ в 2018 г. (первый визит сюда китайского лидера почти за три десятилетия). Китай ныне является крупнейшим торговым партнером Эмиратов, а они — его вторым по значению торговым партнером в регионе. Со своей стороны, в последние годы КНР посещали саудовский король Салман, эмир Катара Тамим и Кувейта – шейх Сабах, на предмет новых деловых сделок и установления стратегического партнерства; Китай установил его и с Оманом. Это также отражается в изменении инвестиционного профиля Китая в регионе: после 2011 г. его вложенные капиталы концентрировались в КСА, ОАЭ и АРЕ, тогда как ранее главными реципиентами были Ирак и Сирия.

Китай дополнил свои планы экономического сотрудничества на Ближнем Востоке в формате «1+2+3» дипломатией стратегического партнерства. 10 июля 2018 г. в Пекине состоялось восьмое министерское заседание Форума сотрудничества между Китаем и арабскими государствами под председательством члена Госсовета, министра иностранных дел Ван И. По словам последнего, Китай и арабские страны должны

¹⁴⁰ Almeida M. China's 'Marshall Plan' for the Arab world // Arab News. 2018, July 14. <https://www.arabnews.com/node/1338856>

¹⁴¹ عنود عبدالرحمن الحباشنة. السياسة الخارجية للصين تجاه الدول العربية، رؤية مستقبلية .. دار الخليج للنشر والتوزيع. الاردن. 2020. ص. 68. (Ануд Абдул Рахман Аль Хабашнех. Внешняя политика Китая по отношению к арабским странам: видение будущего. Иордания, издательский дом Gulf House, 2020. С. 68).

¹⁴² عبدالله باعبود. اهمية النمو السريع في التفاعل الاقتصادي بين الصين ودول الخليج . مركز دراسات الوحدة العربية. 2017. ص. 200. (Абдулла Баабуд. Важность быстрого роста экономического взаимодействия между Китаем и странами Персидского залива. Центр исследований арабского единства. 2017. С. 200).

использовать возможность для установления стратегического партнерства, укрепления взаимного доверия и поддержки основных интересов друг друга. Министр объявил, что Китай успел установить стратегические партнерские отношения разного уровня с 11 арабскими странами¹⁴³ В их числе все страны Машрика, исключая Сирию, Палестину, Ливан, Йемен и Бахрейн (см. таблицу № 1). Итогом мероприятия также стал документ «Декларация действий по китайско-арабскому сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс - один путь. Как резюмировал Ван И, «общая схема совместного строительства «Пояса и пути» на Ближнем Востоке быстро вырисовывается»¹⁴⁴.

Таблица №1: Стратегическое партнерство Китая с арабскими странами Ближнего Востока

Страна	Тип партнерства	Дата подписания
Египет	Всестороннее стратегическое партнерство	2014
Саудовская Аравия	Всестороннее стратегическое партнерство	2016
ОАЭ	Всестороннее стратегическое партнерство	2018
Оман	стратегическое партнерство	2018
Кувейт	стратегическое партнерство	2018
Катар	стратегическое партнерство	2014
Ирак	стратегическое партнерство	2015
Иордания	стратегическое партнерство	2015

Источник: Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики.

¹⁴³ Wang Yi. China and Arab States should Firmly Support Each Other's Core Interests .2018.07.10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531141.html

¹⁴⁴ Wang Yi. The Joint Building of the Belt and Road between China and Arab States in the Middle East is Rapidly Taking Shape.2018. 07.10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531144.html

Партнерские отношения Китая со странами региона подразделяются на две формы: многостороннюю и двустороннюю. Первое относится к коллективному сотрудничеству КНР с ЛАГ и ССАГПЗ. В 2010 г. Китай и Лига заложили основу, а в 2018 г. уровень был повышен до стратегического партнерства. Членство Китая в многосторонних/региональных структурах дополняется акцентом на партнерскую дипломатию. Здесь используются такие инструменты, как взаимное доверие, экономическая взаимозависимость, культурные контакты, поддержка по вопросам обеспечения безопасности.¹⁴⁵ Работая на благо общих интересов, стороны движимы целями, а не угрозами, и предлагают пути к улучшению отношений по другим вопросам¹⁴⁶.

Пекин предпочитает применять «дипломатию партнерства», а не полагаться на традиционный формат альянсов. Но притом Ближний Восток рассматривается как средство, с учетом которого можно применить военные, политические, иные рычаги и за пределами региона¹⁴⁷. Например, партнерство поможет не допустить, чтобы Китай оказался в изоляции на случай конфликтов с «прозападными» соседями (из-за территориальных споров – Япония, Филиппины), поскольку арабские страны могли бы держаться хотя бы «благожелательного нейтралитета»¹⁴⁸.

Различные «степени» партнерства тоже имеют определенное значение. В случае с арабскими странами они отражают несколько разные уровни с точки зрения приоритетности и содержания, подпадая под два типа партнерств: Всестороннее стратегическое партнерство и стратегическое партнерство¹⁴⁹.

Сунь Деганг (заместитель директора Института Ближнего Востока в Шанхайском университете международных исследований) видит, что ближневосточных партнеров Китая можно разделить на четыре разных уровня в зависимости от их важности. Это: the

---

¹⁴⁵ Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и концептуализация 1993-2018 //Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83-93.

¹⁴⁶ Strüver G. China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology// Chinese Journal of International Politics. 10, 1 (2017), 32–37.

¹⁴⁷ Fulton J. China's Changing Role in The Middle East. Atlantic Council. 2019.

¹⁴⁸ Degang S. The Dragon Heads West: China-Arab Cooperation in the New Era //Georgetown Security Studies Review. 2015. Vol. 1, No.2. <http://gssr.georgetown.edu/>

¹⁴⁹ Niblock T. China and the Middle East: A Global Strategy where the Middle East has a Significant but Limited Place // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14. Issue 4. P. 481-504, DOI: 10.1080/25765949.2020.1847855link to this article: <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1847855>

pivot states, the node states, the key states and the stronghold states. «The pivot states» относятся к субрегиональным державам, функционирующим как опорные пункты в глобальной партнерской сети Китая. Пять основных государств «большого» Ближнего Востока — это Алжир, Египет, Саудовская Аравия, Иран и ОАЭ, которые имеют решающее значение для интересов Китая в зонах Магриба, Красного моря и Персидского залива соответственно. «The node states» относятся к тем партнерам, которые пользуются особым статусом и служат мостами для облегчения сотрудничества между Китаем и другими великими державами. Турция и Израиль являются такими узловыми государствами: первая предоставляет китайским товарам выход на европейский рынок, а второй является как бы «посредником» в отношениях с США. К этой категории не принадлежит ни одна арабская страна. Далее, «the key states» — это те ближневосточные партнеры, которые обладают определенным экономическим и другим потенциалом и могут влиять на соседние страны. Для Китая к этой категории можно причислить Судан, Ирак и Марокко. Наконец, «the stronghold states» — это те партнеры, которые относительно невелики по разным параметрам, но зато демонстрируют высокую степень дружественности и выраженное стремление к сотрудничеству – и следовательно, могут рассматриваться как опорные точки для защиты конкретных интересов Китая на Ближнем Востоке. Таковыми являются Катар, Оман, Джибути, Иордания и Кувейт. Однако в регионе есть десять стран, которым только предстоит установить партнерские отношения с Китаем: Йемен, Сирия, Ливан, Палестина, Сомали, Ливию и другие, отчасти являющиеся конфликтными зонами. Во многом они стали жертвами иностранного вмешательства. Укрепление партнерств Китая с государствами иных категорий должно иметь позитивный эффект и в плане миротворчества в упомянутых проблемных странах, и в плане регионального развития¹⁵⁰.

В том же контексте Пекин учитывает религиозный, культурный и цивилизационный аспекты¹⁵¹. У него есть понимание, что духовное взаимопонимание и компромисс есть неотъемлемая черта отношений со странами Ближнего Востока. И точно

---

¹⁵⁰ Degang S. China's Partnership Diplomacy towards the Middle East Countries in the 21st Century// Journal of World Economics and Politics. 2019. No. 7. <https://theasiadialogue.com/2020/03/24/chinas-partnership-diplomacy-in-the-middle-east>.

¹⁵¹ Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае // Религия и общество на Востоке. 2016. № 1. С. 181-202.

так же очевидно, что проект «Один пояс, один путь» пролегает по ряду стран, где мусульмане в большинстве. Кроме того, по официальной статистике за 2010 г.¹⁵², в самом Китае проживает более 23 миллионов мусульман, и все больше их ежегодно отправляются на хадж в Мекку (по оценкам, 20 000 человек в 2017 г.). Китай инициировал мероприятия, демонстрирующие уважение к исламу (как это было в 2016 г. с открытием «Города исламского мира» в Иньчуане)¹⁵³. В итоговом заявлении восьмой сессии симпозиума по арабо-китайским отношениям и диалогу между цивилизациями (в рамках Форума арабо-китайского сотрудничества) Китай декларировал важность противодействия экстремизму и поддержал совместные усилия в этой области, с акцентом на осуждение «исламофобии»¹⁵⁴.

В целом можно заключить, что позиция Китая относительно арабских стран подчинена его общей линии, стремящейся к достижению международной стабильности. И теперь, и раньше Китай стремился не к разработке внешнеполитических стратегий, а к краткосрочным целям, хотя и с определенным долгосрочным прицелом¹⁵⁵. Китай по-прежнему следует принципу, заложенному Дэн Сяопином: «нас мало волнуют внешние события, в данный момент мы укрепляем нашу экономику»¹⁵⁶. Вся современная китайская дипломатия направлена на воссоздание «Великого Китая», выполнение миссии по превращению в центр мира в экономическом и политическом плане¹⁵⁷.

При всех различных интерпретациях характера изменений в «эпоху Си», существует общее мнение, что внешняя политика Китая в последние годы стала

¹⁵² Data Source: China's 2010 Census Data. National Bureau of Statistics of China. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexce.htm>

¹⁵³ China's Massive, Garish Theme Park for the Muslim World. By Kyle Haddad-Fonda. FP. May 11, 2016. <https://foreignpolicy.com/2016/05/11/chinas-massive-garish-new-theme-park-for-the-muslim-world-hui-minority-yinchuan/>

¹⁵⁴ البيان الختامي للدورة الثامنة لندوة العلاقات العربية - الصينية والحوار بين الحضارتين العربية والصينية لمنتهى التعاون العربي-الصيني (17-18 ديسمبر 2019). الموقع الرسمي لمنتهى التعاون الصيني العربي.

(Заключительное заявление восьмой сессии Симпозиума по арабо-китайским отношениям и диалогу между цивилизациями Форума арабо-китайского сотрудничества. 17-18 декабря 2019 г. http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/wmdhyth/201912/t20191227_6906327.htm

¹⁵⁵ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей: монография. М., 2015. С. 202.

¹⁵⁶ Dorsey J. China and The Middle East: Venturing into The Maelstrom. S. Rajaratnam School of International Studies Singapore No. 296 .18 March 2016. P.10.

¹⁵⁷ Козыкина Н. В. Муратшина К. Г. Особенности дипломатии современного Китая. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2017. С.38.

настойчивее в контексте его предполагаемых интересов, больше ориентируется на информационно-разъяснительную работу при общении с ключевыми внешними партнерами, выглядит более целеустремленной в разработке и реализации предложений по части миропорядка, так же как и более открытой в плане общей глобальной повестки. Это, безусловно, отразилось и на его политике применительно к арабским странам Ближнего Востока.

Второе десятилетие нашего века ознаменовалось бурным ростом китайско-арабского сотрудничества. Присутствие Китая в регионе, сообразуясь с его общей внешнеполитической позицией, стало более выраженным. Помимо прочего, военно-морской флот КНР, при наличии пункта обеспечения в порту Джибути, усилил присутствие в Индийском, заходя в Средиземное море и т.д. Тем не менее, это вряд ли стоит рассматривать как свидетельство, будто Китай желает заместить здесь Штаты в качестве основного «поставщика безопасности» – он и не готов, и не стремится к этому¹⁵⁸. По выражению Дж. Альтермана, Китай, похоже, «ищет здесь способы конкурировать, не становясь при этом конкурентом»¹⁵⁹. Для Пекина гораздо важнее противопоставить что-то американской политике окружения, и среди вариантов противодействия этому – сближение с арабским регионом¹⁶⁰. Для Китая главным императивом остаются потребности государственной безопасности, экономической и политической устойчивости, защищенность его территории, морских границ и соответственно, прилегающих пространств.

Роль Ближнего Востока в рамках этой стратегии важна, но отнюдь не критична¹⁶¹. Пекин развивает здесь свою политику в русле глобальной стратегии, с помощью которой стремится создать многополярный мир, в котором сам он играет центральную роль, соизмеримую с экономическими, политическими и военными масштабами.

¹⁵⁸ Fulton J. China's Changing Role in the Middle East. Atlantic Council. 2019.

<https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/china-s-changing-role-in-the-middle-east-2/>

¹⁵⁹ Alterman J. Chinese and Russian Influence in the Middle East. Middle East Policy. 2019. 26. № 2: 136.

¹⁶⁰ نقد الإستراتيجية الصينية حيال الدول العربية . نعمة هاشم كاظم (2018) . دار أمانة للنشر والتوزيع. ص. 163.

(Критика китайской стратегии в отношении арабских стран. Нима Хашем Казем (2018). Издательский дом Амина, Иордания. с.163.)

¹⁶¹ Niblock T. China and the Middle East: A Global Strategy where the Middle East has a Significant but Limited Place // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14. Issue 4. P. 481-504 DOI: 10.1080/25765949.2020.1847855

Представляется, что события последнего времени, наблюдаемые в мире на фоне российской военной операции на Украине, так или иначе повлияют на политику Китая также и в ближневосточном регионе. Памятуя о намеке Саудовской Аравии насчет возможности реализации части своего нефтяного экспорта в юанях на фоне осложняющихся отношений королевства с США, это можно определенно утверждать¹⁶². Выход Китая наряду с Россией на геополитическое пространство, занимаемое богатыми монархиями Аравийского полуострова (чьи правители обескуражены ввиду переориентации их давних американских союзников на Азиатско-Тихоокеанский регион), создаёт задел для возникновения партнёрств «нового типа», которые, как надеются президент В.В.Путин и председатель Си, смогут стать моделью для международных отношений в будущем¹⁶³.

Остается открытым вопрос позиции, которую занимает Китай, и о той будущей роли, которую он может сыграть на региональном и международном уровнях. Ответ зависит от того, как Китай будет определять и перенастраивать свою внешнюю стратегию в соответствии с непрерывно меняющимся окружающим миром.

1.2. Влияние конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке на политику КНР в регионе

Когда-то давно в Пекине считали Ближний Восток второстепенным и периферийным для Китая регионом, но сегодня эта часть мира занимает гораздо большее место, чем когда-либо. Региональные изменения, происходящие на Ближнем Востоке, ныне способны стать поворотным моментом и притом в глобальном масштабе. Так происходило, например, на стыке первого и второго десятилетий нашего века в связи с событиями «арабской весны». Это обуславливает настоятельную необходимость формулирования китайского видения, согласующегося с величиной переменных в

---

¹⁶² Saudi Arabia Considers Accepting Yuan Instead of Dollars for Chinese Oil Sale //The Wall Street Journal. Mar. 15, 2022. <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-considers-accepting-yuan-instead-of-dollars-for-chinese-oil-sales-11647351541>

¹⁶³ О'Коннор Т. Китайско-российский консенсус на Ближнем Востоке. //«Валдай». 22.02.2022. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitaysko-rossiyskiy-konsensus-na-blizhnem-vostoke/>

регионе¹⁶⁴. Китай всегда смотрел на Ближний Восток с его богатством и стратегическим положением как на «зону переплетения» в напряженной и непрерывной борьбе между международными силами, конкурирующими за сферы влияния¹⁶⁵.

Самым значительным изменением в регионе стал крах структуры безопасности после окончания «холодной войны», которую США насаждали на протяжении двух десятилетий¹⁶⁶. Еще до арабских восстаний 2011 года отношение американцев к региону и внешней политике в целом значительно изменилось¹⁶⁷. Политика Америки в регионе и неопределенность общего подхода Америки к Ближнему Востоку привели к тому, что Вашингтон больше не является мощным гарантом безопасности, главной целью которого являются региональный мир и стабильность¹⁶⁸. Сегодня Вашингтон сталкивается с низкими показателями одобрения политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в то время как в мире наблюдается рост популярности Китая. Опрос, проведенный Арабским центром исследований и политических исследований (ACRPS), в котором приняли участие 84 процента населения арабского мира в 2011 году, показал, что 73 процента населения региона считают США и Израиль двумя наиболее опасными для них акторами¹⁶⁹. Из-за неудач Соединенных Штатов в регионе и смещения центра экономической мощи с Запада на Восток государства ССАГПЗ начали выстраивать

---

¹⁶⁴ السياسة الخارجية الصينية اتجاه الشرق الأوسط بعد الربيع العربي . 2017 . المركز الديمقراطي العربي . ص. 414.
(Внешняя политика Китая на Ближнем Востоке после «арабской весны». 2017. Берлин. Арабский демократический центр. С.414.).

¹⁶⁵ محمود صافي محمود (2015) توجهات سياسة حذرة، آفاق التعاون الصيني الشرق أوسطي والتحديات الراهنة، المركز العربي للبحوث والدراسات. <http://www.acrseg.org/38006>

(Махмуд Сафи Махмуд. Осторожные направления политики, перспективы китайско-ближневосточного сотрудничества и текущие проблемы. Арабский центр исследований. 2015).

¹⁶⁶ Michael Singh. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings // Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring /Edited by Niv Horesh. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P.66-167.

<https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

¹⁶⁷ Drake B. Obama Charts a New Foreign Policy Course for a Public that Wants the Focus to be at Home. Pew Research Center. 2014. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/05/28/obama-charts-a-new-foreign-policy-course-for-a-public-that-wants-the-focus-to-be-at-home/>

¹⁶⁸ Quero J. & Dessì A. Unpredictability in US Foreign Policy and the Regional Order in the Middle East: Reacting vis-à-vis a Volatile External Security-Provider // British Journal of Middle Eastern Studies/ 2021. 48:2, 311-330. DOI: 10.1080/13530194.2019.1580185 <https://doi.org/10.1080/13530194.2019.1580185>

¹⁶⁹ Bishara M. Guaging Arab Public Opinion. 2013 //Al Jazeera English. <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2012/03/20123793355501965.html>

альтернативные отношения, особенно в Азии¹⁷⁰. Тот факт, что американская «мягкая сила» на Ближнем Востоке пришла в упадок, делает регион особенно уязвимым для новой конкуренции великих держав, и пекинский режим заинтересован в том, чтобы воспользоваться растущим вакуумом, который оставляют после себя американцы¹⁷¹.

По словам аналитика по международной безопасности, работающего в Центральной школе КПК в Пекине, интересы Китая в области геополитики, экономики, энергетики и безопасности на Ближнем Востоке постоянно расширяются; этот регион служит экономическим, логистическим и жизненно важным перекрестком, который связывает рынки Азии и Европы воедино¹⁷². С точки зрения «треугольника Китай-США-Ближний Восток-Северная Африка» китайское руководство рассматривало революции как расширение «стратегических возможностей» Китая для экономического продвижения и политической экспансии за границу за последние два десятилетия¹⁷³. Некоторые наблюдатели полагают, что желание и стремление Соединенных Штатов снизить свой интерес к Ближнему Востоку усилили это китайское видение региона¹⁷⁴.

Можно утверждать, что в стратегическом отношении регион MENA стал более важным для Пекина, чем для Вашингтона, потому что он стал территорией, где Китай может сотрудничать и/или конкурировать с другими великими державами, и где могут раскрыться стратегические возможности Китая после окончания холодной войны¹⁷⁵. Но часто китайские политические лидеры и ученые говорят, что Ближний Восток — это

---

¹⁷⁰ Koch C. Gulf Region Makes Strategic Shift in New Global System // Arab News. 22 October 2006; Gulf needs more, not less, external involvement. <http://www.gulfinthemediamedia.com>, 27 January 2006.

¹⁷¹ Lars Erslev Andersen, Camille Lons, Tamás Peragovics, Erzsébet N. Rózsa, Katarzyna W. Sidło. China-MENA Relations in the Context of Chinese Global Strategy // The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? / Edited by Katarzyna W. Sidło. Barcelona: IEMed - European Institute of the Mediterranean, July 2020. P.17.

https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

¹⁷² Zugui G. Development of China's Relations with the Middle East in the Context of Profound Changes // Heping yu fazhan. No 4. 2014. P. 45.

¹⁷³ Niblock T. China and the Middle East: A Global Strategy where the Middle East has a Significant but Limited Place // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14. Issue 4. P. 481-504, DOI: 10.1080/25765949.2020.1847855 To link to this article: <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1847855>

¹⁷⁴ Kemp G. The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East. Washington D.C, Brookings Institution, 2010. P.18.

¹⁷⁵ Dorsey J. China and the Middle East: Venturing into the Maelstrom. S. Rajaratnam School of International Studies Singapore No. 296. 18 March 2016. P.10. <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2016/03/WP296.pdf>

кладбище для империй, поскольку многие мощные империи в истории потерпели крушение после того, как вмешались и потерпели неудачу на Ближнем Востоке¹⁷⁶». Таким образом, это своего рода театр, который может стать свидетелем участия и провала политики и стратегии Китая. Соответственно, вызов, который стоит перед Китаем сегодня, заключается в той роли, которую он может сыграть на арене событий в нестабильном регионе.

Влияние конфликтных ситуаций на политику Китая

Конфликтные ситуации на Ближнем Востоке затрагивают основные экономические интересы Китая, поскольку доступ к энергоносителям и свобода судоходства входят в число основных интересов Китая в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, китайская инициатива «Один пояс - один путь» также требует стабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, особенно после того, как Китай стал крупнейшим инвестором в Ближневосточном регионе с 2017 г. Таким образом, конфликты и состояние нестабильности в регионе угрожают возможностям Китая в глобальной конкуренции.

Интерес Китая к Ближнему Востоку также связан с поддержанием внутренней безопасности у себя в стране и на ее периферии. Лидеры правящей компартии опасаются внутреннего недовольства. Изменения в арабском регионе приводят к усилению позиций исламских течений в структуре арабских политических систем. Это может способствовать распространению тенденции за арабские пределы в то время, как Китай время от времени страдает от политических беспорядков в западных регионах, особенно в провинциях с исламским большинством. Ли Вэйцзянь из Шанхайского института международных исследований говорит, что Ближний Восток является стратегическим продолжением периферии Китая, и что доминирующая ситуация на Ближнем Востоке, а также националистические противоречия и экстремистская религиозная идеология напрямую влияют на безопасность и стабильность Китая¹⁷⁷.

---

¹⁷⁶ Xiaolin M. Event Report: Islamic Caliphate in Iraq: What Can China Do? Think // China. 22 October 2014. <http://www.thinkinchina.asia/38-event-report/>

¹⁷⁷ Weijian Li. Bilateral Relations between China and the Middle East and the Importance of the Middle East in China's Strategy // XiYa Feizhou. № 6. 2014. P. 18-19.

Также любое изменение политической структуры арабских режимов может изменить торговые возможности Китая (это отношения со всеми странами региона, независимо от того, насколько демократичны его институты). Китай может опасаться, что перемены в некоторых странах, таких как Сирия и Иран, как это произошло в Ливии, могут привести к тому, что Китай потеряет часть преимуществ стратегической точки опоры с политической точки зрения и часть своих заказчиков оружия¹⁷⁸.

Ближневосточные конфликты можно условно разделить на четыре типа. Первый относится к конфликтам с участием стран региона и стран за его пределами. Примеры – иранская ядерная проблема (США и Иран являются основными вовлеченными сторонами) и сирийский кризис (Западные страны, страны Персидского залива, Турция и сирийское правительство находятся в центре конфликта). Второй тип— территориальные, пограничные, межконфессиональные и этнические конфликты, такие как палестино-израильский конфликт, вопрос Западной Сахары (в него вовлечены Марокко, Фронт ПОЛИСАРИО и Алжир), конфликт между Суданом и Южным Суданом (пограничные споры между двумя странами), и йеменский конфликт (вооруженные силы шиитов-хуситов и сунниты в Йемене, Саудовская Аравия и Иран). Третий тип касается внутренних конфликтов между различными сектами, этническими группами и племенами внутри суверенной страны, таких как проблема Дарфура в Судане, межконфессиональные конфликты в Ливане (шиитская «Хезболла», сунниты, марониты и пр.), гражданская война в Ливии (конфликты между религиозными, светскими группировками и пр.). Четвертый тип – транснациональные конфликты, такие как борьба международного сообщества с Исламским государством ИГИЛ (запрещено в РФ) (с участием Сирии, РФ, Ирака, Йемена, Афганистана, Ливии, Саудовской Аравии, США, Великобритании и Франции), борьба международного сообщества против «Аль-Каиды» и ее ответвлений (с участием Афганистана, Сомали, Йемена и Алжира). С увеличением всесторонней мощи Китая и расширением его интересов на Ближнем Востоке Пекину может быть трудно поддерживать отстраненность и политику невмешательства - способность и готовность

---

¹⁷⁸ وليد عبد الحي (2011) متغيرات الإستراتيجية الصينية في الشرق الأوسط. مركز الجزيرة للدراسات. (Валид Абдель Хай. Переменные китайской стратегии на Ближнем Востоке. Центр исследований Аль-Джазира, 2011). <https://studies.aljazeera.net/en/node/3188>

Китаю участвовать в урегулировании ближневосточного конфликта является тому примером¹⁷⁹.

Арабский регион дал Китаю важные уроки о необходимости стабильности в нем для защиты китайских интересов. Проблемы, которые пережил арабский регион, начиная с первой и второй войн в Персидском заливе и американской агрессии в Ираке, затем - кризис в Судане и «арабская весна» побудили Китай переосмыслить свое видение региона и необходимость перехода от сосредоточения внимания только на экономических интересах к важности достижения баланса между его экономическими, политическими интересами¹⁸⁰.

Запад часто рассматривает конфликт на Ближнем Востоке с геополитической точки зрения и продвигает западные ценности свободы, демократии и прав человека. В Китае же рассматривают его скорее с геоэкономической точки зрения, подчеркивая моральную ответственность, а также принимая во внимание интересы всех сторон, применяя традиционную китайскую философию к мировому порядку¹⁸¹. Китай подтверждает, что создание состояния гармонии между различными народами, принадлежащими к разным цивилизациям и этническим группам, невозможно без сотрудничества и расширения возможностей для общения и диалога на основе взаимного уважения и взаимной терпимости, Китай придерживается духа Устава ООН и Пяти принципов мирного сосуществования, отвергает агрессию, гегемонизм и силовую политику и придерживается принципов любви, мира, верности соглашениям, веры в добрососедство и дружбы со всеми страны мира, выводя свою позицию из фундаментальных основ традиционной китайской культуры¹⁸².

Принцип невмешательства является сегодня одним из всеобъемлющих принципов внешней политики Китая, но в условиях экономического бума Китай придает большое

¹⁷⁹ Degang S. China and the Middle East Security Governance in the New Era. //Contemporary Arab Affairs. Vol. 10. No. 3 (July 2017). P. 354-371.

¹⁸⁰ الصين والشرق الأوسط : دراسة تاريخية في تطور موقف الصين تجاه قضايا المنطقة العربية . 2020. حكمت العبد الرحمن . المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات . ص33.

(Хикмат Абд аль-Рахман. Китай и Ближний Восток: историческое исследование развития позиции Китая по вопросам арабского региона. Арабский центр исследований и политических исследований, 2020. С. 33.)

¹⁸¹ Pang Z. and Wang R. Global Governance: China's Strategic Response // International Studies.2013. 4: 57–68

¹⁸² Shichor Y. Fundamentally Unacceptable yet Occasionally Unavoidable: China's Options on External Interference in the Middle East // China Report Journal. 2013.№ 1. Part 49.

значение Ближнему Востоку, несмотря на то, что он ориентирован в первую очередь на внутреннюю безопасность, а также стабильность в своем непосредственном окружении, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии;¹⁸³ В свете последних событий кажется, что Китай начал расширять свое видение концепции национальной безопасности с учетом быстрого роста своей экономики. Кажется, будто его интерес к Ближнему Востоку только усилится, поскольку регион представляет собой самый важный источник энергоносителей в мире и один из крупнейших потребительских рынков. Но этот интерес не будет подкрепляться активным вмешательством Китая, памятуя об основах, определяющих его внешнюю политику¹⁸⁴.

В последнее десятилетие страны региона Ближнего Востока и Северной Африки столкнулись с тремя серьезными проблемами, связанными с социальными, экономическими и политическими аспектами. Так называемая «арабская весна» создала новые очаги нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и теперь Китай оказался вынужден менять позицию и тактику, искать новые возможности¹⁸⁵. Эти восстания и реакция на них Пекина иллюстрируют сложный и изменчивый характер китайской политики на Ближнем Востоке¹⁸⁶. Именно для защиты своих интересов для внешней политики Китая характерно стремление избежать втягивания в крупные вооруженные конфликты, Это позволяет КНР избежать не только материальных, но и репутационных издержек и потерь¹⁸⁷.

Соответственно, реакция Китая на конфликтную ситуацию в регионе принимала несколько форм:

---

¹⁸³ Andrew J. China's Search for Security. New York, Columbia University Press, 2012.

¹⁸⁴ Shulong Chu, Wei Jin. China's Foreign Affairs Strategy and Policy // Shishi Chubanshe. 2008. P. 263-264; Jon B. Alterman, John W. Garver. The Vital Triangle: China, the United States, and the Middle East, Washington D.C, Center for Strategic and International Studies, 2008. P 7.

¹⁸⁵ Chaziza M. The Arab Spring: Implications for Chinese Policy // Middle East Review of International Affairs. 2013. Vol. 17, No. 2. https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/meria/v17i2/f_0029657_23972.pdf

¹⁸⁶ Singh M. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings // Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring / Edited by Niv Horesh. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P. 162. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

¹⁸⁷ Евсеенко А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника. М.: ИДВ РАН, 2020. С.162.

Посредническая дипломатия

Китай впервые назначил специального посланника на Ближнем Востоке в сентябре 2002 г. для урегулирования израильско-палестинского конфликта (с тех пор назначались четыре посланника: Сунь Бигань, 2006–2009 гг., У Сике, 2009–2014 гг., Гонг Сяошэн, 2014–2019 гг., Чжай Цзюнь. 2019). «Рефераты» спецпосланника постепенно расширились за счет включения вопросов Судана, иранской ядерной программы, Сомали, внутреннего конфликта в Ливии и Сирии и т.д.. В марте 2016 г. Китай назначил Се Сяояня своим первым спецпосланником в Сирии¹⁸⁸.

Попытки Китая урегулировать региональный конфликт свидетельствуют о новой роли, в которой правительство Пекина хочет выступать посредником между сторонами, вовлеченными в конфликт¹⁸⁹. В ответ на повторяющиеся кризисы Пекин постепенно применяет более гибкий и адаптивный подход к посредничеству, чтобы управлять кризисами, представляющими угрозу его интересам, а по возможности и разрешать конфликт способом, отвечающим интересам Китая. Такое изощренное дипломатическое отношение к конфликту является признаком того, что интерпретация Пекином понятия «невмешательство» в дела другой страны непоследовательна. Невмешательство как один из центральных факторов внешней политики Пекина формируется большей долей прагматизма¹⁹⁰, особенно когда на кону стоят интересы и активы.

Китай выступил посредником в йеменском кризисе, организовав переговоры между Саудовской Аравией и Ираном в 2015–2016 годах, а в декабре 2017 г. Китай провел «палестино-израильский мирный симпозиум»¹⁹¹. В мае 2018 г. здесь также прошел Международный симпозиум по сирийскому кризису¹⁹². В рамках посредничества

¹⁸⁸ Китай впервые назначил спецпосланника по Сирии. 29 марта 2016 . <https://www.vesti.ru/article/1658072>

¹⁸⁹ Legarda H. China as a Conflict Mediator: Maintaining Stability along the Belt and Road. Mercator Institute for China Studies. 2018. <https://www.merics.org/en/china-mapping/china-conflict-mediator>

¹⁹⁰ Chaziza M. China's Approach to Mediation in the Middle East: between Conflict Resolution and Conflict Management. // Middle East Institute. May 8, 2018. <https://www.mei.edu/publications/chinas-approach-mediation-middle-east-between-conflict-resolution-and-conflict>.

¹⁹¹ Assistant Foreign Minister Chen Xiaodong Attends Opening Ceremony of Palestinian-Israeli Peace Symposium. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China .2017.12.22. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2868_663726/2870_663730/201712/t20171226_534348.html

¹⁹² Special Envoy of the Chinese Government on the Syrian Issue Xie Xiaoyan Attends International Symposium on the Syrian Issue .Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2018-05-14.

спецпосланник Китая на Ближнем Востоке совершил обширные вояжи в обе страны для содействия мирным переговорам и политическим дискуссиям во время сирийского и ливийского кризисов. В этом контексте Китай выдвинул ряд дипломатических инициатив по урегулированию споров в регионе: инициативу по урегулированию палестино-израильского конфликта¹⁹³, инициативу по обеспечению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке¹⁹⁴, инициативу по урегулированию кризиса в Сирии¹⁹⁵.

Страны Ближнего Востока приветствуют участие Китая в разрешении региональных споров. С одной стороны, это связано с тем, что Китай — единственная развивающаяся страна, имеющая постоянное членство в Совете Безопасности, и что он не похож на Запад, колонизировавший Ближний Восток или проводивший в отношении него политику подавления. С другой стороны, это связано с тем, что Китай пользуется репутацией «свободного от врагов» со всеми сторонами на Ближнем Востоке, и он уделяет внимание примирению между Израилем и Палестиной, между арабами и неарабами, между суннитскими и шиитскими фракциями, между Ираном и Саудовской Аравией, между монархическим и республиканским режимами, между нефтедобывающими и нефтеимпортирующими странами, между умеренными исламскими странами и жесткими исламскими странами; он поддерживает дружеские отношения со всеми сторонами, что создает благоприятные условия для участия Китая в урегулировании ближневосточных конфликтов¹⁹⁶. Посол ОАЭ в КНР Омар аль-Битар заявил в 2013 г.: «Ближний Восток нуждается в справедливом арбитре. Этот арбитр не должен иметь двойных стандартов и

---

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201805/t20180516_535648.html

¹⁹³ China Pushes Four-points Israeli-Palestinian Peace Plan. // Times of Israel. 2017.

<https://www.timesofisrael.com/china-pushes-four-point-israeli-palestinian-peace-plan/>; China Puts forward Four-point Proposal Regarding Palestine-Israel conflict // Xinhua. 2021/05-17

http://www.xinhuanet.com/english/2021-05/17/c_139950043.htm

¹⁹⁴ Wang Yi Proposes a Five-point Initiative on Achieving Security and Stability in the Middle East. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26 March 2021. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202103/t20210327_9168120.html

¹⁹⁵ Wang Yi. Counterterrorism, Dialogue and Reconstruction are Three Key Points for Solving Syrian Issue at New Stage. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2017-11-24.

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201711/t20171128_535637.html

¹⁹⁶ Degang S. China and the Middle East Security Governance in the New Era // Contemporary Arab Affairs Vol. 10, No. 3. July 2017. P. 354-371.

корыстных намерений. Арабские страны доверяют Китаю, потому что Китай является дружественным и заслуживающим доверия государством и постоянным членом СБ ООН»¹⁹⁷.

По оценке Деганга Суна и Яхиа Зубира, несмотря на незаурядную дипломатическую активность Китая в регионе, он избирательно и осторожно реагирует на различные события в зависимости от того, что его политики считают жизненно важным или второстепенным. Это также зависит от их восприятия международного контекста в данный момент и от того, уместно ли вмешательство. Несмотря на растущий интерес к Ближнему Востоку и Северной Африке и некоторое участие в политической жизни, Китай пока не занимается реальной посреднической дипломатией, а скорее стремится защищать свои интересы с помощью прагматичной дипломатии, которую оба исследователя считают неким «полу-посредничеством в китайском стиле». Этот тип посредника действует, не стремясь к контролю – как-то: следовать, а не вести; участвовать в рассмотрении повестки дня, а не в ее определении; поощрять деэскалацию конфликта, не настаивая на его окончательном разрешении¹⁹⁸.

Политика уравнивания в значительной степени проявляется в управлении Пекином иранским досье и в напряженности между арабскими государствами Персидского залива и Ираном, поскольку Пекин оппортунистически взаимодействует с обеими сторонами без реальных обязательств. Этот регион переживает новую «маленькую холодную войну», в которой Иран и Саудовская Аравия являются главными фигурантами¹⁹⁹. В 2016 г. Си Цзиньпин подписал всестороннее стратегическое партнерство с ИРИ всего через несколько дней после подписания аналогичного документа с КСА, что ясно указывает на его готовность не принимать чью-либо сторону²⁰⁰. Джонатан

¹⁹⁷ China and Challenges in the Greater Middle East. Conference report Organized by DIIS. Danish Institute for International Studies and University of Copenhagen. 10 November 2015. P.23.

¹⁹⁸ Degang S. & Zoubir Y. China's Participation in Conflict Resolution in the Middle East and North Africa: A Case of Quasi-Mediation Diplomacy? //Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27. Issue 110. P. 224-243.

Degang Sun & Yahia Zoubir. China's Response to the Revolts in the Arab World: A Case of Pragmatic Diplomacy //Journal of Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. Issue 1. P. 2-20.

¹⁹⁹ Gregory G. F. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War, Brookings Doha Centre Analysis Paper. July 2014. <https://www.brookings.edu/research/beyond-sectarianism-the-new-middle-east-cold-war/>

²⁰⁰ Jonathan Fulton. China's Changing role in the Middle East. Atlantic Council. Rafic Hariri Center for the Middle East. 2019, June. https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/06/Chinas_Changing_Role_in_the_Middle_East.pdf

Фултон считает, что углубление отношений между Китаем и Ираном, отраженное в подписанном в 2021 г. всеобъемлющем стратегическом партнерстве, не свидетельствует о ревизионистском подходе Китая в регионе Персидского залива. Энергетические проекты, которые уже были активированы и реализованы как с Саудовской Аравией, так и с Объединенными Арабскими Эмиратами, достигли более зрелого уровня, соответствующего глубокому уровню экономического и политического взаимодействия Китая с арабской стороной Персидского²⁰¹.

Позиция Китая в отношении палестино-израильского конфликта является еще одним примером уравнивания. Хотя Китай говорит о поддержке палестинского государства, он также поддерживает дружеские отношения и прочные экономические связи с Израилем. Китай очень заинтересован в опыте Израиля в сфере высоких технологий²⁰², и в 2017 г. заключил с ним соглашение о партнерстве в инновационной сфере²⁰³.

Китай следует аналогичной логике в своих отношениях с Ираком. В то время как Пекин поддерживает центральное правительство в Багдаде и официально выступает против курдской независимости²⁰⁴, он установил хорошие отношения также и с Иракским Курдистаном. Крупные инвестиции Китая в энергетический сектор Иракского Курдистана и возможность того, что независимый Иракский Курдистан станет ценным партнером Китая в борьбе с терроризмом, подразумевают, что Пекин вряд ли будет агрессивно выступать против отделения Иракского Курдистана от Ирака²⁰⁵. Растущее взаимодействие

---

²⁰¹ Fulton J. China between Iran and the Gulf Monarchies. // Middle East Policy. 2021;1–14.
<https://doi.org/10.1111/merp.12589>

²⁰² Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху заявил, что, когда он встречался с премьер-министром Китая, его интересовали «три вещи: израильские технологии, израильские технологии и израильские технологии». См. PM Netanyahu addresses Presidential Conference // Consulate General of Israel in Toronto. 20.06.2013.
<http://embassies.gov.il/toronto/NewsAndEvents/Pages/PM-Netanyahu-addresses-Israeli-Presidential-Conference-2013.aspx>

²⁰³ China, Israel announces innovative comprehensive partnership // Xinhua. 2017-03-21.
http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/21/c_136146441.htm

²⁰⁴ China says supports Iraq's unity as Kurds vote in referendum // Reuters. September 25, 2017.
<https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-kurd-china/china-says-supports-iraqs-unity-as-kurds-vote-in-referendum-idUSKCN1C00V8>

²⁰⁵ Samuel Ramani. China in the Middle East: The Iraqi Kurdish Question. //The Diplomat. October 05. 2017.
<https://thediplomat.com/2017/10/china-in-the-middle-east-the-iraqi-kurdish-question/>

Китая с курдами также рассматривается как рычаг воздействия на Анкару, которая продолжает принимать уйгурских сепаратистских активистов и организации²⁰⁶.

Пекин рассматривает исламскую идеологию как угрозу и опасается ее распространения с Ближнего Востока в Китай через Среднюю Азию. Он также обеспокоен тем, что уйгурские боевики могут отправиться воевать в составе таких группировок, как ИГИЛ, а затем вернуться в Китай для совершения террористических актов. Однако озабоченность Пекина этими идеологиями не помешало ему установить в 2012г. дружественные отношения с правительством «братьев-мусульман» во главе с Мохамедом Мурси в Каире (оставалось у власти год)²⁰⁷.

В некоторых спорах Китай столкнулся с трудной задачей балансирования, казалось бы, непримиримых сторон. Рассматривая конфликт в Йемене как опосредованное противостояние Ирана, и Саудовской Аравии, Китай был вынужден принять чью-либо сторону. Во время исторического визита президента Китая по региону в 2016 году Си Цзиньпин объявил, что Китай поддерживает правительство Хади в его усилиях по воссоединению страны²⁰⁸ (что можно считать реверансом в сторону Саудовской Аравии). Хотя это решение, вероятно, вызвало бы некоторое недовольство со стороны Ирана, полная зависимость Тегерана от поддержки Китая по множеству глобальных вопросов делает проблему незначительной²⁰⁹. Однако, по некоторым данным, посол Китая в Йемене Кан Юн регулярно встречается с хуситами и представителями Южного переходного совета и даже пытался убедить их принять соглашение о разделе власти с правительством Хади²¹⁰.

²⁰⁶ Horesh N. and Ruike Xu. China's Growing Presence in the Middle East. // *Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring.* / Edited by Niv Horesh. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P. 217. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

²⁰⁷ Singh M. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings .in *Toward Well-Oiled Relations? China's presence in the Middle East following the Arab spring.* / Edited by Niv Horesh. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P. 169. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

²⁰⁸ China Offers Support for Yemen Government as XI Visits Saudi Arabia. //Reuters. January 20, 2016. <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-yemen-idUSKCN0UY0C1>

²⁰⁹ Erzsébet N. Rózsa, Tamás Peragovics. China's Political, Military and Cultural Engagement. The MENA Region. // *The Role of China in the Middle East and North Africa: beyond Economic Interests?* 2020. P.62. https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

²¹⁰ Ramani S. China looks to boost its influence in Yemen. // *Al-Monitor.* 2019, December 10. Retrieved from <https://www.al-monitor.com/originals/2019/12/china-boost-influence-yemen-stc-war-economy.html>

Позиция Китая по сирийскому кризису может показаться поворотным моментом в его политике в регионе, поскольку она выглядит чем-то большим, нежели недовольство политикой США на Ближнем Востоке, и это скорее позиция, откровенно противоположная американской. До июля 2020 г. Китай использовал свое право вето в Совбезе по сирийским поводам 10 раз²¹¹, и это впечатляет (учитывая, что за последние четыре десятилетия Китай применял здесь это право только 5 раз). Это, по-видимому, не связано с особой близостью между Пекином и сирийским президентом Башаром Асадом. Негативное отношение Китая к американской гегемонии в мировых делах дало Китаю широкий спектр неглубоких отношений и позиционировало его, намеренно или нет, как защитника таких режимов, как режим Асада,²¹² Скорее, такое решение было продиктовано не только ее опытом с Ливией, но и желанием продемонстрировать солидарность с Москвой и отстаивать принцип невмешательства, особенно с учетом одновременного роста напряженности в Южном и Восточно-Китайском морях²¹³. Эта позиция по сирийскому кризису также связана с его страхом перед подъемом исламоэкстремизма, а также с характером международного баланса и желанием сдерживать Соединенные Штаты в навязывании своих директив международному порядку. Тем не менее, воздержание Китая при голосовании в СБ ООН в апреле 2017 г.²¹⁴, по поводу «осуждения «предполагаемой химической атаки, произведенной дамасским режимом», ознаменовало

---

²¹¹ List of Resolutions Vetoed by China in the UNSC since 2011 until 10 July 2020.

<https://undocs.org/en/S/2011/612>

<https://undocs.org/en/S/2012/77>

<https://undocs.org/en/S/2012/538>

<https://undocs.org/en/S/2014/348>

https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/1026

<https://undocs.org/en/S/2017/172>

<https://undocs.org/en/S/2019/756>

<https://undocs.org/en/S/2019/961>

<https://undocs.org/en/S/2020/654>

<https://undocs.org/en/S/2020/667>

²¹² Michael Singh. China in the Middle East: Following in American Footsteps? The Washington Institute for Near East Policy. June 1, 2018. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/china-middle-east-following-american-footsteps>

²¹³ Singh M. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings // Toward Well-Oiled Relations? China's presence in the Middle East following the Arab spring/ Edited by Niv Horesh. The Nottingham China Policy Institute series. 2016. P. 173. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>

²¹⁴ UN Documents for Syria. 12 April 2017. .S/2017/315. https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/other-documents/page/2?ctype=Syria&cbtype=syria

отход от предыдущей практики Пекина накладывать вето на любую резолюцию, которая рассматривается как угрожающая суверенитету другой страны, а также отражает добрую волю, возникшую между президентом Китая Си Цзиньпином и его американским коллегой Дональдом Трампом после саммита во Флориде²¹⁵. Это подтверждает прагматизм Китая и позволяет рассматривать его политику на Ближнем Востоке сквозь призму отношений с США.

Остается вопрос, оправдана ли эта сбалансированная позиция в долгосрочной перспективе, но до сих пор она была выгодна интересам Китая и, вероятно, останется руководящим принципом его присутствия в регионе на долгие годы²¹⁶.

Китайские инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» могут сыграть решающую роль в постконфликтном восстановлении таких стран, как Сирия, Ливия, Ирак и Йемен, или в развитии столь необходимой инфраструктуры в регионе с долгосрочным воздействием на развитие этих стран. Многие кризисы и конфликты в регионе коренятся в экономических причинах, таких как отсутствие государственных услуг и возможностей трудоустройства. Для Китая экономическое развитие является основным источником стабильности и мира. «Ключ к преодолению трудностей — ускорение развития. Беспорядки на Ближнем Востоке проистекают из отсутствия развития, и окончательное решение будет зависеть от развития, которое затрагивает благополучие и достоинство каждого (Из выступления Си Цзиньпина в ЛАГ, 2016 г.)²¹⁷ Споры и конфликты, по мнению Китая, менее вероятны в областях, которые выигрывают от экономического развития, и инициатива «Пояс и путь» является воплощением этой внешнеполитической позиции²¹⁸.

---

²¹⁵ Wong C. China's UN vote abstention on Syria 'part of shift towards balanced Diplomacy in Middle East' // South China Morning Post. 2017. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2087520/chinas-un-vote-abstention-part-shift-towards-balanced>

²¹⁶ Lars Erslev Andersen, Camille Lons. The geopolitical implications of China's presence in the Middle East and North Africa // The Role of China in the Middle East and North Africa. Beyond Economic Interests? 2020. P. 97. https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

²¹⁷ Work Together for a Bright Future of China. Arab Relations Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the Arab League Headquarters Cairo. 21 January 2016. // China Daily. https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/22/content_23191229.htm

²¹⁸ Andersen L.E., & Jiang Y. China's engagement in Pakistan, Afghanistan and Xinjiang. Will China's root cause model provide regional stability and security? // DIIS report 2018: 06. <https://www.diis.dk/publikationer/chinas-developmentstability-root-cause-model-faces-challenges>

За последнее десятилетие Китай превратился в крупную движущую силу развития в регионе MENA. В течение этого периода он осуществил здесь инвестиции и контракты на сумму около 140 млрд долл. США²¹⁹. Участие Китая в развитии региона принимает форму прямых инвестиций, помощи и кредитов на развитие. Китай выделил 15 млрд долл. в виде кредитов для продвижения процесса индустриализации на Ближнем Востоке до 2018 г., а льготные кредиты составляли 10 млрд долл.²²⁰. Было заключено соглашение «нефть в обмен на восстановление» на 20 лет, по которому Китай будет получать 100 000 баррелей в день в обмен на свои инвестиции в восстановление Ирака²²¹. В ходе восьмой министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества председатель КНР объявил, что Китай предоставит Иордании, Сирии, Йемену и Палестине гуманитарную помощь на сумму 100 млн долл.²²². И это помимо помощи Китая странам региона в свете пандемии коронавируса; («вакцинная дипломатия»). Эти обещания и помощь рассматриваются как часть более широких усилий Китая по повышению своего гуманитарного статуса на глобальном уровне²²³

Но вместе с тем, объем китайской помощи Ближнему Востоку невелик по сравнению с помощью США и стран Залива. Эта большая разница не только отражает возможности каждой страны, но и в большей степени связана с разницей в целях и стратегиях каждой страны.

Участие в миротворческих операциях

Речь идет о Южном Судане, и суданском регионе Дарфур и Ливане, и это помимо участия в миротворческих миссиях, спонсируемых ООН (Китай присоединился к

---

²¹⁹ China global investment tracker (CGIT). The American Enterprise Institute. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

²²⁰ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative. 2018. China-Arab States Cooperation Forum. <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf>

²²¹ Zidane Salam. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement //ALMONETOR. October 8, 2019. <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html>

²²² Beijing Pledges USD100m to Jordan, Syria, Yemen, Palestine. //Alghad. 2018-07-10. <https://alghad.com/beijing-pledges-usd100m-to-jordan-syria-yemen-palestine/>

²²³ Hirono Miwa. Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action. Multiple interests, processes and actors //HPG Working Paper. January 2018. <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12015.pdf> ; A. Draher. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // AidData Working Paper. 46 (2017). <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>.

Спецкомитету ООН по операциям по поддержанию мира в 1988 г). В 1999г. на ближний Восток были впервые направлены китайские военные наблюдатели, советники и инженерные подразделения для участия в «Миссии ООН по наблюдению за перемирием» и «Миссии ООН по наблюдению в Ираке и Кувейте»²²⁴. В Белой книге национальной обороны Китая за 2013 год было указано, что до того он участвовал в миротворческих миссиях ООН в девяти регионах. Так, по линии ООН были направлены инженерно-медицинские группы в составе 335 человек в Ливан, 338 человек для участия в «Миссии ООН в Южном Судане» и 315 человек для участия в «Смешанной операции ООН и Африканского союза в Дарфуре»²²⁵. По ооновским данным, по состоянию на 30 ноября 2021 г. Китай принимал участие в количестве 2253 военнослужащих китайских миротворческих сил, развернутых в девяти миссиях. Из них 346 человек в Дарфуре, 419 на юге Ливана, 1053 человека на юге Судана²²⁶.

Следует также отметить, что Китай участвовал в мероприятиях по борьбе с пиратством и морской безопасности в Аравийском море и Аденском заливе, а также провел крупномасштабные операции по спасению своих граждан из охваченных боями Ливии в 2011 г. и Йемена в 2015 г.

Таблица №2 . Участие Китая в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке				
Вопрос	Главными действующими лицами	Тип конфликтов	Государства/организации, участвующие в разрешении конфликта	Уровень участия Китая
Иранская ядерная проблема	США и Иран	Региональные и внерегиональные государства	Постоянные члены Совета Безопасности ООН (СБ ООН) и Германия	Высокий
Сирийский кризис	США, ЕС, ССАГПЗ, сирийское правительство, сирийские оппозиционеры	Региональные и внерегиональные государства	ООН, Лига арабских государств, США, Великобритания, Россия, Франция и Китай	Средний
Палестино-израильский конфликт	Израиль и Палестина	Между странами Ближнего Востока	ООН, США, Великобритания, Франция, Россия и Китай	Высокий

²²⁴ Zhang H. An Analysis of the Impact of China's Participation in the United Nations Peacekeeping Mechanism in the World // International Forum. 2009. 5: 25–30.

²²⁵ Degang S. China's Soft Military Presence in the Middle East in the New Era // World Economics and Politics. 2014. 8: 4–29

²²⁶ Главная Операции ООН по поддержанию мира. <https://peacekeeping.un.org/ru>

Проблема Западной Сахары	Марокко, Мавритания, Западная Сахара, Фронт ПОЛИСАРИО	Между странами Ближнего Востока	ООН	Низкий
Конфликт Судана и Южного Судана	Судан, Южный Судан	Между странами Ближнего Востока	ООН, Африканский союз (АС), Китай	Высокий
Йеменские конфликты	Вооруженные силы хуситов, сунниты в Йемене, ССАГПЗ и Иран	Между странами Ближнего Востока	Члены ССАГПЗ, такие как Катар и Оман	Средний
Проблема Дарфура в Судане	Правительство Судана, «Освободительная армия Судана» и «Движение за справедливость и равенство» (ДСР)	В суверенном государстве	ООН, АС, Китай	Высокий
Внутренний конфликт в Южном Судане	Племена динка и нуэль	В суверенном государстве	ООН, АС, Китай и т.д.	Высокий
Внутренние конфликты в Афганистане	Афганское правительство, Талибан и т.д.	В суверенном государстве	ООН, Китай и т.д.	Средний
Конфессиональный конфликт в Ливане	Сунниты, шииты и христианские марониты	В суверенном государстве	ООН, Катар, Лига арабских государств	Низкий
Ливийский конфликт	Вооруженные силы Завилля и Вофаны	В суверенном государстве	ООН, Лига арабских государств	Низкий
Борьба с «Исламским государством»	Сирия, Ирак, Ливия и Исламское государство	Транснациональные конфликты	США, Франция, ООН, ССАГПЗ	Средний
Борьба с филиалами Аль-Каиды	Сирия, Ирак, Йемен, Афганистан, Магриб, Сомали и другие филиалы Аль-Каиды	Транснациональные конфликты	ООН, Лига арабских государств, ССАГПЗ	Средний
Источник	Degang Sun. China and the Middle East security governance in the new era // Contemporary Arab Affairs. Vol. 10, No. 3. July 2017. P. 354-371.			

Хеджирование как основной ответ Китая на конфликты

Поскольку Пекин больше не может игнорировать наличие региональных конфликтов, способных поставить под угрозу успех инициативы «Один пояс, один путь» и других важных экономических обязательств, цель состоит в том, чтобы по крайней мере заглушить конфликты ради региональной стабильности. Для этого Китай пытался

проводить взвешенную политику, пытаясь примирить возможности и риски. Стратегия хеджирования обеспечивает более точную аналитическую основу для этой политики.

Хеджирование описывает теоретическую модель для анализа внешнеполитического поведения государств «второго эшелона» по отношению к доминирующему актору в международной системе. В случае неуверенности в отношении будущих событий, намерений или внешнеполитических реакций этого доминирующего игрока страны второго уровня выбирают стратегическое хеджирование потенциальных рисков, вытекающих из внешней политики. С практической точки зрения это предполагает проведение политики, которая служит национальным интересам (экономическим, региональным, политическим, внутренним или иным) в плане безопасности, не противодействуя открыто «гегемону». Таким образом, стратегия хеджирования позволяет избежать открытой провокации или конфронтации с последними, но все же позволяет хеджирующей стороне проводить политику, которая может противоречить политическим предпочтениям или интересам «господствующей державы». Если ставки слишком высоки, чтобы рисковать конфронтацией, хедж-государства откажутся от политики, вызывающей такую конфронтацию, и, таким образом, примут на себя краткосрочные издержки (которые повлекут за собой отказ от такой политики национальных интересов) за предполагаемую долгосрочную необходимость поддержки прагматичных устойчивых отношений с «доминантом». Другими словами, поведение хеджирования носит «временный» характер, поскольку это связано с различными затратами для увеличения долгосрочного потенциала в регионе²²⁷. В то время как США, возможно, находятся на пути к потере инициативы на Ближнем Востоке, Китай боится от рисков, возникающих из-за неопределенности, которая может привести к геополитическому вакууму власти²²⁸.

Следуя этой стратегии, Китай стремится застраховаться от рисков, возникающих в результате дальнейшего нарушения регионального порядка или баланса сил, что может проявиться в ходе конфликтов. Следуя стратегии хеджирования, Пекин стремится

---

²²⁷ Salman M. Pieper M. and Geeraerts G. Hedging in the Middle East and China U.S. Competition. //Asian Politics & Policy. 2015. Volume 7, Number 4. Pages 575–596. <http://dx.doi.org/10.1111/aspp.12225>

²²⁸ Fulton J. China in the Persian Gulf: Hedging Under the U.S. Umbrella // Routledge Handbook of Persian Gulf Politics / ed. Mehran Kamrava. Abingdon: Routledge, 2020. 492-505.

обеспечить устойчивое присутствие, не нарушая конкурентный и хрупкий региональный порядок ²²⁹. Таким образом, позиция Китая в спорных политических спорах свидетельствует о нежелании Пекина усиливать региональный хаос в случае неопределенности, с которым ассоциируется будущее Ближнего Востока. Хеджирование — это вариант для региональной державы второго эшелона, которая хочет преследовать свои интересы, не нарушая при этом выгодного статус-кво²³⁰.

В целом политика Пекина в отношении региона носит избирательный, осторожный и прагматичный характер в сочетании с акцентом на экономический рост и обеспечение безопасности в сопредельном восточно-азиатском пространстве. Китай настаивает на том, что его участие в региональных конфликтах должно быть в пределах его возможностей и что его вмешательство должно применяться сугубо избирательно²³¹.

Китай придерживается дипломатических принципов и в то же время сохраняет гибкость политики в решении споров на Ближнем Востоке. Он работает в основном с центральными правительствами, но поддерживает контакты с оппонентами, выступает против разрешения споров насилием, изменения режимов западными державами с помощью военной силы, нарушения суверенитета и территориальной целостности ближневосточных стран, выступает против действий в одностороннем порядке против другой стороны в обход ООН и против принятия какой-либо стороны против какой-либо стороны, представляет всем сторонам только необязательные предложения. Участие Китая в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке больше ориентировано на гибкие средства и прагматичный подход²³². Например, Китай и другие члены Совбеза ООН совместно выработали и приняли резолюции 2170 и 2178 о нанесении ударов по Исламскому государству 16 августа и 25 сентября 2014 г. Китай призвал международное сообщество неукоснительно следовать резолюциям, но сам не участвовал в совместных военных операциях под руководством США, Европы, и стран ССАГПЗ и Турции, и в то

---

²²⁹ Fulton J. China between Iran and the Gulf Monarchies // Middle East Policy. 2021;1–14. <https://doi.org/10.1111/mepo.12589>

²³⁰ Brock F. Tessman. System Structure and State Strategy: Adding Hedging to the Menu // Security Studies. Volume 21, 2012. Issue 2: 192-231. <https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679203>

²³¹ Huang C. Theory of China's Participation in Global Governance // Journal of International Relations. 2013. 4: 61–68/

²³² Yizhou Wang. The Creative Interference: The Global Role of China. Beijing: Peking University Press, 2013.

же время подчеркнул необходимость уважать суверенитет Сирии и Ирака²³³. Несмотря на успех этой политики в значительной степени, Китай в то же время понес ощутимые потери, особенно в Ливии.

Несомненно, что главной целью политики Китая в регионе является защита своих экономических и геостратегических интересов. До сих пор политика Китая в регионе была сосредоточена на следующем:

- Продолжающееся экономическое развитие, особенно обеспечение свободного потока нефти и обеспечение стабильности цен на энергоносители и поставок в Китай в его стремлении поддерживать (глобальный стратегический энергетический баланс²³⁴) и достичь своей энергетической безопасности. Китайское хеджирование для обеспечения будущих поставок энергии направлено на защиту таких экономических интересов, как бесперебойность поставок нефти²³⁵;

- Китай также стремится поддерживать баланс сил в регионе, чтобы предотвратить монополизацию ресурсов Ближнего Востока и Северной Африки любыми региональными и/или внешними силами. На стратегическом уровне попытки любой страны Ближнего Востока контролировать регион исключительно противоречат интересам Китая. Перспектива доминирования любого государства или политической системы, будь то турки, персы, арабы, евреи, шииты или сунниты, мыслится угрозой интересам Китая²³⁶;

- Главной целью его дипломатических и политических усилий Китая является создание благоприятной среды для реализации инициативы «Один пояс, один путь» Поэтому Китай стремится поддерживать мир и стабильность в регионе и предотвращать политические беспорядки, которые могут помешать китайским инвестициям и реализации названной инициативы. Он стремится заручиться поддержкой своей внутренней и внешней политики, включая противоречивое отношение Пекина к уйгурскому

²³³ Yao, K. China's New Diplomacy on the Hot Issues in the Middle East. // International Studies. 2014. 6: 7–17

²³⁴ Harsh V. Pant. China's Rising Global Profile: The Great Power Tradition. 2011. P.66.

²³⁵ Tunsj Øystein. Hedging Against Oil Dependency: New Perspectives on China's Energy Security Policy // International Relations. 2010. 24, No. (1): 25–45.

²³⁶ الحزام والطريق : تحولات الدبلوماسية الصينية في القرن 21 . جانغ يون لينغ- 2017 . ص. 410 . ترجمة آية محمد الغازي. دار نشر صفاة. (Чан Юн Лин. «Один пояс - один путь: трансформации китайской дипломатии в 21 веке». Издательство Сафсафа.)2017.С. 410.

меньшинству в провинции Синьцзян, из-за чего он часто подвергается резкой критике на Западе²³⁷;

- Нет сомнений в том, что Китай одновременно фокусируется на слабых сторонах американского присутствия в регионе, вызванное войной в Ираке и Афганистане, неспособностью найти урегулирование арабо-израильского конфликта и антиамериканским настроением в большинстве регионов арабского мира²³⁸. В то же время он стремится ослабить давление на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Беспорядки на Ближнем Востоке наносят ущерб китайским экономическим, политическим, стратегическим интересам, безопасности и иностранным интересам в регионе. С другой стороны, эти явления сковывают стратегию американцев, что может ослабить стратегическое давление Вашингтона на Китай в АТР²³⁹;

-Китай хочет сохранить свой имидж «ответственного участника» на международной арене. С усилением своего присутствия на Ближнем Востоке за последнее десятилетие Китаю до сих пор удавалось оставаться в основном вне региональных разделений, и сохранять сбалансированную позицию в регионе, позволяющую ему выбраться из трясины региона без втягиваясь в него. Растущее китайское присутствие способствует более широкой трансформации регионального порядка, поскольку американскому и европейскому влиянию все больше бросают вызов. Но эта политика ставит перед Китаем еще больше проблем.

Основная проблема, стоящая перед Китаем, заключается в его постоянной способности расширять и использовать взаимовыгодные экономические возможности в регионе, где повторяющиеся политические и социальные кризисы, как правило, порождают неустойчивость и нестабильность. Переплетение геополитических и экономических факторов, возникших после арабских революций, может затруднить

²³⁷Erzsébet N. Rózsa, Tamás Peragovics . China's Political, Military and Cultural Engagement in the MENA Region. // The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests?2020. P.76.

²³⁸ Dunsmore M. Chinese Involvement in the Middle East: Implications for the United States // University Honors in International Relations. School of International Service Honors Capstone, 2013. P.2.

<https://auislandora-stage.wrlc.org/islandora/object/1213capstones%3A69/datastream/PDF/view>

²³⁹ الحزام والطريق : تحولات الدبلوماسية الصينية في القرن 21 . جانغ يون لينغ- 2017 . ص. 417 . ترجمة آية محمد الغازي . دار نشر صفصافة.
(Чан Юн Лин. «Один пояс - один путь: трансформации китайской дипломатии в 21 веке. С. 417. Издательство Сафсафа, 2017).

Китаю достижение экономических выгод, в то же время дистанцируясь от политических запутанностей, чтобы поддерживать эту экономическую дипломатию в долгосрочной перспективе²⁴⁰. Существует разрыв между интересами Китая на Ближнем Востоке и его способностью защищать эти интересы, разрыв, который трудно преодолеть в обозримом будущем²⁴¹.

Хотя Китай и боится от будущей неопределенности, способствуя углублению культурных связей и обменов в гражданском обществе, но тем не менее, его участие Китая в ближневосточных делах лишено решимости на высоком уровне²⁴². Китаю не хватает глубоких исследований в области изучения регионов и стран, особенно Ближнего Востока, отсюда ограниченные возможности Китая участвовать в разрешении региональных конфликтов в новую эпоху²⁴³. Если Китай стремится увеличить свое экономическое присутствие в регионе, ему необходимо будет увеличить инвестиции в производство знаний и академические исследования в отношении региона MENA, увеличить адресную помощь в целях развития региону и переоценить то, как он реагирует на крупные региональные конфликты, как с точки зрения защиты своих интересов и своих граждан, а также с точки зрения содействия миростроительству и разрешению конфликтов в регионе²⁴⁴.

Китай нуждается в новой концептуальной основе, на которой должна строиться его политика на Ближнем Востоке. После своего подъема, интересы Китая на Ближнем Востоке диверсифицируются и усложняются, в то время как многие страны региона ожидают от него большей активности. Хотя многие ближневосточные страны

---

²⁴⁰ Degang Sun and Yahia Zoubir. China's Response to the Revolts in the Arab World: A Case of 22 Pragmatic Diplomacy // *Mediterranean Politics*. 19 (1), 2014, p. 2.

²⁴¹ Degang Sun. China and the Middle East security governance in the new era. // *Contemporary Arab Affairs*. 2017. Vol. 10, No. 3 (July 2017). P. 354-371.

²⁴² Liu, Z. Some Basic Issues in the Middle East Upheaval and China Diplomacy // *International Review*. 2012. 1: 16–22.

²⁴³ Hua L. Iranian Nuclear Issue and China's Middle East Diplomacy. // *Arab World Studies*. 2014. 6:4–16.

²⁴⁴ Fraihat I. & Andrew Leber. China and the Middle East after the Arab Spring: From Status-Quo Observing to Proactive Engagement // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2019. 13(1):1-17, DOI: 10.1080/25765949.2019.1586177 link: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1586177>

поддерживают принцип невмешательства и осуждают вмешательство Запада в регион, в ближайшем будущем этот пункт, вероятно, станет главной слабостью Китая²⁴⁵.

Некоторые описывают Китай как проводника «оппортунистической дипломатии» или, по выражению Б.Обамы, «политики бесплатного проезда» на Ближнем Востоке, особенно в странах, страдающих от проблем. Китай рискует показаться в регионе в целом оппортунистической державой, преследующей собственные интересы²⁴⁶. Кроме того, Китай не придает одинакового значения всем странам региона: страны Персидского залива занимают первое место в списке приоритетов и забот китайской стратегии. Оппортунистический подход Китая и отсутствие интереса к региональной политике вызывают у стран Ближнего Востока беспокойство по поводу его ценности в качестве партнера. На данный момент Китай, похоже, удовлетворен своей относительно пассивной ролью²⁴⁷.

Внешняя политика Китая подвергается критике за то, что она уклоняется от своих международных обязательств и прибегает к молчанию в кризисных ситуациях и довольствуется ничем, кроме политического дискурса, и не поднимается до ранга крупной державы, для которой международные обязательства входят в сферу управления международной политикой, а не простой озабоченности своими узкими интересами²⁴⁸.

В обозримом будущем Китай не станет еще одним стратегическим брокером, каким десятилетиями оставались США, вследствие его ограниченных возможностей и традиционной манеры самоотстраненности. Китайская стратегия и ее позиции будут весить меньше, нежели связанные с этим амбиции в отношении арабских стран. Пекин, вероятнее всего, разочарует эти страны в плане перспектив формирования арабо-китайского альянса, направленного на уравнивание с ролью США, и тем самым

²⁴⁵ Lons C., Fulton J., Degang S., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East. October 2019. // Policy Brief -European Council on Foreign Relations. https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/

²⁴⁶ Shama N. Beyond Economics: Sino-Egyptian Relations under El-Sisi. //China and North Africa. Between Economics, Politics, and Security. / Ed. by Adel Abdel Ghafar. London, New York, Dublin: I.B. TAURIS, 23 Sep 2021. P.51.

²⁴⁷ Lons C., Fulton J., Degang S., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East. October 2019. // POLICY BRIEF-European Council on Foreign Relations. https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/

²⁴⁸ نقد الإستراتيجية الصينية حيال الدول العربية . نعمة هاشم كاظم (2018) ص 164.
(Нима Хашем Казем. Критика китайской стратегии в отношении арабских стран. 2018. С.164.)

подтолкнет страны региона к тому, чтобы подходить к своим отношениям с Китаем, оставаясь под зонтиком безопасности, предоставляемым американцами.

1.3. Механизмы политического взаимодействия КНР и арабских стран (на примере Форума китайско-арабского сотрудничества)

В период первого десятилетия реформ, осуществляемых под руководством Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, внешнеполитический курс был в большей степени ориентирован на установление партнерства с крупными державами, такими как США и СССР (впоследствии Россия), а также с соседями в Восточной, Юго-восточной и Центральной Азии. Китай стремился к упрочнению партнерских отношений с Азиатско-Тихоокеанским регионом как через усиление двусторонних связей, так и через расширение сотрудничества с форумами АСЕАН, АТЭС и Шанхайской организацией сотрудничества.

Однако к концу прошлого века и началу нынешнего наметилась тенденция, связанная с развитием сотрудничества с регионами, находящимися за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона. Еще в 1990-е гг. Цзян Цзэминь предпринял ряд мер, по развитию двустороннего партнерства, основанного на тесном взаимодействии плюс общих региональных и глобальных интересах. Наряду с Россией, США и Европейским Союзом, подобные партнерские отношения были установлены в 1999 г. с Саудовской Аравией и Египтом.

По мнению ряда исследователей, развитие межрегиональной дипломатии КНР направлено на установление партнерских и лояльных отношений, основанных не на принуждении, угрозе военного вмешательства или экономического давления, но на взаимовыгодном сотрудничестве, уважении разнообразия политических форм власти и механизмов, способствующих экономическому развитию. Китайско-арабский Форум сотрудничества является примером развития межрегиональной дипломатии КНР, реализуемой Пекином на ближневосточном направлении.

Развивающееся экономическое взаимодействие, контакты, связанные с торговлей, инвестициями, заинтересованность в углеводородных ресурсах стран-членов Совета сотрудничества арабских государств, находящихся в Персидском заливе, побудили КНР

к поиску новых форм регионального сотрудничества. Руководство арабских стран т выражало готовность создать региональную организацию, обеспечивающую развитие как двусторонней, так и многосторонней кооперации. Так, в январе 1999 года в Каире Лига арабских государств подписала с КНР меморандум о взаимопонимании, что дало импульс к созданию региональной организации сотрудничества. 26 декабря 2001 г. во время визита министра иностранных дел Китая Тан Цзясюаня в Каир генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Мусса предложил создать форум сотрудничества. 21 апреля 2002 г. во время своего визита в Каир бывший премьер-министр Китая Чжу Жунцзи сказал Генеральному секретарю Амру Мусе, что Китай твердо намерен шаг за шагом создать «Форум китайско-арабского сотрудничества». За этим последовал визит председателя КНР Ху Цзиньтао 30 января 2004 г. в штаб-квартиру Лиги арабских государств в Египте и его предложение установить новое партнерство между Китаем и арабским миром на основе четырех принципов. В результате 14 сентября 2004 г. в присутствии министров иностранных дел арабских стран Генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Мусса и министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин подписали два документа: Декларацию Китайско-арабского форума сотрудничества и План действий Форум китайско-арабского сотрудничества. Затем состоялась «Первая министерская конференция китайско-арабского сотрудничества», положившая начало «Форуму» с 1999 по 2004 гг.

Механизмы сотрудничества форума

Министерская встреча: постоянный механизм, который требует проведения периодической встречи на уровне министров иностранных дел и генерального секретаря ЛАГ один раз в два года в Китае, либо в штаб-квартире Лиги, либо в одном из арабских государств поочередно, а также имеет право собираться на внеочередные сессии в случаях необходимости. На министерской встрече обсуждаются пути расширения сотрудничества между Китаем и арабскими странами в политической, экономической областях и сфере безопасности, происходит обмен мнениями по региональным и международным вопросам, представляющим взаимный интерес, а также важные вопросы, поднятые на заседаниях Организации Объединенных Наций и ее специализированных организаций, следит за

выполнением программы работы форума, а также обсуждает другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Совещание старших должностных лиц: периодическое ежегодное совещание, которое проводится обеими сторонами поочередно или, когда это необходимо, по согласованию двух сторон. В его задачи входит подготовка к регулярным встречам мининдел, контроль за выполнением рекомендаций и решений этих встреч, а также проведение китайско-арабских стратегических политических консультаций на высоком уровне.

Другие механизмы: Постепенно в рамках форума образовались и другие механизмы, помимо вышеназванных – такие, как конференция китайских и арабских бизнесменов, инвестиционный симпозиум, симпозиум по китайско-арабским отношениям, межцивилизационный диалог, конференция китайско-арабской дружбы, конференция сотрудничества в области энергетики, симпозиум по сотрудничеству в сфере СМИ, фестивали искусств, форум по сотрудничеству в дистанционного зондирования (спутниковая навигация) (Бейдоу), форум женщин, форум китайских и арабских городов, форум двустороннего сотрудничества в области радио и телевидения. Деятельность вышеупомянутых механизмов чаще реализуется один раз в два года, в Китае и одной из арабских стран попеременно. Кроме того, существует институциональное сотрудничество между Китаем и арабской стороной в области защиты окружающей среды и подготовки кадров.

Группа связи: Посольство КНР в Каире исполняет эту функцию со стороны Китая, Совет послов арабских государств и Миссия ЛАГ – со стороны арабских государств. Его миссия состоит в том, чтобы установить контакт между двумя сторонами и следить за выполнением решений и рекомендаций, достигнутых на встречах министров иностранных дел и высокопоставленных официальных лиц, а также Канцелярии Генерального секретариата Китая Китайско-арабского форума сотрудничества в отделе Западной Азии и Северной Африки МИД Китая.

До мая 2022 года Форум китайско-арабского сотрудничества провел 9 встреч на уровне министров, 16 встреч старших должностных лиц, 6 сессий китайско-арабского стратегического политического диалога на уровне старших должностных лиц, 8 сессий китайско-арабских отношений и диалог между китайской и арабской цивилизациями, 8

сессий конференции китайских и арабских бизнесменов, инвестиционный симпозиум, две сессии Китайско-арабского форума реформ и развития, 6 сессий Китайско-арабской конференции по энергетическому сотрудничеству, 4 сессии китайско-арабского симпозиума по сотрудничеству в области СМИ. Другие механизмы сотрудничества действуют упорядоченно.

Первую подобную конференцию провели в Каире в сентябре 2004-го года, вторую - с 31.05 по 1.06.2006 года в Пекине, третью - 21-22.05.2008 года в Манаме. На конференции глав МИД в Бахрейне в 2008-ом г. был принят План действий на 2008-2010 гг., который состоял из 44 пунктов и охватывал такие сферы китайско-арабского сотрудничества, как политическое взаимодействие, диалог цивилизаций, дружба и партнерство между новостными агентствами²⁴⁹. По вопросам перспектив развития стороны пришли к соглашению об активизации сотрудничества по разработке принципов, лежащих в основе коммюнике и Планов действий для достижения общих целей, о поиске оптимальной модели Форума, а также развитии двустороннего и многостороннего взаимодействия на региональном уровне.

В 2008 году мировая политика и экономика испытали на себе влияние глобального финансового кризиса. В этом контексте Китай и арабские страны как развивающиеся страны почувствовали острую необходимость дальнейшего укрепления сотрудничества и совместного реагирования на кризисы. В результате обе стороны провели несколько обсуждений на четвертой встрече министров, состоявшейся в Тяньцзине 13-14 мая 2010 г., и торжественно решили установить «китайско-арабское всеобъемлющее сотрудничество и совместное развитие стратегического партнерства», и модернизация китайско-арабских отношений от нового партнерства до стратегического партнерства, чтобы выйти на новый исторический этап²⁵⁰. На министерской встрече были приняты важные документы, касающиеся китайско-арабского сотрудничества, возможно, самые важные из них, «Совместная декларация об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в рамках Китайско-арабского

---

²⁴⁹ Action Plan of the China-Arab Cooperation Forum (2008-2010). <https://www.mfa.gov.cn/ce/cgsf//eng/xw/t448439.htm>

²⁵⁰ Compilation of Files: China-Arab States Cooperation Forum (September 2004 - May 2010). Department of Asian and African Affairs, Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China. 2010.

форума сотрудничества», В котором говорилось: «Мы объявляем об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами на основе всестороннего сотрудничества и общего развития в рамках Китайско-арабского форума сотрудничества; В данном контексте, Мы будем способствовать взаимным визитам на различных уровнях и вести стратегический диалог и консультации для защиты интересов развивающихся стран; продолжать обмен поддержкой по вопросам, касающимся жизненно важных и первостепенных интересов обеих сторон; Мы будем стремиться к расширению сотрудничества в различных областях и обмену опытом в области содействия благому управлению и достижения развития, а также использования преимуществ экономической интеграции для продвижения взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития между двумя сторонами; Мы будем стремиться поддерживать диалог между цивилизациями и стремиться к взаимному уважению и гармонии между различными расами, религиями, верованиями и культурами; Мы будем стремиться укреплять Китайско-арабский форум сотрудничества, в полной мере активизировать роль механизмов форума и расширять сферы сотрудничества в соответствии с развитием ситуации и требованиями общих интересов»²⁵¹.

По результатам встречи также были выпущены итоговое заявление и исполнительная программа на 2010-2012 годы. (Эти документы, которые периодически публикуются по завершении каждой встречи - заключительное/ итоговое заявление или декларация и исполнительная программа на следующие два года). Исполнительная программа на 2010-2012 годы включает пункты, связанные с сотрудничеством в политической, экономической и коммерческой областях, энергетике, защите окружающей среды, лесах, сельском хозяйстве, туризме, развитии человеческих ресурсов, культуре и диалоге между цивилизациями, образовании, науке и технике, здравоохранении, СМИ и издательском деле, и сотрудничестве в парламентской и гражданской сферах²⁵². В то

²⁵¹ الإعلان المشترك حول إقامة علاقات التعاون الاستراتيجي بين الصين والدول العربية في إطار منتدى التعاون الصيني العربي. 17-05-2010. (Совместная декларация об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в рамках Китайско-арабского форума сотрудничества. 17 мая 2010 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907498.htm

²⁵² البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2010-2012

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2010-2012 гг.);

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907510.htm

время как в «итоговом заявлении» подчеркивается укрепление сотрудничества в политической, экономической, коммерческой областях и сферах развития, в сфере содействия культурному и человеческому общению и диалогу цивилизаций, в сфере развития Китайско-арабского форума сотрудничества²⁵³.

Пятая министерская конференция Китайско-арабского форума сотрудничества состоялась 31 мая 2012 г. в Тунисе, в то время, когда арабский мир переживал потрясения. Таким образом, эта встреча должна быть проведена без промедления. На встрече было отмечено, что китайско-арабские отношения сталкиваются с рядом проблем в условиях «арабской весны» и переходного периода в арабском мире. Особенно в свете позиции Китая в Совете Безопасности по сирийскому кризису, поскольку она противоречила позиции многих арабских стран, особенно стран Совета сотрудничества стран Персидского залива, что временно повлияло на сотрудничество, но спор был преодолен, и Китай позже смог разъяснить арабским странам свою позицию, которая проистекает из соблюдения принципа «невмешательства во внутренние дела» арабских стран, отличного от позиции европейских и американских стран. Хотя некоторые страны из-за начала «арабской весны» прислали только представительных чиновников ниже министерского уровня, однако на этой сессии Министерской конференции все еще публикуется «Заявление», принятое Пятой министерской конференцией Форума китайско-арабского сотрудничества, и «План действий на 2012-2014 годы» Форума сотрудничества Китая и арабских государств, как и на предыдущих сессиях. Обе стороны признали, что «Форум» на официальном уровне не должен быть затронут этими неблагоприятными событиями. Даже если бы эффекта нельзя было избежать, он остался бы только на теоретическом, а не на практическом уровне²⁵⁴. "План действий на 2012-2014 годы" включал специальную

---

²⁵³ البيان الختامي الصادر عن الدورة الرابعة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي . 14 مايو/ أيار عام 2010 (Заключительное заявление, опубликованное на четвертом министерском заседании Китайско-арабского форума сотрудничества. 14 мая 2010 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907504.htm

²⁵⁴ بيان الدورة الخامسة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي. 2012/5/31 (Заявление пятой сессии министерской встречи Китайско-арабского форума сотрудничества. 31.05.2012)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diwujiebuzhangjihuiyi/201206/t20120604_6907484.htm

главу, призывающую к созданию учреждения для предоставления средств на мероприятия программы сотрудничества²⁵⁵.

После объявления Китаем инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. шестая сессия форума состоялась 5 июня 2014 г. в Пекине, и на открытии присутствовал председатель КНР Си Цзиньпин, который выступил с речью под названием «Воплощение духа Шелкового пути для углубления китайско-арабского сотрудничества». Он подробно объяснил концепцию воплощения духа Шелкового пути «мира, сотрудничества, открытости, инклюзивности, взаимной выгоды, и обоюдного выигрыша» и четко выдвинул китайско-арабское партнерство в построении «Пояса и пути». «Китайская и арабская стороны должны совместно строить «Один пояс, один путь» с пониманием и последовательными шагами. Это понимание требует разработки на высоком уровне и хорошо спланированного направления и целей для формирования структуры сотрудничества «1 + 2 + 3»²⁵⁶. На сессии была опубликована «Пекинская декларация шестой сессии министерской встречи Форума сотрудничества», в которой обе стороны подчеркнули важность координации, укрепления сотрудничества и работы над созданием механизма урегулирования торговых споров между двумя сторонами на двустороннем и коллективном уровнях²⁵⁷. Возможно, что отличает эту сессию, так это выпуск «десятилетнего плана развития Арабо-китайского форума сотрудничества на период 2014-2024 гг.», который включает десять пунктов, выражающих приоритеты сотрудничества между двумя сторонами, в том числе «Пояс и путь»²⁵⁸.

Седьмая сессия Министерской встречи Форума арабо-китайского сотрудничества состоялась в Дохе, Государство Катар, 12 мая 2016 г. А в выступлении министра

²⁵⁵ البرنامج التنفيذي لمنندى التعاون العربي الصيني بين عامي 2012-2014

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2012-2014 гг.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diwujiebzhangjihuiyi/201206/t20120604_6907491.htm

²⁵⁶ كلمة الرئيس الصيني شي جينбинغ في الجلسة الافتتاحية للدورة السادسة من الاجتماع الوزاري لمنندى التعاون الصيني العربي

(Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на открытии шестой министерской встречи Форума сотрудничества Китая и арабских государств). <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cejo/ara/zygx/t1164568.htm>

²⁵⁷ إعلان بجين للدورة السادسة للاجتماع الوزاري لمنندى التعاون العربي الصيني. 2014/6/5

(Пекинская декларация шестой сессии Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 06.05.2014).

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebzhangjihuiyi/201406/t20140610_6907467.htm

²⁵⁸ الخطة التنموية العشرية لمنندى التعاون العربي الصيني خلال الفترة 2014-2024 .

(Десятилетний план развития Китайско-арабского форума сотрудничества на 2014-2024 гг.).

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebzhangjihuiyi/201406/t20140610_6907474.htm

иностранных дел Китая говорилось, что Китай стал крупнейшим торговым партнером арабских стран в целом, а стоимость новых инженерных подрядных контрактов, подписанных с арабскими странами, составила 64,6 миллиарда долларов, в арабских странах были созданы два центра расчета китайской валюты «зинмембе», обе стороны создали два паевых инвестиционных фонда для инвестиций, Китай и Совет сотрудничества стран Персидского залива, в принципе, завершили подлинные переговоры о торговле сырьевыми товарами, согласившись приложить усилия для достижения соглашения о зоне свободной торговли до конца года, было открыто Китайско-арабский центр передачи технологий и заложен фундамент первой совместной китайско-арабской национальной лаборатории, а также подписано соглашение о создании первого китайско-арабского совместного университета, число арабских прибытий в Китай превысило 14 000, а количество рейсов между Китаем и арабскими странами достигло 183 еженедельно²⁵⁹. На встрече была принята «Декларация Дохи седьмой сессии министерской встречи», в которой обе стороны подчеркнули углубление отношений стратегического сотрудничества, укрепление взаимного политического доверия, продолжение обмена поддержкой по вопросам, касающимся фундаментальных и жизненно важные интересы другой стороны, а также укрепление политических консультаций и координации между двумя сторонами по важным и неотложным политическим вопросам и кризисам²⁶⁰. В дополнение к «Исполнительной программе Арабско-китайского форума сотрудничества на 2016-2018 годы», в которой подчеркивались направления сотрудничества, включенные в предыдущие исполнительные программы, к которым был добавлен пункт «Сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности²⁶¹».

10 июля 2018 года Председатель Си Цзиньпин принял участие в открытии восьмой сессии Министерской встречи в Пекине и выступил с речью, в которой сказал: «В течение

---

²⁵⁹ النص الكامل للكلمة وزير الخارجية الصيني في الاجتماع الوزاري السابع لمنتدى التعاون الصيني العربي بالدوحة (Полный текст выступления министра иностранных дел Китая на седьмой министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества в Дохе).

²⁶⁰ إعلان الدوحة للدورة السابعة للاجتماع الوزاري . 12 مايو 2016 (Дохинская декларация седьмой сессии Совещания министров. 12 мая 2016 г.).
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dqjbzjhy/201606/t20160623_6907452.htm

²⁶¹ البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي 2016-2018. 12 مايو 2016 (план действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2016-2018 гг. 12 мая 2016 г.).
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dqjbzjhy/201606/t20160623_6907457.htm

четырёх лет «Один пояс, один путь» продвигал развитие китайско-арабских отношений во всестороннем порядке и вывел китайско-арабское всестороннее сотрудничество на новый этап. А в связи с этим я заявляю, что обе стороны после дружеских консультаций договорились установить отношения стратегического партнерства, основанные на всестороннем сотрудничестве, общих развития и лучшего будущего. Это новая историческая отправная точка для дружбы и сотрудничества между двумя сторонами»²⁶². Государственный советник, министр иностранных дел Ван И встретился с журналистами с министром иностранных дел Саудовской Аравии Аделем бин Ахмедом аль-Джубейром и генеральным секретарем Лиги арабских государств Ахмедом Абул Гейтом после восьмой министерской встречи Форума сотрудничества, чтобы представить результаты министерской встречи. «Эта встреча войдет в историю», — сказал Ван И²⁶³. Китай и арабские страны достигли и подписали три важных итоговых документа, а именно «Пекинскую декларацию», «План действий на 2018–2020 годы» и «Декларацию действий по сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» между Китаем и арабскими странами». Пекинская декларация акцентирует внимание на разъяснении значения стратегического партнерства между Китаем и арабскими странами и указывает направление углубления отношений и коллективного сотрудничества между Китаем и арабскими странами²⁶⁴. План действий на 2018-2020 годы предлагает новые планы и новые меры, охватывающие сотрудничество почти в 20 областях, включая экономику, торговлю, промышленность, энергетику и культуру²⁶⁵. В Декларации действий по сотрудничеству Китая и арабских

²⁶² Joining Hands to Advance Sino-Arab Strategic Partnership in the New Era. Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the Opening Ceremony of the Eighth Ministerial Conference of the China-Arab States Cooperation Forum Beijing, 10 July 2018.

http://www.chinaarabcf.org/ara/ltjz_1/bzjhy/dbjbzjhy/201807/P020210828308056643349.pdf

²⁶³ Wang Yi. Talks About the Outcomes of the 8th Ministerial Meeting of the China-Arab States Cooperation Forum (CASCF) .2018-07-10 14.

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531137.html

²⁶⁴ إعلان بجين للدورة الثامنة للاجتماع الوزاري لمنندى التعاون الصيني العربي (بجين، 10 يوليو 2018) (Пекинская декларация восьмой сессии министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества, Пекин, 10 июля 2018 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/t20180724_6907423.htm

²⁶⁵ البرنامج التنفيذي لمنندى التعاون الصيني العربي بين عامي 2018-2020 (بجين، 10 يوليو 2018) (План действий Форума китайско-арабского сотрудничества 2018-2020 гг., Пекин, 10 июля 2018 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/t20180724_6907431.htm

стран в рамках «Пояса и пути» выдвинута концепция важного сотрудничества для совместного строительства «Пояса и пути» Китаем и арабскими странами²⁶⁶. Эти три важных документа составляют четкий, систематический и полный план развития китайско-арабских отношений в предстоящий период²⁶⁷.

Девятая сессия министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества в свете пандемии коронавируса состоялась 6 июля 2020 г. на цифровой платформе. На встрече было принято «совместное заявление о солидарности Китая и арабских стран в борьбе с эпидемией пневмонии, вызванной новым коронавирусом», в котором стороны подтвердили укрепление солидарности, сотрудничества, взаимной поддержки и совместных усилий по борьбе с эпидемией и противостоянию общим угрозам и вызовам, а также дали рекомендацию из шести пунктов относительно сотрудничества в борьбе с эпидемией и строительства «Пояса и пути» в рамках пандемия, подчеркивающая общую судьбу²⁶⁸. «Амманская декларация девятой сессии Министерской встречи Китайско-арабского форума сотрудничества», в котором две стороны договорились провести китайско-арабский саммит, чтобы вывести китайско-арабское стратегическое партнерство на более широкие горизонты и таким образом, чтобы это служило общим интересам обеих сторон, а также приветствовать прием Королевством Саудовская Аравия это при условии, что дата саммита будет установлена на основе консенсуса между двумя сторонами²⁶⁹. «Исполнительная программа форума китайско-арабского сотрудничества на 2020–2022 годы», в которой обе стороны подчеркнули сотрудничество в политической, экономической, энергетической, природных ресурсах и окружающей среде, сельском

²⁶⁶ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative
<http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf>

²⁶⁷ Wang Yi. Talks About the Outcomes of the 8th Ministerial Meeting of the China-Arab States Cooperation Forum (CASCF) .2018-07-10 14.

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531137.html

²⁶⁸ البيان المشترك لتضامن الصين والدول العربية في مكافحة وباء الالتهاب الرئوي الناجم عن فيروس كورونا المستجد

(Совместное заявление о солидарности Китая и арабских стран в борьбе с эпидемией нового коронавируса 2020 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djjbujhy/202008/t20200810_6907416.htm

²⁶⁹ إعلان عمان للدورة التاسعة للاجتماع الوزاري لمنندى التعاون الصيني العربي

(Амманская декларация девятой сессии Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества 2020 г.)

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djjbujhy/202008/t20200810_6907408.htm

хозяйстве, туризме, развитии человеческих ресурсов, интеллектуальной собственности, культуре и диалог цивилизаций, библиотеки и информация, образование и научные исследования, наука и техника, здравоохранение и социальное развитие, СМИ, гражданское сотрудничество, сотрудничество в области женщин, сотрудничество в области молодежи и спорта, устойчивое развитие, сотрудничество в области демографической политики и др.²⁷⁰.

Достижения сотрудничества

«Форум китайско-арабского сотрудничества» добился многих достижений, наиболее важными из которых являются следующие:

В политической сфере: Обе стороны не сталкивались с серьезными препятствиями при согласовании различных вопросов. Китай и арабские страны принадлежат к «Большому восточному сообществу» и имеют схожие взгляды на международный порядок, демократию и защиту прав человека. Например, обе стороны считают, что демократия не может быть экспортирована или внедрена извне сторонними акторами. Вместо этого демократия должна соответствовать местным ценностям — это должна быть либо социалистическая демократия с китайской спецификой, либо исламская демократия с арабской спецификой, но никак не западная демократия с соответствующими параметрами и характеристиками. С обеих сторон преобладает мнение, что мир должен быть разнообразным. В итоговых заявлениях последовательных саммитов ЛАГ, Совета министров иностранных дел ЛАГ и Советов форумов сотрудничества, проводившихся в последние годы, всегда подчеркивается следующее:

Арабские страны подтверждают приверженность суверенитету и территориальной целостности Китая и тому, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая, и твердо придерживаются принципа одного Китая, отвергают независимость Тайваня во всех ее формах и не устанавливают никаких официальных отношений или контактов с Тайванем, поддерживают мирный путь в вопросе будущего воссоединения Китая. Арабские страны отвергают религиозный экстремизм, национал-сепаратизм, насилие и

---

²⁷⁰ البرنامج التنفيذي لمنندى التعاون الصيني العربي بين عامي 2020 – 2022. 10-08-2020.
(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2020-2022 гг., 10 августа 2020 г.).
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djbjhy/202008/t20200810_6907401.htm

терроризм, осуждают антикитайские сепаратистских акции. Арабские страны также поддерживают позицию Китая по проблеме Гонконга и поддерживают усилия Китая в плане поддержания своей национальной безопасности в рамках принципа «одна страна, две системы», отвергают вмешательство во внутренние дела Китая.

С другой стороны, Китай традиционно и неоднократно поддерживал законные интересы арабских стран в регионе, среди которых стержневой является проблема палестинцев; подразумевается их право на самоопределение и независимость в границах арабского палестинского государства с Восточным Иерусалимом в качестве столицы, а также право на возвращение и компенсацию для палестинских беженцев в соответствии с резолюцией № 194 Генеральной Ассамблеи ООН. Китай призывает к политическому урегулированию сирийского вопроса и отказывается вмешиваться в дела арабских стран. Китай привержен решения острых вопросов в регионе мирными политическими средствами и поддерживает создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также разделяет неустанные усилия арабских стран в целях укрепления солидарности, прекращения распространения идей экстремизма и борьбы с терроризмом.

Обе стороны решительно отвергают решение США признать суверенитет Израиля над оккупированными сирийскими Голанскими высотами. Они подтверждают свою приверженность единству, суверенитету, стабильности и территориальной целостности Ливана и требуют, чтобы Израиль немедленно прекратил нарушения суверенитета этого государства на суше, в воздухе и на море. Обе стороны поддерживают все мирные усилия, в том числе инициативу и усилия ОАЭ по достижению мирного решения вопроса о трех островах – Большом Томбе, Малом Томбе и Абу-Мусе, переговорным путем в соответствии с положениями международного права. Обе стороны подчеркивают важность того, чтобы отношения сотрудничества между арабскими странами и Исламской Республикой Иран основывались на принципах добрососедства и невмешательства во внутренние дела, уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности государств, разрешении споров мирными средствами в соответствии с Уставом ООН и международным правом, воздерживаясь от применения силы или угрозы ею.

Обе стороны всемерно поддерживают усилия по предотвращению распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Равно поддерживают они и сотрудничество в сфере антитеррора, борьбы с экстремистской идеологией и подстрекательством к нему. Они заявляют об осуждении всех актов терроризма во всех проявлениях, кем бы и где бы они ни совершались и какими бы целями ни оправдывались.

Экономическая область

Формирование первого этапа китайско-арабской модели сотрудничества «1+2+3». Построение этой новой модели сотрудничества дало первые результаты. В 2016 г. Китай импортировал из арабских стран 5 млн 98 тыс. тонн сжиженного природного газа, что составляет 19,9% от общего объема импорта; В 2017 году Китай импортировал 1,57 млн тонн сырой нефти из арабских стран, что составляет 37,03% от общего объема импорта; И в 2019г. он импортировал 41,3% своей потребности в нефти из стран Машрика. К 2017г. совокупный вес вновь заключенных инжиниринговых контрактов с арабскими странами составил 32 млрд 805 млн долларов США; обе стороны приступили к крупным проектам, таким как гармонизация в области производственных мощностей, нефтепереработки, портового строительства и других областях; Генеральный секретариат ЛАГ и Организация по развитию и сотрудничеству в области глобальной энергетической взаимосвязи (GEIDCO) Китая подписали меморандум о взаимопонимании, а Управление атомной энергии Китая и Управление по атомной энергетике арабских государств подписали меморандум о взаимопонимании «с целью создания арабского учебного центра по использованию ядерной энергии в мирных целях». Китай создал центр передачи технологий в рамках Китайско-арабского форума сотрудничества, подписал соглашение о навигационной спутниковой системе Бэйдоу; обе стороны достигли соглашения о сотрудничестве по созданию учебного центра в целях мирного использования ядерной энергии и центра чистой энергии; Китай и арабские страны также запустили программу партнерства в области науки и техники: будут созданы десять совместных национальных лабораторий в областях энергетики, здравоохранения, современного агропроизводства, связи и других областях; Китай также начал двустороннее сотрудничество в области космоса с Египтом, Алжиром, ОАЭ, Саудовской Аравией и Суданом; в 2017 г. Китай успешно запустил алжирский спутник связи; в 2018 г. в Тунисе был создан Китайско-

арабский центр «Бейдоу»; Китай и Саудовская Аравия определили первую партию из тридцати проектов в области инвестиций и производственных мощностей в 2017 году, и началась реализация восьми проектов²⁷¹.

Китай является вторым по величине торговым партнером арабских стран, а также крупнейшим торговым партнером десяти арабских стран; В 2004 г. объем торговли между Китаем и арабскими странами составил 36,7 млрд долл., в 2008 году он превысил 100 млрд долл., в 2012 году превысил 200 млрд, а в 2014 году достиг 251,2 млрд долл., увеличившись на 5,2 процента по сравнению с прошлым годом. Объем торговли между Китаем и арабскими странами в 2017г. составил 191,352 млрд долл., увеличившись на 11,9 процента по сравнению с прошлым годом²⁷². Объем торговли между двумя сторонами вырос до 239,8 млрд долл. в 2020 г.²⁷³

С 2017 г. Китай стал крупнейшим источником инвестиций для арабских стран. Остаток китайских прямых инвестиций в арабские страны составил 20,1 млрд долл. США на конец 2020г., а общий объем инвестиций арабских стран в Китай составил 3,8 млрд²⁷⁴. В 2004 г. китайские компании подписали новые контракты с арабскими странами на сумму 4,1 млрд долл., а в 2012 г. Он достиг 19,9 млрд долл. и 35,9 млрд долларов в 2014 г., что на 23,3% больше, чем в прошлом году. На его долю приходится 1/5 новых глобальных инженерных контрактов Китая, а в 2017 г. стоимость китайских инженерных проектов, недавно заключенных с арабскими странами, составила 32,805 миллиарда долларов. К 2019 году обе стороны создали около 107 совместных проектов в более чем 20 ключевых областях, включая политику, экономику, кадровые ресурсы, производственные мощности, науку и технику, здравоохранение и гуманитарные науки²⁷⁵.

²⁷¹ Jointly Building “Belt and Road” and promoting the new starting point of collective cooperation between China and Arab countries: Achievements and prospects of CASC. Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASC, 2018.

²⁷² Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative arabic.news.cn| 21-06-2021. 2020. حجم التجارة بين الصين والدول العربية يبلغ 239.8 مليار دولار أمريكي في عام 2020. (Объем торговли между Китаем и арабскими странами в 2020 году достигнет 239,8 млрд долларов США.) 2021-06-21). http://arabic.news.cn/2021-06/21/c_1310019399.htm

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ السفير الصيني في عمان: نسطر فصلا جديدا في صداقتنا مع العرب . جريدة الغد . 14-07-2020 . Посол Китая в Аммане: Мы пишем новую главу в нашей дружбе с арабами. // Аль-Гад. 2020-07-14. <https://alghad.com/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%81%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8A%D9%86%D9%8A-%D9%81%D9%8A-%D8%B9%D9%85%D8%A7%D9%86-%D9%86%D8%B3>

Арабские страны активно участвуют в строительстве и функционировании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций: учредителями Азиатского инвестиционного банка выступили Египет, Кувейт, Катар, Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ и Иордания. В настоящее время Азиатский инвестиционный банк утвердил четыре проекта, в которых участвуют арабские страны, а именно: коммерческий причал в городе Дукм в Султанате Оман, проект подготовки железнодорожной системы Омана, проект поперечной инфраструктуры Омана, проект солнечной фотоэлектрической системы Египта. В январе 2017 г. Азиатский инвестиционный банк предоставил султанату Оман кредит в размере 265 млн долл., и это первый кредит, предложенный арабским странам. Китай также создал совместный инвестиционный фонд в размере 20 млрд долларов совместно с ОАЭ и Катаром. Филиал Промышленно-коммерческого банка Китая также был создан в Катаре, а Сельскохозяйственный банк Китая – в ОАЭ и Египте для расчетов по сделкам в юанях.

Связь инициативы «Один пояс, один путь» с проектами развития арабских стран: Инициатива китайско-арабского партнерства в строительстве «Пояса и пути» получила большой отклик во многих арабских странах, и многие страны начали позитивно планировать приведение своих стратегий развития в соответствие с указанной китайской инициативой. Например: «Видение Египта 2030», «Видение Саудовской Аравии 2030», «Видение Кувейта 2030» и создание «Шелкового города» в Кувейте, «Видение Иордании 2025», «Видение Омана 2040», «Видение ОАЭ 2030» и «Видение Катара 2030», город науки и технологий короля Мохаммеда VI в Танжере (Марокко) и т.д. Инициатива «Один пояс, один путь» создала платформу, импульс и новые возможности для развития практического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в новую эпоху. В рамках инициативы Китай подписал соглашения о сотрудничестве или меморандумы о взаимопонимании с десятью арабскими странами, а инициатива совместного строительства «Пояса и пути» стала особенностью китайско-арабского коллективного сотрудничества, что нашло отражение во всех его аспектах.

Сфера культуры

В 2016 г. был запущен «Проект по подготовке переводчиков с китайского языка и на китайский язык для арабских граждан», а в апреле 2017 г. в Шанхае был создан «Китайско-арабский исследовательский центр реформ и развития». К концу того же года Китай и одиннадцать арабских стран подписали новую ежегодную исполнительную программу двусторонних соглашений о сотрудничестве в области культуры, поощряя взаимные визиты 53 культурных делегаций на уровне министров правительств Китая и арабских стран, организуя 4604 визита для 196 театральных коллективов и укрепление сотрудничества между 105 арабскими культурными учреждениями и их китайскими коллегами, приглашение 258 арабских культурных и художественных талантов для обучения в Китае, содействие участию семи арабских театров в «Консорциуме международного фестиваля искусств Шелкового пути» и присоединение к пяти организационных комитетов Международного фестиваля арабских искусств в «Конфедерацию Международного фестиваля искусств Шелкового пути». В 2015 г. в Иньчуане, (провинция Нинся), прошел Китайско-арабский форум по сотрудничеству в области здравоохранения; В апреле 2016 года в городе Иньчуань прошли «Диалоговые сессии между китайскими и арабскими политическими партиями» ,организованный Отделом внешних связей ЦК Коммунистической партии Китая под лозунгом «Китайско-арабское партнерство в построении сообщества общего будущего – миссия политических партий»; С 2016г. Китай подписал меморандум о взаимопонимании с Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией, Йеменом и Палестиной в целях расширения сотрудничества СМИ; В зимний и весенний сезоны 2017 и 2018 гг. количество авиарейсов туда и обратно между Китаем и арабскими странами достигло 150 рейсов в неделю.

Совместные достижения в области образования. Китай создал 12 институтов Конфуция и 4 конфуцианских класса в девяти арабских странах. С 2004 по 2018гг. общее количество студентов, участвующих в академической подготовке, достигло 70 000; было организовано 4 952 культурных мероприятия, в которых приняли участие около 680 000 студентов. 13 336 студентов приняли участие в тесте на знание китайского языка, Число арабских студентов в Китае увеличилось с 1130 в 2004 г. до 18 050 в 2016 г., при этом ежегодный прирост составляет 26%. Число китайских студентов, обучающихся в арабских

странах, увеличилось с 242 в 2004 г. до 2433 в 2016 г., с ежегодным приростом в 21%. В 2004г. Китай организовал профессиональную подготовку специалистов и должностных лиц в различных областях арабских стран: 90 таможенников из 18 арабских стран, 862 сотрудника технического, научного и технологического менеджмента из арабских стран, 26 сотрудников старших арабских и региональных чиновников по охране окружающей среды, и 248 сотрудников, соответствующих специалистов и других.

В области техники: 29 марта 2021г. была запущена «Инициатива сотрудничества между Китаем и Лигой арабских государств в области безопасности данных ²⁷⁶», отметившая новую страницу глобального цифрового управления с целью создания сообщества с общим будущим для киберпространства. мира, безопасности, открытости, сотрудничества и порядка. Согласно статистике, китайские платформы электронной коммерции составляют 80% пользователей Интернета в шести арабских странах Персидского залива²⁷⁷.

Форум сыграл ведущую роль в развитии китайско-арабского сотрудничества посредством формирования механизмов, охватывающих большинство областей, включая политическую, экономическую, культурную и гуманитарную, что не только обогащает обмен дружественными контактами между Китаем и арабскими странами, но и создает инновационную модель сотрудничества²⁷⁸. Внушительные достижения коллективного сотрудничества между Китаем и арабскими странами с момента создания Китайско-арабского форума сотрудничества наглядно демонстрируют, что стороны привержены реализации новых концепций международных отношений, духу взаимного уважения, справедливости и взаимовыгодного сотрудничества, продвижению эффективных мер для совместной работы на благо решения проблем развития на Ближнем Востоке, ради продвижения систем регионального управления на Ближнем Востоке, в целях обретения

---

²⁷⁶ مبادرة التعاون بين الصين وجامعة الدول العربية بشأن أمن البيانات . منتدى التعاون . 01-04-2021 (Инициатива сотрудничества между Китаем и Лигой арабских государств в области безопасности данных. Форум китайско-арабского сотрудничества. 2021-04-01).

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/sjaq/202104/t20210401_9158017.htm

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Kuangyi YAO. China-Arab States Cooperation Forum in the Last Decade // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. 8:4, 26-42. <https://doi.org/10.1080/19370679.2014.12023253>

большой мудрости через общение и взаимный опыт, а также ради мирного сосуществования между различными цивилизациями международного сообщества²⁷⁹.

Форум сотрудничества между Китаем и арабскими государствами может добиться быстрого и устойчивого развития по следующим причинам: он уходит корнями в плодородную почву традиционной дружбы; это есть стратегический выбор, основанный на общих интересах; он основан на взаимном уважении и взаимопонимании; Он опирается на взаимовыгодное сотрудничество и совместное развитие. Таким образом, Форум демонстрирует высокую эффективность. У Форума есть большое преимущество: он сочетает в себе теорию и практику²⁸⁰. Официальные лица ЛАГ высоко оценили форум и назвали его «самым эффективным и влиятельным форумом, существующим между Лигой, региональными организациями и влиятельными странами»²⁸¹.

Несмотря на это, сотрудничество все еще находится ниже уровня, которого можно было бы достичь. Например, можно преобразовать Форум китайско-арабского сотрудничества в организацию, аналогичную Шанхайской организации (ШОС) и поднять уровень представительства с министерского до президентского.

В целом китайско-арабские отношения развиваются в здоровом и позитивном ключе, при этом торговля и инвестиции продолжают расти. Однако международные и региональные события по-прежнему играют важную роль в развитии китайско-арабских отношений и создают множество проблем для двусторонних отношений, некоторые из которых связаны с арабскими странами, а некоторые — с политикой самого Китая.

В настоящее время арабские страны не имеют всеобъемлющего плана. В частности, между ними до сих пор нет четкой общей точки зрения. Арабские страны сильно

---

²⁷⁹ Jointly Building “Belt and Road” and promoting the new starting point of collective cooperation between China and Arab countries: Achievements and prospects of CASC. Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASC. 2018.

²⁸⁰ Kuangyi YAO. China-Arab States Cooperation Forum in the Last Decade // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. 8:4, 26-42, DOI:10.1080/19370679.2014.12023253
link to this article: <https://doi.org/10.1080/19370679.2014.12023253>

²⁸¹ Important opportunities to enhance the level of cooperation and friendship between China and the Arab countries // People’s Daily. 2010. May 12.

отличаются друг от друга, что затрудняет выработку Пекином исчерпывающей единой политики²⁸². Это связано с несколькими причинами:

Перед арабскими странами стоят неотложные задачи по поддержанию внутренней солидарности: После начала беспорядков на Ближнем Востоке в конце 2010 г. арабские страны, имеющие разные национальные интересы, уровни развития и модели развития, занимают разные позиции в отношении своих внешнеполитических стратегий. Они расходились даже по таким наболевшим и острым вопросам, как кризис в Газе, гражданская война в Сирии, политика Израиля, иранская ядерная программа, «братья-мусульмане» и борьба с «Исламским государством», и некоторые другие важные вопросы, влияющие на эффективность двустороннего сотрудничества с Китаем.

Региональная интеграция в арабском мире относительно низка. По сравнению с Северной Америкой, Европой, Южной Америкой, Юго-Восточной Азией и даже Африкой арабский мир имеет более низкую степень региональной интеграции, несмотря на более раннее появление региональных организаций: ЛАГ, Союз арабского Магриба, ССАГПЗ и ОПЕК – все они сталкиваются с проблемами при принятии решений и еще более при их исполнении. Арабский мир всегда находился на низком уровне региональной интеграции, что отражается и на его сотрудничестве с Китаем как с объединяющим фактором.

Роль Китая и арабских стран в публичной дипломатии относительно невелика: Что касается дипломатии Пекина, то в течение длительного времени он рассматривал США, Россию, Европу, Восточную Азию, Юго-Восточную Азию и страны Центральной Азии в качестве дипломатических приоритетов; Многие арабские страны также рассматривают свои отношения с теми же США, с ЕС, с соседними странами и исламским миром как приоритетные, особенно по вопросам безопасности. Политика альянса — это инструмент, давно используемый Штатами для обретения и сохранения лидерства на Ближнем Востоке; Китайско-арабское стратегическое партнерство направлено только на создание условий, благоприятствующих экономическому и политическому сотрудничеству исключительно для двух сторон.

---

²⁸² Degang Sun. The Dragon Heads West: China-Arab Cooperation in the New Era. Georgetown Security Studies Review Conference Proceedings: China in the Middle East. June 2015.

Отношения Китая и арабских стран по-прежнему остаются вопросом улучшения двусторонней торговли. Между ними существует общая тенденция не политизировать двустороннее экономическое сотрудничество²⁸³. Несмотря на это, здесь все еще наблюдается большой разрыв в коммерческом сотрудничестве. Налицо дисбаланс в торговом балансе в пользу Китая, и это за исключением некоторых нефтяных стран.

Таким образом, объективно говоря, между Китаем и арабскими странами существуют определенные идеологические и политические разногласия. Среди арабских стран существуют большие различия в части политических систем, взаимоотношений между религией и обществом, степени близости с западными странами. И это требует от Китая по-разному относиться к ним при выстраивании стратегического партнерства, нахождения в этом контексте наибольшего содержания общих интересов. В результате у Китая нет четкой стратегии на Ближнем Востоке. Суть стратегического сотрудничества Китая с арабскими странами заключается в сохранении стратегической гибкости и, таким образом, корректировке с учетом возможностей, а решения принимаются в каждом конкретном случае в соответствии с привнесеными компромиссами от лиц, принимающих решения. Соответственно, Китай рискует показаться в регионе в целом оппортунистической державой, преследующей собственные интересы²⁸⁴.

С точки зрения Пекина, крупные арабские страны, такие как Саудовская Аравия, Египет, Судан, Алжир и совсем недавно ОАЭ, постоянно обогащают свое двустороннее сотрудничество с Китаем новым содержанием. Эти страны, которые считаются ключевыми, имеют геэкономическое и геополитическое значение в Персидском заливе, Восточном Средиземноморье, Красном море и Северной Африке соответственно. В то же время Китай придает меньшее значение маленьким и нестабильным странам. Кроме того, факт наличие растущих китайско-израильских и китайско-иранских отношений не может не сказываться на арабо-китайском сотрудничестве.

---

²⁸³ حمشي محمد (2017) الاقتصاد السياسي للعلاقات العربية الصينية: التحديات والفرص الاستراتيجية. بيروت. مركز دراسات الوحدة العربية. (Хамши Мухаммад. Политическая экономия арабо-китайских отношений: вызовы и стратегические возможности. Бейрут. Центр исследований арабского единства, 2017.)

²⁸⁴ Shama N. Beyond Economics: Sino-Egyptian Relations under El-Sisi. //China and North Africa. Between Economics, Politics, and Security / Ed. by Adel Abdel Ghafar. London, New York, Dublin: I.B. TAURIS, 23 Sep 2021.P.51.

В исследовании, проведенном профессором Валидом Абдель Хай (профессор политологии в ряде арабских университетов и исследовательских центров) под названием «Будущее арабо-китайских отношений в 2030 году²⁸⁵», содержится анализа матрицы взаимного влияния арабо-китайских отношений путем измерения коэффициента корреляции между 13 показателями. По результатам исследования был сделан вывод, что наиболее влиятельными показателями в плане определения будущего арабо-китайских отношений являются следующие: 1) уровень американо-китайской конкуренции в регионе; 2) стремление китайцев к углублению отношений с Израилем, чтобы получить доступ к передовым западным технологиям. Равно как и использовать геостратегическое положение Израиля в интересах инициативы «Один пояс, один путь»; 3) степень ирано-израильской вражды и попытки Китая сдержать негативное влияние этого. Что касается наиболее выгодных показателей, достигаемых в рамках арабо-китайского сотрудничества отношений, то это: 1) возможность ускорения развития израильско-китайских отношений в течение следующего десятилетия; 2) определенная вероятность относительной милитаризации китайского присутствия на «узловых станциях» инициативы «Один пояс, один путь», особенно в случае дальнейшего обострения американо-китайского соперничества; 4) сохраняющаяся потребность Китая в арабских энергоносителях как минимум на ближайшее десятилетие.

Если Китай будет и далее придерживаться заявленных им принципов достижения взаимовыгодных экономических и торговых интересов, он должен помочь арабам в создании экономического фундамента, а также по линии взаимной производственной интеграции. Китай также должен быть более решительным в части оказания экономической помощи и инвестиций в нестабильных странах региона. Сторонам необходимо усилить свою публичную дипломатию посредством СМИ, больше работать над культурным сближением народов двух сторон и устранить неприемлемые и порой даже оскорбительные установки и образы, навязываемые прозападными СМИ.

---

²⁸⁵ وليد عبد الحي (2022), مستقبل العلاقات الصينية العربية 2030 . مركز الزيتونة للدراسات والاستشارات , بيروت, 2022 .
(Валид Абдель Хай. Будущее китайско-арабских отношений в 2030 г. Центр исследований и консультаций Аль-Зайтуна, Бейрут, 2022 г.).
https://www.alzaytouna.net/arabic/data/attachments/AcademicArticles/PA_Walid-AbdalHay_Arab-China-Relations2030_3-22.pdf

Глава II. Торгово-экономическое сотрудничество КНР с арабскими странами Ближнего Востока

2.1 Сотрудничество КНР и нефтедобывающих арабских стран в энергетической сфере

С 1993 г. Китай стал нетто-импортером сырой нефти, а в 2015 г. обогнал США как крупнейшего мирового покупателя этого природного ресурса. Согласно статистическим данным, опубликованным Управлением энергетической информации США (Energy Information Administration – EIA), 67,3% потребляемой нефти в Китае в 2019 г. приходилось на импорт²⁸⁶. По имеющимся экспертным оценкам, увеличение годового потребления нефти в мире в указанном году на две трети прироста сформировано именно за счет повышения расхода нефти в Китае: тогда ежедневно расходовалось приблизительно 14,5 млн баррелей нефти и нефтепродуктов, что на 500 000 баррелей в день (т.е. почти на 4%) больше, чем в предыдущем 2018 году (см.рис.2)²⁸⁷. Прогнозируется, что потребление вырастет с 13,1 млн баррелей в сутки (б/с) в 2014 году до 20,8 млн баррелей в сутки к 2040 году, что сделает импорт важной составляющей продолжающегося экономического роста Китая²⁸⁸. Интенсивный рост китайской экономики подразумевает резкое или даже опережающее увеличение энергетических затрат – что, соответственно, обуславливает наращивание топливных и сырьевых поставок из-за рубежа. Оценки показывают, что население Китая будет продолжать неуклонно расти: в 2015 г. оно составляло 1,371 миллиарда человек, а прогнозируемая численность к 2030 году — 1,409 миллиарда²⁸⁹; И хотя рост валового внутреннего продукта («ВВП») в последние годы замедлился, но он все еще растет, и даже в свете «корона-кризиса» китайская экономика росла со скоростью 2,3%, в год. В текущем 2022 г. Китай по-прежнему нацелен на темпы роста 5,5% г.²⁹⁰. Кроме того, ожидается, что к 2035г. потребление

²⁸⁶ How is China's Energy Footprint Changing? // China Power. January 30, 2021.

<https://chinapower.csis.org/energy-footprint/>

²⁸⁷ China // U.S. Energy Information Administration. September 30, 2020. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN> (accessed: 27.11.2021).

²⁸⁸ US Energy Information Administration, International Energy Outlook 2016 //China International Energy Data and Analysis. [https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484(2016).pdf)

²⁸⁹ World Bank Data Bank. <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Health%20Nutrition%20and%20Population%20Statistics:%20Population%20estimates%20and%20projections>.

²⁹⁰ Темпы роста ВВП Китая в 2020 г. составили 2,30%, что на 3,65% меньше, чем в 2019 г.

Темпы роста ВВП Китая в 2019 г. составили 5,95%, что на 0,8% меньше, чем в 2018 г.

Темпы роста ВВП Китая в 2018 г. составили 6,75%, что на 0,2% меньше, чем в 2017 г.

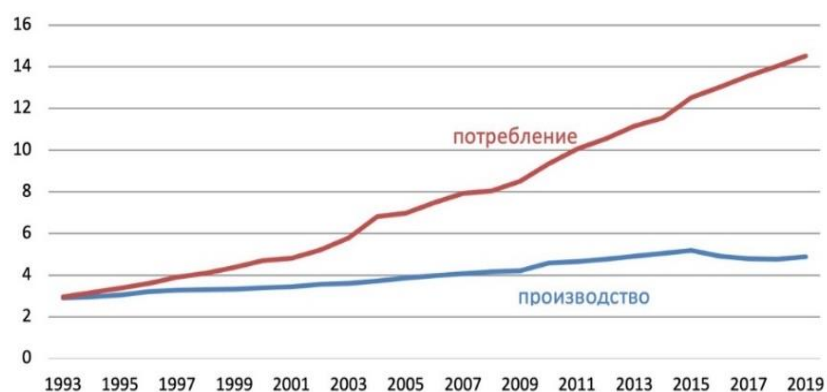
Темпы роста ВВП Китая в 2017 г. составили 6,95%, что на 0,1% больше, чем в 2016 г.

World Bank Data. GDP growth (annual %) – China. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>

энергии на транспорте вырастет на 93 %, а нефть по-прежнему будет составлять 86 % энергоносителей, используемых в транспортном секторе²⁹¹. В отсутствие значительных сдвигов в транспортном и автомобильном сегментах растущее население и соответствующее увеличение числа автовладельцев в Китае потребуют значительного импорта нефти. Таким образом, в целях укрепления национальной энергетической безопасности Китай заинтересован в поиске дополнительных источников, которых будет достаточно для бесперебойного снабжения и подпитывания стабильного экономического развития²⁹².

Рис. 2. Производство и потребление нефти и нефтепродуктов в Китае, 1993- 2019 гг. (млн баррелей в день)

Источник: U.S. Energy Information Administration, Country Analysis Executive Summary: China – Full report : September 30, 2020 .From : U.S. Energy Information Administration, Short-Term Energy, Outlook, August 2020 Outlook, August 2020 .Site: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN> Report : https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/china.pdf

Китайское нефтяное сотрудничество на Ближнем Востоке сосредоточено на арабских государствах Персидского залива. В настоящее время доказанные запасы нефтяных месторождений в арабских странах Персидского залива, составляют порядка 38,9% от общемировых резервов этого ценнейшего сырья (см. табл.3)²⁹³. Четыре страны (Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт) из арабских стран Персидского залива входят в

²⁹¹ Country and Regional Insights //China. British Petroleum Energy Outlook, 2016. <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016-country-insights-china.pdf>.

²⁹² Захаров А.Н. Русак Н. Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // Мировое и национальное хозяйство. 2017. №4 (43), 2017.

²⁹³ Statistical Review of World Energy // BP. July, 2021.

<https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>

десятку крупнейших нефтедобывающих государств мира, и все они (исключая Бахрейн) входят в «тридцатку» крупнейших производителей. Катар является четвертым по величине в мире субъектом добычи природного газа, запасы которого составляют 12,4% от мировых²⁹⁴.

Табл.3 : Запасы нефти арабских стран Персидского залива

Страна	На конец 1999 г., млн баррелей	На конец 2009 г., млн баррелей	На конец 2019 г., млн баррелей	Доля в мировых запасах На конец 2019 г.
Саудовская Аравия	262800	264600	297600	17.2%
Ирак	112500	115000	145000	8.4%
Кувейт	96500	101500	101500	5.9%
ОАЭ	97800	97800	97800	5.6%
Катар	13100	25900	25200	1.5%
Оман	5700	5500	5400	0.3%
общее				38,9%
Источник: Oil – BP Statistical Review of World Energy 2020. https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf				

Энергоресурсы в течение длительного времени формировали «львиную долю» торговли между КНР и странами ССАГПЗ и Ираком. По состоянию на 2017 г. около 40 % китайского импорта сырой нефти поступало из региона MENA²⁹⁵. В 2019 г. данный показатель составлял уже 41.3%, причем крупнейшим поставщиком «черного золота» Саудовская Аравия, а в 2020г. составлял 44.7% (см. Таблицу 4)²⁹⁶. Прогнозы, опубликованные в 2012 г. Международным энергетическим агентством (International Energy Agency – IEA), указывают, что экспорт нефти с Ближнего Востока в Китай к 2035 г. может удвоиться.²⁹⁷

²⁹⁴. Там же

²⁹⁵ China: Country Brief // International Trade Centre. URL: <http://www.intracen.org/country/china/9>

²⁹⁶ Workman D. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // World's Top Exports.
<https://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/>

²⁹⁷ World Energy Outlook 2012- The International Energy Agency (IEA) // Full report. November 2012.

Также стоит указать на значительные поставки сжиженного природного газа (СПГ) из Катара в Китай. Ожидается, что китайский спрос на это сырье только за период с 2017 по 2023 гг. возрастет на 60 %, и в качестве головного месторождения будет и далее фигурировать указанный эмират, который на данный момент обеспечивает почти 28 % общего объема импорта СПГ в Китай²⁹⁸.

Таблица 4. Экспорт нефти странами Персидского залива в Китай в 2019 г.

Страна	Рейтинг среди мировых поставщиков	Рейтинг среди арабских поставщиков	Доля в общем объеме импорта нефти Китаем (%)		Стоимость импорта (млрд долл.)	
			2019	2020	2019	2020
Саудовская Аравия	1	1	16.9	15.9	40.1	28.1
Ирак	3	2	9.9	10.9	23.7	19.2
Оман	6	3	6.9	7.3	16.4	12.8
Кувейт	7 (2019). 8 (2020)	4 (2019). 5 (2020)	4.5	5.1	10.8	9
ОАЭ	8 (2019) .7 (2020)	5 (2019). 4 (2020)	3.1	5.5	7.3	9.7
Всего:			41.3	44.7	98.3	78.8
Иран	9		3		7,1	
Источник	Top 15 Crude Oil Suppliers to China-2019-2020. https://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/					

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Саудовской Аравией

Энергетические отношения между Саудовской Аравией и Китаем являются одними из самых важных энергетических отношений в мире и имеют крупные последствия для мировой экономики, геополитики и изменения климата. Саудовская Аравия, как один из ведущих мировых экспортеров нефти, и Китай, как второй по величине потребитель нефти и крупнейший потребитель энергии в мире, являются естественными партнерами для

<https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2012>

²⁹⁸ China to Become Top Gas Importer in 2019 Boosted by LNG – IEA // Reuters. June 26, 2018. <https://www.reuters.com/article/gas-iea/china-to-become-top-gas-importer-in-2019-boosted-by-lngieaidUSL1N1TR114> (accessed: 27.11.2021).

установления взаимовыгодных энергетических отношений. Сотрудничество в нефтяной сфере между двумя сторонами началось после первого крупного визита президента Цзян Цзэминя в Саудовскую Аравию в 1999 г., в результате которого было подписано соглашение о стратегическом нефтяном сотрудничестве. Это придало динамизм энергетической отрасли, позволив китайским компаниям вложиться во внутренний рынок нефти в Саудовской Аравии, а саудовским компаниям участвовать в индустрии переработки в Китае. Три беспрецедентных государственных или официальных визита в период с 2006 по 2009 гг привели к заключению аналогичных трансформационных соглашений.

Двусторонние отношения перешли от отношений маргинального значения для обеих стран к всестороннему стратегическому партнерству. Во многом это произошло за счет торговли, которая выросла с 417 млн долл. в 1990г. до почти 73 млрд в 2019²⁹⁹. Конечно, энергетика составляет основу торговых отношений. Импорт сырой нефти Китаем из Саудовской Аравии в последние годы неуклонно увеличивался (он оценивался в 1,5 млрд долл. в 2000 г., тогда как к 2010 вырос до более чем 25 млрд долларов, а к концу 2019 года достигл более 40 млрд долларов.³⁰⁰.

Растущее сотрудничество между национальной нефтяной компанией Саудовской Аравии Saudi Aramco и китайскими государственными нефтегазовыми компаниями свидетельствует о согласованных усилиях обеих сторон по расширению связей. В начале 2016г. президент Си, саудовский король Салман бин Абдель Азиз Аль Сауд в присутствии представителей Saudi Aramco и китайской госкомпании Sinopec открыли гигантский нефтеперерабатывающий завод стоимостью 10 миллиардов долларов в саудовском портовом городе Янбу, символически расположенном вдоль так называемого Морского шелкового пути, соединяющего Китай с Европой. НПЗ мощностью 400 000 баррелей в сутки является вторым совместным предприятием партнеров после запуска в 2009 году

---

²⁹⁹ Huwaidin Mohamed. *China's Relations with Arabia and the Gulf, 1949-1999*. London: Routledge, 2003. P. 234; International Monetary Fund. *Direction of Trade Statistics*. <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85&sId=1514498277103>.

³⁰⁰ U.S. Energy Information Administration. JULY 24, 2019. Saudi Arabia has been exporting more crude oil to China, less to the United States. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=40172>

нефтеперерабатывающего завода мощностью 240 000 баррелей в сутки в Китае, который Saudi Aramco снабжает сырой нефтью.

Важность ассоциации между двумя странами можно увидеть в их недавнем росте экономической активности, когда КСА и КНР объявили в 2017 году о соглашениях на общую сумму 65 миллиардов долларов в экономических и торговых сделках, охватывающих ряд секторов³⁰¹. В конце 2018г. Saudi Aramco подписала ряд соглашений, благодаря которым она может стать крупнейшим поставщиком нефти в Китай. За этим последовало в 2019 году подписание 35 соглашений о совместном экономическом сотрудничестве с Китаем на сумму более 28 миллиардов долларов в различных областях, включая энергетику³⁰². Было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании для инвестиций в переработку, в том числе соглашение между Saudi Aramco и Norinco о строительстве нефтеперерабатывающего завода стоимостью 10 миллиардов долларов в Ляонине. Saudi Aramco также завершила сделку, которая предоставила ей 9-процентную долю в нефтеперерабатывающем заводе в Чжоушань, а также использование хранилищ сырой нефти для других азиатских рынков Aramco³⁰³. Это часть давнего партнерства между саудовским нефтяным гигантом и китайскими государственными предприятиями (ГП), в рамках которого в 2012 году в Пекине был открыт филиал Aramco Asia для управления растущим портфелем торговли и инвестиций компании. Президент и главный исполнительный директор Aramco Амин Х. Насер охарактеризовал стратегию компании в Китае как переход «от отношений покупателя и продавца к отношениям, в которых мы можем делать значительные инвестиции, чтобы способствовать экономическому росту и развитию Китая»³⁰⁴.

---

³⁰¹ China & Saudi Arabia sign agreements worth \$65bn. RT. 16 March 2017.

<https://www.rt.com/business/380959-china-saudi-ink-deals/>

³⁰² Saudi signs 35 agreements with China worth \$28bn. February 22, 2019.

<https://gulfbusiness.com/saudi-aramco-sign-china-refinery-deals-crown-prince-visit-sources/>

³⁰³ El Gamal Rania. Aizhu Chen. and Zhang Min. Saudi Aramco Shifts Strategy in China to Boost Oil Sales // Reuters, March 14, 2019, <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-china-oil-idUSKCN1QV1JC>; Paraskova T. Saudi Aramco Boosts Oil Investment in China's Downstream. September 5, 2019. <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Saudi-Aramco-Boosts-Oil-Investment-In-ChinasDownstream.html#>.

³⁰⁴ Saudi Aramco Agrees Tie-Up for \$10 Bln Project in China //Reuters, February 22, 2019. <https://www.reuters.com/article/asia-saudi-china-aramco-idUSL5N20H24B>.

Эти цифры показывают, что Китай является самым прибыльным рынком экспорта нефти для Саудовской Аравии, особенно с учетом того, что Соединенные Штаты резко сократили импорт нефти из королевства. Эр-Рияд признает потребность в переключении внимания на Китай, чтобы сохранить свои позиции на нефтяном рынке³⁰⁵. В то время как Саудовская Аравия неизменно занимает первое или второе место в списке поставщиков нефти для Китая (наряду с Россией), Китай серьезно относится к первому правилу энергетической безопасности: диверсификация источников. Китай получает энергию от широкого круга торговых партнеров и кажется менее уязвимым партнером в этих отношениях.

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Ираком

Нефтяное сотрудничество между Ираком и Китаем распространяется на различные аспекты: Ирак является одним из крупнейших поставщиков сырой нефти в Китай и в последние годы входит в пятерку крупнейших экспортеров сырой нефти на китайские нефтеперерабатывающие заводы. В дополнение к вышеизложенному, китайские нефтяные компании заметно представлены в нефтяном секторе Ирака, а China Petroleum Corporation и PetroChina в настоящее время эксплуатируют здесь ряд крупных месторождений.

Импорт нефти Китаем из Ирака увеличился с 28 тысяч баррелей в сутки в 2007 г. до 573 тысяч баррелей в 2014г. и достиг 1,147 миллиона баррелей в сутки в декабре 2021 г.³⁰⁶. Ирак является третьим по значимости поставщиком нефти в Китай и вторым среди арабских стран.

Китай стремился развивать отношения с Ираком после 2003г. и предпринял серьезные шаги в этом направлении, начиная с открытия своего посольства в Багдаде в июле 2004 г., поддерживая новую политическую систему после свержения С.Хусейна, оказывая ей материально-техническую помощь и приглашая иракских официальных лиц посетить Китай. Президент Джалал Талабани посетил Китай в 2003. и в 2007гг. президента. Результатом второго визита стало подписание соглашений, важнейшее из

---

³⁰⁵ China's 13th Five-Year Plan: Implications for Oil Markets. The Oxford Institute for Energy Studies, June 2016. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/06/Chinas-13th-Five-Year-Plan-Implications-for-Oil-Markets.pdf>

³⁰⁶ General Administration of Customs of China. <http://english.customs.gov.cn/>

которых посвящено содействию реализации нефтяных контрактов, заключенных китайскими компаниями и правительством Ирака при прежнем режиме. Взамен Китай списал свой государственный долг в размере 5,8 млрд долларов, причитающийся Ираку на 100%, и оптимизировал долги частных китайских компаний на 80% в течение 17 лет, начиная с 2010 года. Соответственно, CNPC, CNOOC и Sinopec пытались найти свой собственный путь на иракском нефтяном рынке.

CNPC была китайским «первопроходцем» на иракском нефтяном рынке и первой зарубежной нефтяной компанией, подписавшей контракт с Ираком после первой войны в Персидском заливе. В 2008г. нефтяной контракт, подписанный с Китайской национальной нефтяной корпорацией CNPC в 1997 году, был перезаключен; компания получила права на разведку и разработку месторождения Аль-Хадаб. В 2009г. Ирак подписал с этой же компанией контракт в сфере услуг сроком на 20 лет с целью разработки нефтяного месторождения Румейла, где CNPC принадлежит 37%, Британской компании BP –38% и Иракской южной нефтяной компании – 25%. В декабре 2009г CNPC выиграла второй раунд лицензирования на разработку нефтяного месторождения Халфавия сроком на 20 лет (в партнерстве с TOTAL и Petronas, которые сформировали консорциум). Доля китайской компании составила 37,5 %, у TOTAL – 18,75 %, Petronas принадлежит 18,75 % и 25 % – Иракской Южной нефтяной компании). В мае 2010г. Китайская национальная оффшорная нефтяная компания CNOOC в партнерстве с турецкой нефтяной компанией ТРАО выиграла контракт на оказание технических услуг по разработке нефтяных месторождений Майсан. Доля китайской компании достигла 63,75%, и она является основным оператором (у турецкой компании ТРАО 11,25%, у иракской буровой компании 25%). В то же время контракт Sinopec с региональным правительством Курдистана в Ираке на разработку месторождения Тактак без одобрения центрального правительства в Багдаде создал препятствие на пути Sinopec к другим нефтяным месторождениям в других частях Ирака, особенно в богатой нефтью южной части страны³⁰⁷.

---

³⁰⁷ Haider Hamood Radhi Al-Shafiy. CNPC, CNOOC and SINOPEC in Iraq: Successful Start and Ambitious Cooperation Plan // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2015. 9:1, 78-98, DOI: 10.1080/19370679.2015.12023256

Еще одно свидетельство расширения присутствия Китая в энергетическом секторе Ирака. В сентябре 2019 года Китай подписал с Ираком соглашение «нефть для восстановления»³⁰⁸, которое включает сотрудничество в области энергетики и инфраструктуры. В рамках этого иракская компания Basra Oil подписала контракт с китайской компанией (China's Hilong Oil Service & Engineering Co.) на разработку и завершение 80 нефтяных скважин на гигантском нефтяном месторождении Маджун в провинции Басра на юге Ирака по цене в размере 54 млн долларов США³⁰⁹. Обе компании являются государственными, причем первая является дочерней компанией China National Machinery Industry Corporation (Синомах).

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Оманом

Между Оманом и КНР успешно развивались нефтеторговые отношения. В 1979 г. ими было подписано торговое соглашение сроком на 10 лет, которое затем неоднократно продлевалось. В 1983г. именно Оман стал первой страной Персидского залива, начавшей поставлять нефть в Китай³¹⁰. Долгое время развитие сотрудничества между этими государствами было связано, прежде всего, с заинтересованностью Китая в импорте нефти. В 1996 г. из Омана в Китай было поставлено нефти и нефтепродуктов (главным образом горюче-смазочных материалов) на сумму в \$140 млн. Оман постепенно превратился в одного из основных энергетических партнеров Китая среди арабских стран. В 1995г. было подписано соглашение об увеличении поставок нефти в Китай в пять раз - с 20 000 баррелей нефти в день до 100 000³¹¹. В период с 2000 по 2017гг. доля Китая в экспорте сырой нефти Омана увеличилась с 35,2% до 82,5%. В 2020 г. в Китай было направлено 86,4% нефтяного экспорта Омана³¹² (См. Таблицу №5), что составляет 7%

³⁰⁸ Соглашение основано на депонировании 100 000 баррелей экспорта Ирака в Китай на безопасный банковский счет и использовании его денег для расходов на проекты реконструкции и строительства, связанные с жизнью людей. Al-Moneter (2019) Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement. October 8, 2019. <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html>

³⁰⁹ Iraq signs contract with Chinese oil company to complete 80 wells in Iraq. //Xinhua. | 2019-09-07. http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/07/c_138371964.htm (Accessed: oct 30, 2021)

³¹⁰ Exploring the China and Oman. // The Diplomat. 02.04.2020. <https://thediplomat.com/2014/05/exploring-the-china-and-oman-relationship/> (accessed 12.05.2020)

³¹¹ Мелкумян Е. Султанат Оман - КНР: стратегическое партнерство. //Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С.46-50. DOI: 10.31857/S032150750012798-9

³¹² National Center for Statistics and Information of Oma //Statistical Yearbook 2021. Issue 49 August 2021.P. 151. https://www.arabdevelopmentportal.com/sites/default/files/publication/statistical_year_book_2021-omn.pdf

китайского импорта нефти и делает Оман третьим по величине арабским поставщиком и шестым по величине мировым поставщиком нефти в Китай. Номенклатура оманского экспорта включала в себя сырую нефть, метанол, параселен, полипропилен.

Таблица № 5. Экспорт нефти и конденсата из Омана в Китай			
Год	2018	2019	2020
Объем экспорта нефти миллион баррелей в день	240.4	240.3	248.1
Процент от общего объема экспорта Омана	83.1	78.4	86.4
National Center for Statistics and Information of Oman\Statistical Year Book 2021- Issue 49 August 2021.c. 151. https://www.arabdevelopmentportal.com/sites/default/files/publication/statistical_year_book_2021-omn.pdf			

Одним из главных проектов стало строительство порта Дукм. Китай вложил в этот проект \$10,7 млрд³¹³. Порт должен быть оснащен сухим ремонтным доком, а также плавучим доком, предназначенным для ремонта и технического осмотра нефтяных и газовых танкеров повышенной грузоподъемности, а также складскими помещениями, емкостями для хранения металлов, нефтехимикатов, минерального сырья, руд и товаров народного потребления. Была поставлена задача превратить его в одну из ведущих, хорошо оборудованных гаваней мира. Благодаря своему расположению и возможности хранения нефти порт Дукм может стать важнейшим центром экспорта нефти в Заливе. В 2016 г. Оман подписал с китайским консорциумом соглашение о создании специальной промышленной зоны Дукм. Кроме порта, в ней будут построены следующие объекты: нефтеперерабатывающий завод, завод по производству метанола, гигантские установки по выработке солнечной энергии, автосборочный завод, а также жилые комплексы для 25

³¹³ Oman's Duqm, a new port city for the Middle East? //Middle East Eye. February 10, 2019. <https://www.middleeasteye.net/news/omans-duqm-new-port-city-middle-east> (accessed 18.05.2020)

тыс. жителей, со школами, медицинскими центрами, развлекательными учреждениями, офисами, а также туристической зоной, стоимостью в \$200 млн³¹⁴.

Китайская государственная электросетевая компания недавно согласилась купить историческую 49-процентную долю в Оманской электроэнергетической холдинговой компании, что на сегодняшний день является крупнейшей китайской инвестицией в истории страны Персидского залива³¹⁵.

Некоторые эксперты утверждают, что, несмотря на то что Оман экспортирует большую часть сырой нефти в Китай, в свою очередь Китай очень мало инвестирует в нефтяные отрасли султаната. Несбалансированный характер этих экономических отношений ослабляет позиции Омана перед лицом растущих экономических проблем³¹⁶.

Несмотря на десятилетия инициатив по диверсификации экономики, на нефтегазовый сектор Омана приходится около 72% государственных доходов. Китай потребляет большую часть сырой нефти, экспортируемой Оманом. В то время как Китай стремится диверсифицировать свои источники энергии, Оман в предстоящие годы, вероятно, будет поощрять большее количество стран размещать заказы на сырую нефть, поскольку он стремится диверсифицировать своих покупателей и тем самым защитить себя от любых колебаний китайского спроса.

Энергетическое сотрудничество между Китаем и ОАЭ

Нефтяная промышленность выводит отношения сотрудничества между ОАЭ и Китаем на новый этап совместного развития, ОАЭ экспортируют более 15% своей сырой нефти в Китай, при этом более половины потребности Китая в сырой нефти ежегодно проходит через них. Китай импортирует от 3 до 5% своих поставок нефти из ОАЭ, а ОАЭ входят в десятку крупнейших мировых экспортеров нефти в Китай и занимают 4-е или 5-е место среди арабских стран, экспортирующих нефть в Китай. А в декабре 2008 года

---

³¹⁴ Why China is building a new city out in the desert of Oman. <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/09/08/why-china-is-building-a-new-city-out-in-the-desert-of-oman/#72d9be06b2f2> (accessed 18.05.2020)

³¹⁵ China's State Grid to buy 49% stake in Oman Electricity. The Financial Times. <https://www.ft.com/content/caeae74-1fd7-11ea-b8a1-584213ee7b2b>

³¹⁶ Mogielnicki Robert. Oman's Bittersweet Economic Relations with China. The Arab Gulf States Institute in Washington. Jul 21, 2020. <https://agsiw.org/omans-bittersweet-economic-relations-with-china/>

China National Petroleum Corporation выиграла тендер на строительство нефтепровода стоимостью 3,29 миллиарда долларов в ОАЭ.

В 2010 г. Китай импортировал 64 500 тонн сжиженного природного газа из ОАЭ на сумму более 23 миллионов долларов США³¹⁷. Китайская нефтегазовая инженерно-строительная корпорация, подразделение CNPC, помогает в строительстве трубопровода для сырой нефти в Абу-Даби протяженностью 230 миль, который будет иметь возможность транспортировать 1,5 миллиона баррелей сырой нефти в день из пункта сбора Абу-Даби в Хабшан на экспортные терминалы в Фуджейре.

В 2017 и 2018 годах Китай и ОАЭ еще больше укрепили свои энергетические связи, поскольку государственные нефтяные компании обеих сторон подписали множество соглашений. В то же время Китайская национальная нефтяная корпорация также стремилась приобрести доли в нефтяных месторождениях Абу-Даби на сумму 3 миллиарда долларов и получила от Национальной нефтяной компании Абу-Даби крупнейший контракт на проведение сейсморазведочных работ на суше и в море на сумму 1,6 миллиарда долларов. В июле 2019г. Национальная нефтяная компания Абу-Даби (ADNOC) и Китайская национальная морская нефтяная корпорация (CNOOC) подписали соглашение об изучении возможностей и обмене знаниями и опытом в секторах добычи и переработки, а также в области сжиженного природного газа (LNG)³¹⁸. Сделка была подписана в присутствии наследного принца Абу-Даби шейха Мухаммеда бен Заида Аль Нахайяна и председателя КНР Си Цзиньпина.

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Кувейтом

Энергетическое сотрудничество является основой отношений между Китаем и Кувейтом, и эти отношения были закреплены несколькими соглашениями. Во время визита шейха аль-Сабаха в качестве премьер-министра Кувейта в Пекин в июле 2004 г. обе стороны, в частности, подписали Рамочное соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа³¹⁹. За ней последовала Kuwait Petroleum Corporation (KPC), открывшая офис

---

³¹⁷ UN COMTRADE. 2012. United Nations COMTRADE database, DESA/UNSD.
<http://comtrade.un.org/db/> (accessed on 20 March 2012)

³¹⁸ UAE and China sign strategic oil and gas agreement. By Varun Godinho. July 22, 2019. Gulf Business.
<https://gulfbusiness.com/uae-china-sign-strategic-oil-agreement/>

³¹⁹ Kuwait Times. May 6, 2009. P. 2.

в Пекине в 2005 году³²⁰. К концу того же года Kuwait Petroleum International (KPI), дочерняя компания КРС, подписала Меморандум о взаимопонимании с Sinopec Corp. по совместному строительству нефтяного нефтеперерабатывающего завода и нефтехимического комплекса в городе Чжаньцзян на юге Китая по контракту на 9 миллиардов долларов³²¹. Запланированный объект будет включать нефтеперерабатывающий завод, способный перерабатывать 15 миллионов тонн кувейтской сырой нефти в год (300 000 баррелей в день)³²², и установку крекинга этилена с годовой производственной мощностью один миллион тонн³²³. В 2009 году Sinopec также получила контракт на 400 миллионов долларов США на строительство четырех нефтегазовых платформ в Кувейте, которые помогут увеличить добычу нефти в штате более чем на четыре миллиона баррелей в сутки к 2020 году³²⁴.

В августе 2014г. Кувейт заключил новый 10-летний контракт с китайской Sinopec Corp., чтобы почти удвоить свои поставки, предложив отгружать сырую нефть и продавать ее на более конкурентоспособной основе стоимости и фрахта. В рамках сделки Кувейт увеличил объем экспорта сырой нефти в Китай на 500 000 баррелей в сутки в течение следующих 3 лет³²⁵. В последние годы Китай стал одним из крупнейших подрядчиков по бурению нефтяных скважин в Кувейте. Китайские предприятия выиграли контракты на 64 проекта в Кувейте, охватывающих такие сектора, как обслуживание и разведка нефтяных месторождений, инфраструктура и телекоммуникации, на общую сумму 13,7 млрд долларов США. Новые контракты достигли 3,01 миллиарда долларов США в секторе бурения нефтяных скважин, став знаковыми проектами в китайско-кувейтском сотрудничестве. На сегодняшний день Кувейт закупил буровое оборудование китайского производства на сумму более 635 миллионов долларов США. Sinopec International Petroleum Service Corp (SIPSC) владеет 53 буровыми установками, занимая

---

³²⁰ Kuwait Times. May 10, 2009. P. 13.

³²¹ Kuwait Times. May 10, 2009. P. 13.

³²² Arab Times. May 12, 2009. P. 1.

³²³ Al-Watan Daily (English) (Kuwait). P. 14.

³²⁴ Davidson Christopher. The Persian Gulf and Pacific Asia: From Indifference to Interdependence. New York, NY: Columbia University Press, 2010. 78 p.

³²⁵ Kuwait to boost oil exports to China to 500,000 bpd in three years. //Gulf News. 2014, August 23.

<https://gulfnews.com/business/energy/kuwait-to-boost-oil-exports-to-china-to-500000-bpd-in-three-years--1.1375610>

более 45% кувейтского рынка³²⁶. В июле 2018г. китайская нефтесервисная компания Kerui Petroleum выиграла тендеры на поставку двух сверхглубокого бурения от кувейтской компании по недвижимости (AREC) на сумму 100 млн долларов США. Этот контракт последовал за другим контрактом на бурение сверхглубоких скважин на сумму 50 млн долларов США, заключенным с Kuwait National Drilling Company в начале 2020 года³²⁷. В октябре 2018 г. Кувейт подписал меморандум о взаимопонимании с китайской NOC Sinopec о строительстве нового нефтеперерабатывающего завода на юге Китая в партнерстве с китайской NOC Sinopec³²⁸. В июле 2018 года Kuwait Petroleum Corporation (KPC) подписала соглашение о сотрудничестве с китайской ShanDong Refining and Chemical Group, одной из ведущих баз нефтяной промышленности страны, для сбыта кувейтской сырой нефти. Сделка направлена на расширение совместных инвестиционных платформ в нефтяной и логистической отраслях³²⁹. В ноябре 2018г. компании PetroChina, Sinopec и китайская группа Sinochem отдельно подписали соглашения о поставках сырой нефти с Кувейтом на 2019 год, объемы которых с тех пор не изменились³³⁰.

В 2020 году Китай импортировал более 27,5 млн тонн сырой нефти из Кувейта³³¹; таким образом, Кувейт стал одним из крупнейших экспортеров сырой нефти в Китай. Кувейт является четвертым по величине арабским поставщиком сырой нефти в Китай, и восьмым по величине из общего списка поставщиков³³². Отношения Китая с Кувейтом

³²⁶ China becomes one of the biggest oil drilling contractors in Kuwait: report. //Global Times. 2017, July 16. <http://www.globaltimes.cn/content/1056580.shtml>

³²⁷ Kerui wins drilling rigs contract from Kuwait AREC. //Pipeline Oil and Gas News. 2018, July 19. https://www.pipelineoilandgasnews.com/regionalinternational-news/regional-news/2018/july/kerui-wins-drillingrigs-contract-from-kuwait-arec/?utm_source=web&utm_medium=&utm_term=&utm_content=&utm_campaign

³²⁸ Kuwait signs agreement with Sinopec to build Chinese refinery. //Reuters. 2018, October 25. <https://www.reuters.com/article/kuwait-sinopec-corp/kuwait-signsagreement-with-sinopec-to-build-chinese-refinery-idUSC6N1JG02J>

³²⁹ Kuwait signs with China crude oil joint marketing deal. // Albawaba. 2018, July 11. <https://www.albawaba.com/business/kuwait-signs-china-crude-oil-joint-marketingdeal-1157674>

³³⁰ PetroChina agrees 2019 annual crude supply deals with Saudi Aramco. Kuwait. // Reuters. 2018a, November 7. <https://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFB9N1X603U>; China's Sinopec signs 2019 annual crude oil supply deal with Kuwait. //Reuters. 2018b, November 8. <https://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFB9N1XG001>

³³¹ مقابلة خاصة: سفير الصين لدى الكويت: الصين ستعزز تعميق الشراكة الاستراتيجية مع الكويت. شينخوا. 2021-03-21. http://arabic.news.cn/2021-03/21/c_139825341.htm (Эксклюзивное интервью: посол Китая в Кувейте: Китай будет и дальше углублять стратегическое партнерство с Кувейтом. 2021-03-21. http://arabic.news.cn/2021-03/21/c_139825341.htm)

³³² China-Kuwait Ties: President Xi and Emir Al-Sabah agree to establish strategic partnership. //CGTN. 2018, July 12. https://news.cgtn.com/news/3349544f33454464776c6d636a4e6e62684a4856/share_p.html

сегодня прочно завязаны на двусторонней торговле, включая нефть, и на стремлении к взаимовыгодным совместным предприятиям и инвестициям, что тесно связывает экономики двух стран.

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Катаром

Будучи страной с третьими по величине (после России и Ирана) запасами газа в мире, оцениваемыми в размере около 25 триллионов кубометров (это примерно 12.4 % от общих мировых запасов), и экспортером номер два сжиженного природного газа – СПГ (экспортирует около 127.9 млрд кубометров в год: 21,8 млрд через трубы, 106,1 млрд в сжиженном виде), Катар сделался крупным игроком на мировых рыночных площадках³³³. Катар в настоящее время является принимающей страной для Форума стран-экспортеров газа, который продвигает интересы производителей газа во всем мире. В 2010 г. на нефтегазовую промышленность Катара приходилось более половины ВВП страны.

Китай в настоящее время обогнал США как главный загрязнитель в мире. Эта реальность во многом связана с тем, что на уголь по-прежнему приходится 70 % внутренних энергетических потребностей Китая. Природный газ, напротив, является гораздо более чистым источником энергии. Таким образом, Китай изо всех сил пытается увеличить импорт природного газа вместо угля. Тот факт, что Катар в настоящее время контролирует 14 % мировых запасов природного газа, является главным катализатором обоюдной заинтересованности Катара и Китая в расширении двусторонних отношений в последние годы. Китай начал импортировать СПГ в 2006 г. и с тех пор, за исключением 2015 г., ежегодно импортирует все больше СПГ³³⁴.

В 2009 г., с открытием офиса CNOOC в Дохе, они объявили о своем совместном с PetroChina плане импорта 5 миллионов тонн катарского газа с 2010 по 2035 год. Это сделает Катар крупнейшим поставщиком природного газа в Китай в мире³³⁵. Китай

³³³ Oil – BP Statistical Review of World Energy 2020. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

³³⁴ U.S. Energy Information Administration, Country Analysis Executive Summary: China – Full report: September 30, 2020. // U.S. Energy Information Administration, Short-Term Energy Outlook, August 2020. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN>
Report : https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/china.pdf

³³⁵ Davidson, Christopher. The Persian Gulf and Pacific Asia: From Indifference to Interdependence. New York: Columbia University Press. 2010.P.30.

импортировал 400 000 тонн СПГ из Катара в 2009 году и 1,2 миллиона тонн в 2010 году³³⁶. В то время как стоимость экспорта газа Катара в Китай составляла 100 миллионов долларов США в 1999 году, к 2010 году он оценивался в 1 миллиард долларов США³³⁷. Катар сегодня один из шести крупнейших поставщиков в Китай³³⁸. Этот небольшой эмират обеспечивает 7-15% китайского импорта газа, (В 2012 г. - 16,4% . В 2017 г. - 11,19%. В 2019 г. - 7%³³⁹. В 2020 г. - 12%).

22 марта 2021 года Qatar Petroleum подписала 10-летнее соглашение о СПГ с Китайской нефтяной и химической компанией (Sinopec), чтобы ежегодно поставлять в Китай 2 миллиона тонн СПГ³⁴⁰. В том же году Qatar Petroleum подписала долгосрочный контракт с China National Offshore Oil Corporation, согласно которому будет поставлять китайской компании 3,5 млн тонн сжиженного природного газа сроком на 15 лет, начиная с 2022 года. С подписанием нового контракта экспорт сжиженного природного газа Катара в Китай вырастет до более чем 15,5 млн тонн в год, что составляет 20% экспорта Катара сжиженного природного газа, который в настоящее время составляет 78 млн тонн в год³⁴¹.

Последнее соглашение имеет важное значение для Китая, который стремится достичь «углеродной нейтральности» к 2060 году, в дополнение к его усилиям по диверсификации импорта сжиженного природного газа, что повышает роль Катара в этой

³³⁶ UN COMTRADE. United Nations COMTRADE database, DESA/UNSD, 2012. <http://comtrade.un.org/db/>

³³⁷ Davidson, Christopher. 2010. The Persian Gulf and Pacific Asia: From Indifference to Interdependence. New York: Columbia University Press. p.30.

³³⁸ U.S. Energy Information Administration //Oil & Gas Journal. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52258>

³³⁹ U.S. Energy Information Administration, Country Analysis Executive Summary: China – Full report: September 30, 2020. //U.S. Energy Information Administration, Short-Term Energy, Outlook, August 2020. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN>

Report: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/china.pdf

³⁴⁰ قطر توقع اتفاقية طويلة الأمد لتوريد الغاز الطبيعي للصين 22 مارس 2021. الخليج الجديد

(Катар подписывает долгосрочное соглашение о поставках природного газа в Китай. 22 марта 2021 г. //Аль-халиж аль-жадид)

<https://thenewkhalij.news/article/225750/%D9%82%D8%B7%D8%B1-%D8%AA%D9%88%D9%82%D8%B9>

-

³⁴¹ قطر تورد 3.5 مليون طن من الغاز المسال إلى الصين لمدة 15 عاما. أيار 2021. الخليج الجديد.

(Катар поставляет в Китай 3,5 млн тонн СПГ в течение 15 лет.. //Аль-халиж аль-жадид. Май 2021) [https://thenewkhalij.news/article/244412/%D9%82%D8%B7%D8%B1-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%AF35-%D9%85%D9%84%D8%A7%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%B7%D9%86-%D9%85%D9%86-%D8%](https://thenewkhalij.news/article/244412/%D9%82%D8%B7%D8%B1-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%AF35-%D9%85%D9%84%D8%A7%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%B7%D9%86-%D9%85%D9%86-%D8%AF35-%D9%85%D9%84%D8%A7%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%B7%D9%86-%D9%85%D9%86-%D8%)

стратегии. Для Катара соглашение представляет собой технический отход от Запада, отдавая приоритет сотрудничеству с Китаем и переводя его на новый качественный уровень. С момента своего выхода на рынок СПГ в начале 1990-х годов Катар в значительной степени полагался на западные компании, в частности ExxonMobil, Royal Dutch Shell и Total, которые стали основным поставщиком технологий, необходимых для катарской отрасли СПГ. Теперь Катар, похоже, готов уменьшить эту зависимость и укрепить отношения с Китаем³⁴². Соглашение также соответствует стремлению Дохи расширить свое экономическое и политическое партнерство вдали от Запада за счет укрепления экономических отношений с Китаем и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Этот процесс, начавший формироваться в 2014 г., набрал большую силу после 2017 г., так как эта тенденция усилилась после блокады Катара Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном и Египтом.

Принимая во внимание долгосрочные и тесные связи между странами ССАГПЗ и США, Пекин не может не испытывать опасений в связи с тем, что, как отмечают эксперты, Вашингтон может оказать давление на эту группу арабских государств и перекрыть поставки энергоносителей из субрегиона в Китай³⁴³. Это дает повод Пекину воспринимать Иран как возможного ключевого партнера в регионе³⁴⁴.

По состоянию на 2019 г., Китай удовлетворял за счет иранской нефти около 3% своих потребностей в данном продукте. Вместе с тем, Пекин в основном полагается на существующую ныне архитектуру безопасности в Персидском заливе для защиты своих торгово-экономических связей со странами субрегиона. Парадокс заключается в том, что эта система на протяжении десятилетий своего существования основывалась на партнерстве стран ССАГПЗ с США и Великобританией. Поскольку охрана водных путей в зоне Залива обеспечивается в основном американцами, то это избавляет китайскую сторону от необходимости привлекать к этой задаче собственные силовые контингенты,

---

³⁴² Sukhankin S. Sino-Qatari LNG Deal: A New Phase for Doha-Beijing Relations? Gulf International Forum. June 16, 2021. <https://gulrif.org/sino-qatari-lng-deal-a-new-phase-for-doha-beijing-relations/>

³⁴³ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ .

³⁴⁴ Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. С. 616-627.

а, следовательно, и от осложнений, которые неизбежно бы возникли в случае появления в зоне Залива китайских военных³⁴⁵.

Однако подобное «преимущество» может в любой момент обернуться для Китая серьезной угрозой для обеспечения бесперебойных поставок углеводородов. Поскольку на данном историческом этапе вероятность торгово-экономической войны двух ведущих мировых сверхдержав становится очевидной, то тенденцию «вызревания» такой угрозы для китайских интересов никак нельзя игнорировать.

Если США будут интерпретировать взятую на себя миссию охраны морских путей в Заливе с охватом акваторий Тихого и Индийского океанов, то это может означать, что весь водный маршрут обеспечения КНР углеводородами оказывается под американским контролем. Такая нежелательная для Пекина перспектива может побудить его принять геостратегический вызов от главного глобального конкурента и прибегнуть к неким шагам, не исключаящим его прямого участия в обеспечении безопасности региона. Речь может идти о расширении ареала китайского присутствия на воде и на суше в зоне Персидского залива, а также и в регионе Большого Ближнего Востока, так и Индо-Тихоокеанского бассейна. Мотивы для подобных рассуждений, можно сказать, лежат на поверхности. У Китая отнюдь не одна, а сразу несколько причин для расширения своего морского присутствия в зоне Индийского океана. Этот процесс может, в свою очередь, привести и к усилению его вовлеченности в сферу безопасности на Ближнем Востоке³⁴⁶. С другой стороны, нынешняя нестабильность на Ближнем Востоке напрямую влияет на политику, проводимую Пекином в регионе. Китайская сторона ощущает явный дискомфорт в условиях, когда ВМС США контролируют маршруты транспортировки нефти из Персидского залива, в том числе, и в сторону Южно-Китайского моря. И действительно, в случае, если события примут неблагоприятный оборот (например, вооруженный конфликт при участии США, установление последними жесткой экономической блокады и т.п.), Китай может лишиться поставок нефти и газа с Ближнего Востока. Таким образом, намерение китайского руководства отчасти заместить импорт

---

³⁴⁵ Exclusive Interview: Obama on the World // The New York Times. August 10, 2014.

<https://www.nytimes.com/video/opinion/100000003048414/obama-on-the-world.html> .

³⁴⁶ Lons C. Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ .

аравийской нефти аналогичными поставками из других географических регионов выглядит вполне логичным.

2.2 Сотрудничество в сфере торговли и инвестиций

Торговое сотрудничество между Китаем и странами ССАГПЗ

Торговля является достаточно диверсифицированной отраслью отношений Китая со странами ССАГПЗ. За последние годы товарообмен КНР со странами ССАГПЗ в целом и с каждым государством-членом этой организации в отдельности значительно вырос (см. таблицу 5)³⁴⁷. Углеводороды составляют основную часть китайского импорта; одна только эта статья делает торговый баланс с Китаем несбалансированный в четырех арабских монархиях из шести, а ОАЭ и Бахрейн постоянно ввозят из Китая больше, чем поставляют туда. Что касается Бахрейна, то такую ситуацию можно объяснить значительным сокращением поставок энергоресурсов и более слабой экономикой по сравнению с партнерами по ССАГПЗ. С ОАЭ ситуация иная: экономика Эмиратов в значительной части является реэкспортной, при том, что они продают в Китай довольно большой объем (почти 2,5 % его годового импорта сырой нефти)³⁴⁸. Вместе с тем, китайские компании активно используют развитую инфраструктуру и благоприятную для ведения дел бизнес-среду ОАЭ в качестве трансрегионального хаба, посредством которого они выходят на рынки Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки³⁴⁹. ОАЭ, второй по величине торговый партнер Китая в регионе, обрабатывают 60% реэкспорта Китая в Европу и Африку с оценочной стоимостью 70 миллиардов долларов в год³⁵⁰.

³⁴⁷ National Bureau of Statistic of China. China Statistical Yearbook. 2004-2019. <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

³⁴⁸ China Country Brief // International Trade Centre. URL: <https://www.intracen.org/country/china/>

³⁴⁹ Fulton J. Domestic Politics as Fuel for China's Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies// Journal of Contemporary China. 2019. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10670564.2019.1637566>

³⁵⁰ Wade Shepard. Next Up on China's Maritime Silk Road: Abu Dhabi //Forbes, August 2, 2017. <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/08/02/next-up-abu-dhabi-chinas-maritime-silk-road-breaks-into-the-middleeast/>; Lee Hong Liang. Abu Dhabi ports inks \$300m investment cooperation with China // Seatrade Maritime News. July 21, 2017, <http://www.seatrade-maritime.com/news/middle-east-africa/abu-dhabi-ports-inks-300m-investment-cooperation-withchina.html>; UAE-China trade exchange surges to AED520.6 billion in 3 years // Emirates Business, August 9, 2017. <http://emirates-business.ae/uae-china-trade-exchange-hits-aed520-6bn-in-3-years/>; Deborah Lehr. The Middle East is the Hub for China's Modern Silk Road. // Middle East Institute, August 15, 2017, <https://www.mei.edu/content/map/middle-east-hub-china-s-modern-silk-road>; Wang Jian/ "One Belt One Road: A Vision for the Future of China-Middle East Relations //Al Jazeera Centre for Studies Report, 9

Что касается торговых отношений с Саудовской Аравией, то торговый дисбаланс — почти 20 миллиардов долларов в 2019 году — всегда склоняется в пользу Саудовской Аравии, характер этой торговли должен вызывать некоторое беспокойство. Китай продает промышленное и строительное оборудование и услуги, товары народного потребления, текстиль, электронику и продукты питания. Саудовская Аравия продает энергоносители и еще что-то другое. Данные Chatham House о торговле ресурсами содержат ископаемое топливо, на долю которого приходилось почти 97% экспорта Саудовской Аравии в Китай в 2018г.³⁵¹ . В мире, который больше, чем когда-либо, смотрит в будущее после углеводородов, это подчеркивает долгосрочную слабость Саудовской Аравии³⁵².

Что касается других аравийских монархий, то для них значимость Китая как крупнейшего коммерческого партнера и покупателя равным образом трудно переоценить, тем более помня о том, что «углеводородные» статьи наполняют доходную часть их бюджетов примерно на 85 - 90 %.³⁵³ В качестве примера приведем Султанат Оман. Нефтегазовые поступления составляют здесь от 68 % до 85 % государственных доходов (процент зависит от ценовой динамики на международных рынках), и эта зависимость делает Китай эксклюзивным партнером; 43,7% экспортной выручки поступает в оманскую казну из Кита³⁵⁴.

May 2017. <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2017/05/belt-road-vision-future-china-middle-east-relations-170509102227548.html> .

³⁵¹ Chatham House. ResourceTrade. Earth. <https://resourcetrade.earth/>.

³⁵² Jonathan Fulton. Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations. Atlantic Council . 2020. <https://www.atlanticcouncil.org/event/strangers-to-strategic-partners-thirty-years-of-sino-saudi-relations/>

³⁵³ The CIA World Factbook //Central Intelligence Agency, continually updated. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> .

³⁵⁴ Oman. The CIA World Factbook. // Central Intelligence Agency, continually update. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/oman/> .

Таблица.6 - Торговля между Китаем и странами ССАГПЗ , 2004-2018 гг. (10 000 долл. США)

год	Китай-ОАЭ		Китай-Саудовская Аравия		Китай-Катар		Китай-Оман		Китай-Кувейт		Китай-Бахрейн		Китай- ССАГПЗ	
	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.
2004	130448	684114	752265	277546	33426	10352	427849	11102	76406	48405	9240	12057	1429634	1043576
Общее	814562		1029811		43778		438951		124811		21297		2473210	
2005	204560	872984	1224572	382442	47272	20367	413891	19099	102050	62847	6894	18700	1999239	1376439
Общее	1077544		1607014		67639		432990		164897		25594		3375678	
2006	279675	1140478	1508453	505583	56198	43681	612947	33954	192400	86131	0	16	2649673	1809843
Общее	1420153		2014036		99879		646901		278531		16		4459516	
2007	301203	1702362	1755968	780728	58800	62088	672273	54756	229062	133863	10245	38470	3027551	2772267
Общее	2003565		2536696		120888		727029		362925		48715		5799818	
2008	461325	2364369	3102270	1082347	131163	107416	1162685	79452	503881	175130	13132	65508	5374456	3874222
Общее	2825694		4184617		238579		1242136		679012		78640		9248678	
2009	259508	1863180	2357094	897745	138176	87211	541123	74750	350069	154285	21123	47527	3667093	3124698
Общее	2122688		3254839		225387		615873		504354		68650		6791791	
2010	445155	2123534	3282905	1036644	245584	85544	977923	94450	670836	184859	25191	79950	5647594	3604981
Общее	2568689		4319549		331128		1072372		855695		105142		9252575	
2011	830637	2681285	4946754	1484971	469431	119876	1487649	99818	917520	212841	32584	88001	8684575	4686792
Общее	3511922		6431725		589307		1587467		1130361		120585		13371367	
2012	1085197	2956832	5486187	1845235	727810	120510	1697544	181158	1046781	208918	34803	120278	10078322	5432931
Общее	4042029		7331422		848320		1878702		1255699		155081		15511253	
2013	1282353	3341130	5345071	1873981	846335	171091	2104061	190084	958664	267551	30518	123893	10567002	5967730
Общее	4623482		7219053		1017426		2294145		1226215		154411		16534732	
2014	1576336	3903451	4850803	2057524	833673	225401	2379586	206538	1000496	342872	18396	123178	10659290	6858964
Общее	5479786		6908327		1059074		2586124		1343369		141574		17518254	
2015	1151403	3702016	3002105	2161293	461437	227564	1504742	211639	749707	377267	11154	101185	6880548	6780964
Общее	4853419		5163398		689001		1716381		1126974		112339		13661512	
2016	999436	3007253	2362602	1865528	401237	151637	1204102	214809	637028	300179	6372	79080	5610777	5618486
Общее	4006689		4228130		552874		1418911		937207		85452		11229263	
2017	1231116	2872397	3176187	1837501	640027	168233	1338328	231645	893495	311277	12395	90252	7291548	5511305
Общее	4103513		5013688		808260		1569973		1204772		102647		12802853	
2018	1623777	2965125	4585438	1742804	914639	248241	1889851	286461	1534387	331265	15013	113552	10563105	5687448
Общее	4588902		6328242		1162880		2176312		1865652		128565		16250553	

Источник: National Bureau of Statistic of China- China Statistical Yearbook 2004-2019 <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

В 2016 г. Китай занял первое место в списке шести крупнейших экспортно-импортных рынков для всех стран ССАГПЗ.³⁵⁵ В настоящее время Китай сделался для них ключевым экономическим партнером а также крупнейшим коммерческим компаньоном для отдельно взятых Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и Объединенных

³⁵⁵ The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/>

Арабских Эмиратов. А для КНР, в свою очередь, ССАГПЗ является группой стран, которая занимает восьмое место по величине его импорта и восьмое место по экспорту. Интересно, что из семи ведущих торговых партнеров Китая все, кроме Германии, находятся в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона и имеют с великим соседом устоявшиеся торговые и исторические связи. Тем самым подтверждается тезис о том, что Ближний Восток стал для Китая самой крупной и важной торгово-экономической зоной за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона³⁵⁶. В рамках инициированного Пекином в 2010 г. стратегического диалога «Китай - страны ССАГПЗ» было организовано несколько переговорных раундов (4 июня 2010 г. в Пекине, 2 мая 2011 г. в Абу-Даби, в январе 2014 г. в Пекине, 25 апреля 2016 г. в Пекине) о финализации специального соглашения между Китаем и странами ССАГПЗ в целях подготовки к созданию зоны свободной торговли Китай - арабские страны.³⁵⁷ Следует отметить, что ССАГПЗ – это второй после АСЕАН интеграционный формат, который ведет переговоры на предмет соглашения о свободной торговле с Китаем. Переговорный процесс начался еще в июле 2004 г., когда Китай и страны ССАГПЗ заключили рамочное соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве, инвестициях и технологиях. За этим последовало несколько переговорных раундов, имевших целью подписание соглашения о свободной торговле, призванное усилить взаимодействие между заинтересованными сторонами и в частности, устранить тарифные барьеры на пути перемещения капиталов.

Также важно отметить, что в интересах поддержания взаимодействия КНР и ССАГПЗ учредили ряд совместных институтов: Совместный комитет по экономике и торговле Китай - ССАГПЗ, Китайско-арабский экономический и торговый комитет, Форум по торговому сотрудничеству Китай - ССАГПЗ. Подобные же структуры были созданы в каждом из государств – членов Совета сотрудничества, в частности, такие, как Ассоциация дружбы Оман-Китай, Деловой совет Китай-Катар, Ассоциация дружбы Китай-Кувейт.

---

³⁵⁶ Scobell A. Alireza N. China in the Middle East. The Wary Dragon // RAND. 2016. P. 73.

³⁵⁷ Исполнительная программа Форума китайско-арабского сотрудничества на 2014-2016 гг. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebzhangjihuiyi/t1163773.htm> (на араб.яз.)

Китай все активнее торгует с ближневосточными арабскими странами за пределами ССАГПЗ. Китай стал основным источником импорта для каждой экономики в регионе, но за исключением Ирака и Йемена; большой торговый дисбаланс работает в пользу Китая (см. таблицу 6)³⁵⁸.

Египет занимает в этом ряду самое видное место. Население страны, которое в 2018г. превысило 100 миллионов человек (около четверти населения арабского мира), представляет собой огромный рынок потребления и крупнейший источник дешевой рабочей силы. Кроме того, Китай в настоящее время является крупнейшим пользователем Суэцкого канала. Китайско-египетская совместная экономическая зона в Суэцком регионе играет важную роль в стимулировании торговли между двумя сторонами. Торговля между Египтом и Китаем выросла с 2,15 млрд долл. США в 2005 г. до 13,82 млрд долл. в 2018 г., увеличившись за этот период на 372%. Торговый баланс в целом был в пользу Китая. Последний является крупнейшим экспортером товаров в Египет, и в 2015 году было зафиксировано положительное сальдо торгового баланса с Египтом в размере 11,9 млрд долларов США. Из общего объема двусторонней комбинированной торговли в 2016 г. только 5% приходилось на египетский экспорт в Китай, а 95% приходилось на египетский импорт из Китая. 46% экспорта Египта в Китай состоит из сырой нефти; еще 20% составляют мрамор, травертин и алебастр³⁵⁹. Сегодня около 70-80 процентов египетского мрамора экспортируется в Китай. Египет также экспортирует в Китай широкий спектр промышленных товаров, включая ковры, лен, керамику, продукты перегонки, сантехнику, хрусталь и стекло, а также сельскохозяйственную продукцию, как, например, хлопок и апельсины³⁶⁰. Экспорт Китая в Египет включает разнообразный спектр товаров, таких как машины, электронное оборудование, сталь, химикаты, пластмассы, текстиль, транспортные средства и различные промышленные товары. Экспорт Египта в Китай увеличился на 466% в период с 2005 по 2013г., увеличившись с 211 млн до 1,85 млрд долл. США. Экспорт Египта в Китай сократился на 70% в период с 2013 по 2016 год, зато в

---

³⁵⁸ National Bureau of Statistic of China. China Statistical Yearbook. 2004-2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

³⁵⁹ MIT. The Observatory of Economic Complexity Database.

³⁶⁰ Gadallah. An Analysis of the Evolution. P.108; Matambo. Sino-Egyptian Industrial and Infrastructure Cooperation. P. 12.

2017г. он почти утроился. С 2012г. Китай остается основным торговым партнером Египта, обеспечивая в 2017 году около 13 процентов от общей стоимости египетского импорта (почти в два раза больше, чем Германия, второй по величине поставщик товаров в Египет)³⁶¹. По данным министерства торговли Китая, объем торговли между ним и Египтом в 2019г. составил 13,2 млрд долл., а стоимость импорта Египта из Китая составила 12,2 млрд долларов, что является самым высоким показателем в Северной Африке³⁶².

Экономические отношения между Египтом и Китаем многообещающие и обещают перспективу, но здесь также полно проблем. Данные о двусторонней торговле указывают на закономерность, которая сохранялась на протяжении десятилетий, а именно – на огромный торговый дефицит Египта с Китаем. Этот дефицит составил около 7 млрд долларов США и 9,3 млрд долларов США в 2012 и 2014гг. соответственно. Затем, с непрерывным ростом объемов торговли, за последние несколько лет он превысил 10 млрд долл. Таким образом, с точки зрения Египта, необходимо сделать еще многое, чтобы устранить этот дисбаланс.

Двусторонние отношения между Китаем и Ираком в последние десятилетия медленно, но неуклонно развивались. Выступив против американского вторжения в Ирак в 2003 году, Китай затем сумел обеспечить значительную долю послевоенной добычи нефти в Ираке, отчасти за счет своих вложений в иракскую нефтедобычу и инфраструктуру. Двусторонняя торговля выросла с 1,1 до 30,3 млрд долл. в период с 2006 по 2018гг., увеличившись на 363%. Далее, 57% от общего объема товарооборота за 2017 год приходится на иракский экспорт в Китай, а 43% — на иракский импорт из Китая. Экспорт Ирака в Китай состоит из сырой нефти, что составляет 9,5% от общего объема импорта сырой нефти в Китай³⁶³. Ирак поддерживает положительное сальдо торгового баланса с Китаем с 2004 г., достигнув пика в 13,01 млрд долларов в 2014г. и сузившись до 1,45 млрд долл. к 2018 г. Двусторонняя торговля между двумя странами достигла

---

³⁶¹ David Wood. Egypt Loves China's Deep Pockets, //Foreign Policy. August 28,2018. <https://foreignpolicy.com/2018/08/28/egypt-loves-chinas-deep-pockets/>

³⁶² Trade Exchange between Egypt, China Hits \$13.2bn in 2019 //Egypt Today. May 8, 2020, <https://www.egypttoday.com/Article/3/86546/Trade-exchange-between-Egypt-China-hits-13-2bn-in-2019>

³⁶³ MIT. The Observatory of Economic Complexity Database.

рекордного уровня в 30,01 млрд долларов США в 2018 году (рост на 33,3 процента по сравнению с 2017 годом). Стоимость общего экспорта Ирака в Китай определяется ценами на нефть, о чем свидетельствует падение стоимости экспорта в Китай в 2008 и 2015 гг. и увеличение в 2017г. Китай является крупнейшим торговым партнером Ирака, в то время как Багдад является вторым по величине арабским поставщиком нефти в Китай и его четвертым по величине торговым партнером на Ближнем Востоке.

Политические и экономические отношения Китая и Иордании несмотря на почти полвека дружественных дипломатических отношений, в действительности начались в 1999г. при короле Абдалле II. Через несколько месяцев после своей инаугурации Абдалла II встретился с президентом Цзян Цзэмином в Китае, где они подписали несколько двусторонних торговых соглашений. Следующие пять визитов в Китай состоялись во время президентства Ху Цзиньтао, кульминацией которых стало подписание в 2015 г. соглашения о стратегическом партнерстве³⁶⁴. Торговля между Иорданией и Китаем выросла с около 1 млрд долларов США в 2005 году до около 3,2 млрд долларов США в 2018 году, увеличившись на 153%. Целых 93% совокупного объема за 2018 год приходится на китайский экспорт в Иорданию, а 7% приходится на китайский импорт из Иордании. В 2016 году почти весь экспорт Иордании в Китай состоял из химических продуктов, таких как калийные удобрения, производные фенола, галогены и другие неорганические кислоты. Таким образом, Китай сохранил большое положительное сальдо торгового баланса с Иорданией, которое ежегодно увеличивалось с 752 миллионов долларов США в 2005 году до рекордных 3,13 миллиарда долларов США в 2015 году. Пик двусторонней торговли между двумя сторонами пришелся на 2015 год и составил 3,71 миллиарда долларов США.

Торговый обмен между Китаем и Сирией хотя и низок, но в 2010г. Китай занимал первое место среди торговых партнеров арабской республики, и на его долю приходилось 69% от общего объема сирийской торговли³⁶⁵. Торговля между Сирией и Китаем

³⁶⁴ <http://www.jordantimes.com/news/local/jordan-china-sign-strategic-partnership-agreement>

³⁶⁵ حصريا لـ "سبوتنيك" ... قيمة التبادل التجاري السوري الصيني تزيد عن مليار دولار . 13.11.2018 . سبوتنيك.
(Эксклюзивно для "Спутника"... Объем сирийско-китайского торгового обмена превышает один миллиард долларов. 13.11.2018)/
<https://arabic.sputniknews.com/20181113/%D8%AD%D8%B5%D8%B1%D9%8A%D8%A7-%D9%84%D8%>

сократилась на 60%, когда разразился кризис, с 2,5 млрд долл. в 2010-2011 гг. до 918 млн долл. в 2016. Сирийский экспорт в Китай упал с 40 млн долларов США до 3,62 млн долларов США в период с 2010 по 2016 год, импорт Сирии из Китая сократился на 63%, с 2,4 млрд долларов США до 915 млн долларов США. Западные санкции в отношении Сирии будут способствовать активизации торговли между Китаем и Сирией, хоть Китай частично и не соблюдает санкции, но все еще не нарастил свое коммерческое присутствие в Сирии.

К 2013 г. Китай стал главным торговым партнером Ливана. Торговля между Ливаном и Китаем утроилась в период с 2005 по 2018 год, увеличившись с 476,23 миллионов долларов США до 2,1 миллиарда долларов США. Почти вся эта сумма приходится на китайский экспорт в Ливан. В 2016 году 84% экспорта Ливана в Китай приходилось на лом и рафинированную медь. Положительное сальдо торгового баланса Китая с Ливаном увеличилось с 467,85 млн долларов США в 2005 году до 2,26 млрд долларов США в 2015 году. Двусторонняя торговля между двумя сторонами достигла пика в 2,6 миллиарда долларов США в 2014 году. Ожидается, что будущее двусторонних отношений Китая и Ливана останется в значительной степени ограниченным министерским уровнем, учитывая ограниченную стратегическую ценность обеих стран. В то время как торговый обмен с Палестинской автономией практически незначителен.

Йеменский экспорт в Китай сократился на 94% в период с 2005 по 2016 гг. В свете продолжающегося конфликта торговля между Йеменом и Китаем значительно сократилась за последние несколько лет. В 2015 г. более 98% экспорта Йемена в Китай приходилось на сырую нефть и природный газ. Учитывая этот высокий процент, стоимость йеменского экспорта в Китай диктуется ценами на нефть. Иллюстрацией этого является резкое снижение стоимости экспорта в Китай с 3,2 млрд долларов США до 1,25 млрд долларов США в период с 2008 по 2009 год, когда цены на нефть значительно упали. Общий объем двусторонней торговли упал с 5,2 млрд долларов США в 2014 году до 1,8 млрд долларов США в 2016 году. Экспорт Йемена в Китай увеличился на 267% в 2017 году, с около 0,2 млрд долларов США в 2016 году до около 0,7 млрд долларов США в том же году. Йемен традиционно поддерживал положительное сальдо торгового баланса с Китаем, но конфликт плюс падение цен на нефть сократили экспорт в Китай с 2,93 млрд

долларов США в 2014 году до 166 млн долларов США в 2016 году, то есть на 99%. За тот же период импорт из Китая сократился на 34%, с 2,2 млрд долларов США в 2014 году до 1,4 млрд долларов США в 2015 году, но в 2016 году восстановился на 18%.

Таблица.7 - Торговля между Китаем и арабскими странами Ближнего Востока за пределами ССАГПЗ , 2004-2018 гг. (10 000 долл. США)

год	Китай - Палестина		Китай - Ливан		Китай - Иордания		Китай - Сирия		Китай - Ирак		Китай - Египет		Китай - Йемен	
	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.
2004	984	7	48385	970	62227	8849	69265	2801	14955	32025	138844	18794	45770	145855
общее	992		49356		71076		72067		46980		157637		191625	
2005	2360	23	47204	419	83181	7887	88863	1774	40811	41568	193404	21114	54710	266769
общее	2383		47623		91068		90637		82379		214518		321479	
2006	2786	21	49944	860	97775	5323	135555	5066	49116	65327	297550	21677	80226	223255
общее	2807		50804		103098		140621		114443		319227		303481	
2007	3750	15	69872	1862	109929	8207	186847	827	68738	76580	443280	23973	96305	174529
общее	3765		71734		118136		187674		145318		467253		270834	
2008	4078	25	108345	1327	182613	12318	229336	986	127116	138166	587426	42894	118458	320987
общее	4103		109672		194931		230322		265283		630320		439446	
2009	2357	75	105687	898	195839	11226	221058	1002	183835	330960	510776	73725	116844	123751
общее	2432		106584		207065		222059		514795		584502		240595	
2010	2601	36	131945	2728	188890	16471	244297	4029	358977	627519	604097	91793	122386	277908
общее	2637		134673		205361		248326		986496		695890		400294	
2011	4782	104	145839	2592	251272	25672	242024	2616	382465	1044363	728324	151834	110428	313570
общее	4886		148431		276945		244640		1426829		880158		423998	
2012	4067	34	169194	2033	295864	29710	118944	1092	491182	1265577	822399	132074	195510	360406
общее	4101		171227		325574		120036		1756759		954473		555915	
2013	9068	19	249083	4558	343456	16988	69015	471	689409	1798476	836268	185161	213882	306130
общее	9086		253641		360443		69486		2487885		1021428		520012	
2014	7551	8	260486	2539	336453	26320	98437	213	774384	2076124	1046051	115952	220131	293285
общее	7559		263025		362774		98650		2850508		1162003		513417	
2015	6925	44	228553	1732	342440	28752	102257	359	790923	1267436	1195858	91784	142997	89814
общее	6969		230285		371192		102616		2058386		1287642		232811	
2016	5931	31	210071	1767	295483	21116	91535	326	754818	1066327	1043728	55321	169241	16603
общее	5962		211839		316599		91861		1821145		1099049		185844	
2017	6906	12	201061	2304	280361	27919	110281	133	833042	1381411	948564	134193	164304	66996
общее	6918		203365		308279		110415		2214453		1082758		231300	
2018	7336	44	196928	4898	296949	21418	127277	87	790332	2249527	1198721	184252	187461	71993
общее	7381		201827		318367		127364		3039860		1382973		259454	

Источник: National Bureau of Statistic of China- China Statistical Yearbook 2004-2019
<http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

Инвестиционное сотрудничество между Китаем и странами ССАГПЗ

Инвестиционное сотрудничество является еще одним столпом экономических отношений Китая со странами ССАГПЗ, и в последние годы объем финансовых вложений также значительно увеличился. В 2016 г. Китай стал крупнейшим внешним инвестиционным донором на Ближнем Востоке³⁶⁶. По состоянию на 2018 г., почти две трети китайских инвестиций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки приходились на арабские страны Залива³⁶⁷. В период 2005 - 2020 гг. страны ССАГПЗ получили 103,680 млрд долл. по линии китайских прямых инвестиций за рубеж (Chinese outward foreign direct investment - COFDI), (см. таблицу 8)³⁶⁸.

Таблица 8. Прямые иностранные инвестиции Китая в государства ССАГПЗ, 2005–2020 гг. (в млн долларов США)

Год /Страна	Бахрейн	Кувейт	Оман	Катар	Саудовская Аравия	ОАЭ
2005	0	0	150	100	1.1	0
2006	0	0	0	540	0	300
2007	0	840	0	0	2.77	650
2008	0	0	160	140	1.17	3.55
2009	0	510	720	740	4.23	670
2010	0	570	0	0	340	130
2011	0	260	0	1.85	4.32	450
2012	0	510	0	0	1.83	1.15
2013	0	0	0	600	4.57	730
2014	0	240	0	560	2.97	640
2015	0	2.27	300	1.18	3.31	760
2016	0	1.83	2.87	1.11	1.25	4.15
2017	0	1.33	0	0	1.91	7.62
2018	0	2.07	320	230	4.71	8.01
2019	1.42	220	970	0	4.8	4.32
2020	0	100	1.13	750	1.65	3.3
общая сумма	1.42	10.75	6.62	7.8	40.93	36.16

³⁶⁶ China and the Middle East . A priceless pivot //Central Banking Institute. URL: <https://www.centralbanking.com/central-banks/economics/4738091/china-and-the-middle-east-a-priceless-pivot>

³⁶⁷ GCC Trade and Investment Flows. A report by The Economist Intelligence Unit.

³⁶⁸ China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

Источник: China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

Для государств - членов ССАГПЗ приток инвестиций из Китая пришелся на период развития, нацеленный на снижение зависимости от углеводородных поступлений и диверсификацию национальных экономических структур³⁶⁹. Страны ССАГПЗ стали основными реципиентами масштабных инфраструктурных контрактов с привлечением китайских компаний, в том числе по возведению таких объектов, как стадион Лусаил в Катаре (основная площадка для будущего проведения чемпионата мира по футболу в 2022 г.), нефтеперерабатывающий завод Янбу, высокоскоростная железнодорожная магистраль, связывающая Джидду с Меккой и Мединой и др. Региональная программа развития Gulf Vision, вобравшая в себя крупные инфраструктурные проекты, открывает широкие горизонты для будущего сотрудничества. Каждая из стран ССАГПЗ занялась разработкой собственного «видения» - в частности, Saudi Vision 2030, Kuwait Vision 2035 "New Kuwait", Abu Dhabi's Vision 2030, Qatar National Vision 2030, Oman Vision 2040, Bahrain Economic Vision 2030. Всё это по сути представляет собой национальные варианты проектов по диверсификации экономики стран ССАГПЗ, иначе говоря, проекты перехода от модели рантье, при эксплуатации одного углеводородного ресурса, к «пост-нефтяной» модели, где прямые иностранные инвестиции являют собой важную составляющую.

Саудовская Аравия и ОАЭ являются важными направлениями для китайских инвестиций на Ближнем Востоке, они получили 46,8% от общего объема инвестиций Китая в арабские страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия - 24,8%, ОАЭ - 21,9%). С 2005 по 2020 год Саудовская Аравия получила более 40 млрд долл. капиталов из КНР, что делает ее самой привлекательной страной для китайских инвестиций на Ближнем Востоке. ОАЭ являются привлекательным направлением, поскольку они также служат торговым центром, через который китайцы могут получить доступ к региональным рынкам. А с 2016 по 2020 гг. Эмираты получили инвестиций на сумму более 27 млрд долл., став крупнейшей страной на Ближнем Востоке, получившей инвестиции за этот период. Инвестиции в основном сосредоточены в энергетическом и транспортном секторах.

---

³⁶⁹ Mercy A. Kuo. China in the Middle East: Influence and Investment. //The Diplomat. September 25, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/china-in-the-middle-east-influence-and-investment/>

Летом 2018 г. Китай анонсировал очередной раунд инвестирования и кредитования на общую сумму 23 млрд долларов. Портам и промышленным комплексам уделяется особое внимание, поскольку они формируют логистическую цепочку, связывающую Китай с Персидским заливом, а также с морями – Аравийским, Красным и Средиземным. В Пекине это было впервые сформулировано летом 2018 г. в материале, именуемом ‘Industrial Park-Port Interconnection, Two-Wheel and Two-Wing Approach’. Как следует из этого презентационного материала – «китайская сторона заинтересована участвовать в возведении морских портов и планируемой железнодорожной сети арабских стран, а также поддерживает арабскую сторону в создании «золотой логистической цепи», связывающей Центральную Азию, Восточную Африку, Индийский океан и Средиземное море»³⁷⁰. По оценке китайских экспертов, это обещает стать важной составляющей экономического присутствия их страны на Ближнем Востоке. Порт Халифа в ОАЭ, оманский порт Дукм, порт Джизан в КСА, порты Айн-Сохна и Порт-Саид в Египте (на Суэцком канале), а также порт Джибути служат опорными точками этого проекта, и именно по перечисленным адресам будет производиться существенная часть работ по реализации инициативы «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке.

Объем китайских инвестиций в арабских странах Ближнего Востока, не входящих в ССАГПЗ, в период с 2005 по 2020 год составил 60.800 млрд долл. (см. таблицу 9)³⁷¹. Ирак является четвертым по величине получателем китайских инвестиций на Ближнем Востоке с 2005 по 2020 гг. Иран занимает третье место после Саудовской Аравии и ОАЭ с инвестициями в размере 26,56 млрд долларов, 88% от этого общего количества были направлены на энергетический сектор, затем 7% — на недвижимость и 5% — на коммунальные услуги. На его долю приходится 15,4% всех китайских инвестиций в арабских странах Ближнего Востока.

---

³⁷⁰ Xi Jinping Delivers a Speech at The Opening Ceremony of The Eighth Ministerial Meeting of The China-Arab States Cooperation Forum. 2018/07/10 // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1575994.shtml

³⁷¹ China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

Таблица 9. Прямые иностранные инвестиции Китая арабские страны Ближнего Востока вне ССАГПЗ, 2005–2020 гг. (в млн долларов США)

Год / Страна	Египет	Ирак	Сирия	Иордания	Йемен	Ливан	Палестина
2005	0	0	290	0	0	0	0
2006	940	0	0	0	480	0	0
2007	150	1.08	0	100	250	0	0
2008	590	0	1.99	140	470	0	0
2009	280	8.58	0	0	0	0	0
2010	1.99	360	1.78	0	0	0	0
2011	440	1.18	0	0	0	0	0
2012	550	2.01	0	0	0	0	0
2013	3.33	2.13	0	1.97	510	0	0
2014	370	1.22	0	1.6	0	0	0
2015	1.78	670	0	350	0	0	0
2016	1.97	1.8	0	1.3	0	0	0
2017	3.63	450	0	380	0	0	0
2018	4.35	1.83	0	500	0	0	0
2019	1.69	3.91	0	0	0	0	0
2020	670	200	0	0	0	0	0
общая сумма	22.73	25.42	4.6	6.34	1.71	0	0

Источник: China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

Совокупные китайские инвестиции в Египет росли параллельно с ростом двусторонней торговли. Подчеркнув, что экономические связи тесно связаны с политическими соображениями, китайский чиновник отметил в октябре 2018 года, что более 80 % инвестиций были вложены за последние четыре года (то есть вскоре после прихода Абдель Фаттах ас-Сиси к власти в июне 2014 года)³⁷². Во время последнего визита ас-Сиси в Пекин в сентябре 2018 г. он подписал сделки на сумму 18,3 миллиардов долларов с китайскими компаниями, занимающимися железными дорогами, недвижимостью, энергетическими проектами и нефтеперерабатывающим заводом³⁷³. В

³⁷² Egypt sees Chinese investment, and tourists as a ‘win-win’ boost. //Financial Times. October 30 2018. <https://www.ft.com/content/e490d960-7613-11e8-8cc4-59b7a8ef7d3d>

³⁷³ Sisi attends signing of deals worth \$18.3B with Chinese firms. //Egypt Today. 02 Sep. 2018. <https://www.egypttoday.com/Article/3/57012/Sisi-attends-signing-of-deals-worth-18-3B-with-Chinese>

случае реализации, (что далеко не факт)³⁷⁴, Китай станет крупнейшим иностранным инвестором в Египте. Однако, многие сделки, которые Египет подписал с Китаем, являются меморандумами о взаимопонимании, «означающими переговоры на ранней стадии, а не фактические инвестиционные обязательства»³⁷⁵. Эти инвестиции диверсифицированы по ряду жизненно важных секторов, включая энергетику, производство, строительство и транспорт.

Стоит отметить, что в Египте уже давно находится Китайская особая экономическая зона (ОЭЗ), которая является одной из пяти территорий, созданных Китаем в Африке. В рамках совместного предприятия с правительством Египта стоимостью 1,5 млрд долл Тяньцзиньская зона экономического и технологического развития (TEDA), официально открытая в 2008 г. в Суэцком регионе, представляет собой торгово-экономическую зону, в которой размещаются китайские и египетские компании, желающие создать производство и торговые операции. Хотя интерес Египта заключается в привлечении китайских инвестиций, особенно в таких секторах, как информационные и коммуникационные технологии, производство и возобновляемые источники энергии, Специальная зона для Китая служила воротами для китайских компаний на рынки Европы, Африки и Ближнего Востока. Новаторский проект египетско-китайского экономического сотрудничества в эпоху Хосни Мубарака, занимающий площадь 7,3 млн квадратных метров, привлек 60 компаний с общим объемом инвестиций около 1 млрд долларов США³⁷⁶. В настоящее время в зоне TEDA Suez находятся Jushi Group, крупнейший в Азии производитель стеклопластика, производитель легких грузовиков Dayun, производитель электрооборудования XD, производитель рентгеновских компонентов IMD и производственный гигант Muyang³⁷⁷. В 2016 г. две страны договорились расширить зону примерно на 6 кв. км при предполагаемых инвестициях в 230 млн долл.³⁷⁸. Более того,

---

³⁷⁴ Nael Shama. *Beyond Economics: Sino-Egyptian Relations under El-Sisi*. 2021.

³⁷⁵ Emma Scot. *China-Egypt Trade and Investment Ties: Seeking a Better Balance* // Policy Briefing. Centre for Chinese Studies. June 2015, P. 3

³⁷⁶ Juan Chen. *Strategic Synergy between Egypt 'Vision 2030' and China's 'Belt and Road' Initiative,* Outlines of Global Transformations: Politics // Economics, Law. 2018. 11, no. 5. P. 229.

³⁷⁷ Current Development Situation// TEDA Suez. April 27, 2017. <http://www.setczone.com/system/2017/04/27/011260662.shtml>

³⁷⁸ "Launch of Expansion Area of China-Egypt TEDA Suez Economic and Trade Cooperation Zone// TEDA Suez. April 27, 2017. <http://www.setc-zone.com/system/2017/04/27/011260701.shtml>

вдохновленное историей успеха Суэцкой ОЭЗ, правительство Египта подписало в 2018г. меморандум о взаимопонимании с государственной китайской компанией CGCOS по планированию и развитию еще одной промышленной зоны в средиземноморском городе Нью-Аламейн³⁷⁹. Что касается транспорта, то в 2017г. правительство АРЕ и Авиационная корпорация Китая (AVIC) подписали соглашение на сумму 1,2 млрд долл о создании 70-километрового легкого электропоезда, который свяжет Каир с городом десятого месяца Рамадан одиннадцатью станциями³⁸⁰. Китай также подписал еще один тринадцатилетний контракт на сумму 110 млн долл. на техническое обслуживание проекта³⁸¹. Кроме того, в 2017г. альянс китайских компаний и банков подписал рамочное соглашение с экономической зоной Суэцкого канала Египта, чтобы принять участие в развитии порта Айн-Сохна (третьего по величине порта Египта), имеющего решающее значение для его близости к Суэцкому каналу и Каиру³⁸². В следующем году базирующаяся в Пекине China Harbour Engineering Company, вторая по величине дноуглубительная компания в мире, выиграла тендер на строительство контейнерного терминала в порту с контрактной стоимостью 118 млн долл.³⁸³. Сигнализируя об особом интересе Китая к портам, гонконгская компания Hutchison Port Holdings (HPH) приобрела в 2016г. 30,3% акций Alexandria International Container Terminal, которая владеет и управляет двумя терминалами в Египте³⁸⁴. HPH также управляет египетскими портами Александрия и Эль-Дехейла, расположенными на Средиземном море.

Китай к тому же получил значительную долю в строительстве административной столицы Египта, трехэтапном мегапроекте, запущенном в 2015 году, строительство

---

³⁷⁹ Egypt, China to Cooperate on First Industrial Zone in New Alamein // Ahram Online. May 30, 2018. <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/0/301451/Business/0/Egypt-China-to-cooperate-on-first-industrial-zone.aspx>

³⁸⁰ Egypt, China to Establish Electric Train Project Worth \$1.2B //Egypt Today. July 24, 2017. <https://www.egypttoday.com/Article/3/13432/Egypt-China-to-establish-electric-train-project-worth-1-2B>

³⁸¹ China, Egypt Sign USD 571 mn in Contracts for Electric Train Project //Enterprise. October 14, 2019. <https://enterprise.press/stories/2019/10/14/chinaegypt-sign-usd-571-mn-in-contracts-for-electric-train-project/>

³⁸² New Agreement to Develop Sokhna Port Sees China Cooperation //Egypt Today. May 12, 2017. <https://www.egypttoday.com/Article/3/5021/New-agreement-to-develop-Sokhna-Port-sees-China-cooperation>

³⁸³ CHEC Starts Construction of Second Container Terminal in Egypt's Ain Sokhna //Ports Europe. September 5, 2018. https://www.portseurope.com/_trashed-13/

³⁸⁴ Hutchison Port Holdings Buys Stake in Egyptian Ports Operator—Statement //Reuters. March 7, 2016/ <https://www.reuters.com/article/aict-ma-ckh-holdings/hutchison-port-holdings-buys-stake-in-egyptian-ports-operator-statementidUSL5N16F0R6>

которого оценивается в непомерную сумму денег, примерно в 58 миллиардов долларов³⁸⁵. Китайская государственная инженерно-строительная корпорация (CSCEC) строит деловой район города, который включает в себя двадцать башен, разбросанных на огромной площади в 1,7 миллиона метров, включая гигантскую восьмидесятиэтажную башню, которая после завершения строительства станет самым высоким зданием в Африке³⁸⁶. Широкое участие Китая в строительстве нового города также включает предоставление египетскому правительству кредита в размере 3 миллиардов долларов на проектирование и строительство деловой зоны³⁸⁷. Ранее Египет вел переговоры с China Fortune Land Development об колоссальном инвестиционном проекте стоимостью 20 миллиардов долларов в городе, но двухлетние переговоры зашли в тупик в 2018 году из-за разногласий по поводу распределения доходов³⁸⁸.

Китай также вложил миллиарды долларов во множество других областей экономики. Китайские компании появились в энергетическом секторе: CSCEC подписала соглашение на 6,1 млрд долл. с египетской компанией Eastern Oil and Gas Company о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Суэцком регионе³⁸⁹. В области возобновляемых источников энергии Китай принял участие в строительстве солнечной электростанции Venban в Асуане, которая должна стать крупнейшей солнечной электростанцией в мире, построив в комплексе три солнечных станции с общим объемом

---

³⁸⁵ Aidan Lewis and Mohamed Abdellah. Egypt's New Desert Capital Faces Delays as It Battles for Funds // Reuters. May 13, 2019. <https://www.reuters.com/article/us-egypt-new-capital/egypts-new-desert-capital-faces-delays-as-it-battles-forfunds-idUSKCN1SJ10I>

³⁸⁶ Egypt, China Join Hands to Build Up Egypt's New Capital //China Dail. July 10, 2018. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201807/10/WS5b445cada3103349141e1e00.html> ; Feature: China, Egypt Join Hands to Build CBD Project in Egypt's New Capital City //Xinhua. March 19, 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-03/19/c_137907912.htm

³⁸⁷ Egypt Signs \$3 Billion Loan Deal with Chinese Commercial Bank to Build Business Zone in New Capital // Ahram Online. April 28, 2019. <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/330776/Business/Economy/Egypt-signs-billion-loan-deal-with-Chinese-commer.aspx>

³⁸⁸ Mirette Magdy. China's \$20 Billion New Egypt Capital Project Talks Fall Through //Bloomberg. December 16, 2018, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-16/china-s-20-billion-new-egypt-capital-project-talks-fallt.rough>

³⁸⁹ China State Construction Signs a 9.6 billion US Dollar EPC Contract with Egypt // CSCEC. September 2, 2018. <https://english.cscec.com/CompanyNews/CorporateNews/201811/2892383.html>

инвестиций около 180 млн долл.³⁹⁰. В области электроэнергетики две страны подписали соглашение в 2018г. о строительстве крупнейшей угольной электростанции на Ближнем Востоке в порту Хамравейн на Красном море. Консорциум китайских компаний Shanghai Electric, Dongfang Electric Co., Ltd и египетской компании Hassan Allam Construction построит завод с инвестициями в размере 4,4 млрд долл.³⁹¹. В том же году китайская государственная компания Sinohydro достигла соглашения с правительством Египта о строительстве станции хранения электроэнергии в горах Атака на сумму 2,6 млрд долл.³⁹². Китайские компании также проникли на сельскохозяйственный рынок. Гигант агробизнеса New Hope открыл в Египте три завода по производству кормов для животных. Третий из этих заводов, расположенный в провинции Эль-Бехера, был основан в 2016г. с инвестициями в размере 15,8 млн долл. США³⁹³. Кроме того, Китайский банк развития, крупнейший в Китае банк иностранных инвестиций и финансового сотрудничества, предложил в 2017г. кредит в размере 100 млн долл. двум египетским банкам (Banque Misr, второму по величине государственному банку Египта, и SaiBank) для финансирования малых и средних проектов³⁹⁴.

Между тем, несмотря на неуклонный рост, годовая стоимость китайских инвестиций в Египет остается ограниченной не только по сравнению с общей стоимостью зарубежных китайских ПИИ (третий по величине источник ПИИ в мире в 2018 г.)³⁹⁵, но и по сравнению с общим объемом иностранных инвестиций в Египте и общим объемом

³⁹⁰ Mahmoud Saad Diab. “‘Belt and Road’ Puts Egypt at Forefront of China’s New Renewable Energy Projects // Ahram Online, March 23, 2019. <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/328705/Egypt/Politics-/Belt-and-Road-puts-Egypt-at-forefront-of-Chinas-ne.aspx>

³⁹¹ Chinese Consortium Wins Contract for Hamrawein Coal-Fired Plant //Energy Egypt. June 26, 2018, <https://energyegypt.net/chinese-consortium-wins-contractfor-egypts-hamrawein-coal-fired-power-plant/>

³⁹² Marwa Yahya. Chinese Investments in Egypt’s Electricity Sector in Continuous Increase: Official // Xinhuanet. September. 8, 2018,

https://mail.yahoo.com/d/folders/1?.src=fp&guce_referrer=ahr0chm6ly9sb2dpbi55ywhvby5jb20v&guce_referre_r_sig=aqaagunarvcaorcnpblq8hb_fe_ffeo0ef2emysdcqa6k2uqjr9pj1nr0apzhtn8sgc8lcucd317hgrjbv2vjiz1scug33elvsf1bshntn8n1tktxc_qg16icq8bxqclpabxjfx-i_ro3g0_-1epdofol8o1cp33ix3yuoh1hoc3of-

³⁹³ China’s Agribusiness Giant New Hope Expands in Egypt amid Growing Sino-Egyptian Ties // Xinhua, March 19, 2018. <https://tribune.com.pk/story/1663137/3-chinas-agribusiness-giant-new-hope-expands-egypt-amidgrowing-sino-egyptian-ties/>

³⁹⁴ Banque Misr Signs \$100 Million Loan with China Development Bank. <https://www.banquemisr.com/en/about-us/press/china-developmentbank> ; Egyptian, Chinese Banks Sign Loan Deals to Enhance Financial Cooperation // China Daily. September 18, 2017. http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-09/18/content_32147872.htm

³⁹⁵ FDI in Figures //OECD, April 2018. <http://www.oecd.org/daf/inv/investmentpolicy/FDI-in-Figures-April-2018.pdf>

китайских инвестиций в некоторых африканских государствах. В 2010 г., например, Египет получил лишь 2,6% от общего объема китайских инвестиций в Африку, в то время как доля ЮАР и Нигерии составила 31,8% и 9,3% соответственно³⁹⁶. До 2015 года Китай занимал пятнадцатое место по объему прямых иностранных инвестиций в Египет. Затем в 2018–19 финансовом году он стал тринадцатой страной с крупнейшими инвестициями в Египет³⁹⁷.

Что касается остальных стран, то китайские инвестиции в них по-прежнему невелики: например, в Израиль с 2005 по 2020 гг. Китай вложил 12,78 млрд долл.³⁹⁸, что больше, чем вложения за тот же период во вместе взятые Сирию, Иорданию и Йемен см. Таблицу 9). Создается впечатление, что продолжающаяся конфликтная ситуация как в Йемене, так и в Сирии не стимулирует Китай к инвестициям, в то время как Иордания не имеет для Китая стратегического значения. То же самое верно применительно к Ливану и Палестине, которые до сих пор не получали никаких китайских инвестиций.

Существует несоответствие в торговле, китайских инвестициях и строительстве в странах Персидского залива и, более того, в странах Ближнего Востока в целом. Это несоответствие затруднит преодоление Китаем разрыва между странами, которые он считает крупными и маргинальными. Это затруднит принятие единой китайской политики в отношении стран региона и, в свою очередь, заставит страны региона смотреть на Китай с другой точки зрения, которая зависит от степени экономической взаимозависимости между Китаем и каждой страной в отдельности.

2.3. Арабские страны Машрика в китайском проекте «Один пояс, один путь»

Китай расширил сферу своего участия на Ближнем Востоке благодаря инициативе «Один пояс, один путь», выдвинутой президентом Си Цзиньпином, это наиболее заметный проект текущего века, цель которого создать крупнейшую платформу для экономического сотрудничества. Такое видение было запущено в 2013 году и включает в

³⁹⁶ Barassou Diawara and Kobena Hanson. What Does the Evidence Say about Contemporary China-Africa Relations // *Innovating South-South Cooperation: Policies, Challenges, and Prospects* / edited by Hany Besada, Evren Tok and Leah Polonenko. Ottawa: University of Ottawa Press, 2019. P. 225.

³⁹⁷ Foreign Direct Investment (FDI) in Egypt by Country // Central Bank of Egypt. https://www.cbe.org.eg/_layouts/15/WopiFrame.aspx?sourcedoc={554C10B8-%207EA4-4514-9670AF1068A22148}&file=External%20Sector%20Data%20271.%20xlsx&action=default%20.

³⁹⁸ China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

себя пять областей сотрудничества: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами ³⁹⁹.

Инициатива, когда она была запущена, включала 65 стран, а затем расширилась в рамках так называемой новой инициативы «Один пояс, один путь». По состоянию на январь 2021 года 140 стран присоединились к инициативе "Один пояс, один путь" (BRI), подписав Меморандум о взаимопонимании (MoU) с Китаем⁴⁰⁰, в том числе 17 стран Ближнего Востока и Северной Африки. Включение стран Африки, южной части Тихого океана и Америки, которые находятся за пределами основных экономических коридоров, демонстрирует открытый характер этой инициативы.

Согласно оценкам, к 2027 году Китай потратит на этот проект более одного триллиона долларов ⁴⁰¹. Хотя официальные сухопутные экономические коридоры китайской инициативы «Один пояс, один путь» не проходят через какие-либо арабские страны Ближнего Востока, этот регион считается одним из основных мест, в которых эта инициатива реализуется. В речи президента Си Цзиньпина по случаю Шестой министерской конференции Форума китайско-арабского сотрудничества (CASCF) в июне 2014г. присутствовала фраза о том, что страны региона представляют собой «естественных партнеров в совместном строительстве инициативы⁴⁰²».

---

³⁹⁹ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века. Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. 28 марта 2015. <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

⁴⁰⁰ Nedopil, Christoph. "Countries of the Belt and Road Initiative". 2021. Beijing, IIGF Green BRI Center, www.green-bri.org

⁴⁰¹ Morgan Stanley. "Inside China's plans to create a modern silk and road". 2018. <https://www.morganstanley.com/ideas/china-belt-and-road>

⁴⁰² Xi Jinping Attends Opening Ceremony of Sixth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum and Delivers Important Speech Stressing to Promote Silk Road Spirit and Deepen China-Arab Cooperation. 2014/06/05. Embassy of the People's Republic of China in Iraq. <http://iq.chineseembassy.org/eng/zygx/t1164662.htm>

Лидеры Китая и арабских стран трактовали «Один пояс, один путь» как важнейшую составляющую своих отношений, и проекты, уже принятые там к реализации китайскими компаниями, были помещены под эгиду упомянутой инициативы⁴⁰³.

В 2014 году данная инициатива была запущена в регионе, начиная с региона Персидского залива, и стала основной опорой китайской политики в отношении этого региона и основным направлением отношений между странами ССАГПЗ и Китаем. С тех пор произошла заметная эскалация китайской политики в регионе за счет частых визитов китайских официальных лиц в их страны с целью улучшения координации и консультаций с ними по проекту, кульминацией которых стал визит президента Китая в регион в январе 2016 г. Новый Шелковый путь был одним из главных мотивов Пекина, впервые выпустившего в январе 2016 года документ «China's Arab Policy Paper⁴⁰⁴». Этот проект был включен в повестку дня восьмой министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества, а в июле 2018 года Форум опубликовал «Декларацию действий по сотрудничеству между Китаем и арабскими государствами в рамках инициативы «Один пояс, один путь»⁴⁰⁵. Согласно декларации, обе стороны подчеркивают, что китайско-арабское сотрудничество в рамках BRI направлено на достижение общего развития для обеих сторон, содействие эффективному и ориентированному на результат сотрудничеству и устойчивому росту, и, в конечном итоге, цель - укрепить их отношения в политической, экономической, социальной и других областях, а также в сфере безопасности. Со своей стороны, страны региона заявили о своем участии в проекте, подписав соглашения об экономическом сотрудничестве и даже установив всеобъемлющие стратегические партнерские отношения с Китаем⁴⁰⁶.

---

⁴⁰³ Fulton. J. The GCC countries and China's Belt and Road Initiative: Curbing their enthusiasm? 17 October 2017. <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm>

⁴⁰⁴ China's Arab Policy Paper. January 2016. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml

⁴⁰⁵ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative

⁴⁰⁶ Lars Erslev Andersen, & Yang Jiang. Is China Challenging the US in the Persian Gulf? DIIS Report: 29 // Danish Institute for International Studies, 2014, p. 21; Jonathan Fulton. The G.C.C Countries and China's Belt and Road Initiative: Curbing Their Enthusiasm", Policy Analysis //Middle East Institute, Oct.17, 2017. <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road...>

С момента запуска инициативы «Один пояс, один путь» в 2013г. до 2018 года наибольший объем китайских инвестиций по регионам поступил в Европу, за ней следуют Африка к югу от Сахары, Восточная Азия, США, Ближний Восток и Северная Африка. Но в 2018 г. регион Ближнего Востока и Северной Африки занял второе место после Европы по объему инвестиций(см. таблицу No.10) так как в том году Европа получила около 47 млрд долл, а Ближний Восток и Северная Африка - около 28 млрд. Таким образом, направленность инвестиций на регион Ближнего Востока и Северной Африки значительно выросла⁴⁰⁷.

Таблица N.10. Доля Ближнего Востока и Северной Африки в общем объеме инвестиций в инициативу «Один пояс - один путь»						
год	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Процент от общего объема инвестиций	%8,53	%16,54	%14,53	%18,64	%16,75	%12,36
источник	Nedopil, Christoph (2021): “Investments in the Belt and Road Initiative”; Beijing, IIGF Green BRI Center, www.green-bri.org					

Ожидается, что регион Ближнего Востока и Северной Африки (MENA) будут играть центральную роль в повестке дня взаимодействия Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (BRI). Соединение китайских торговых центров, таких как Гонконг и Шэньчжэнь, с египетским Суэцким каналом, свободной зоной Джебель-Али в ОАЭ и особой экономической зоной Дукм в Омане является важной частью общих амбиций азиатского гиганта по увеличению торговых потоков. Значительной части стран Ближнего Востока нужна финансовая поддержка со стороны инвесторов с долгосрочными перспективами. Экономически развитый Китай, с крупными государственными предприятиями, такими как Промышленный и коммерческий банк Китая (ICBC), China Construction Bank (CCB) и Китайская государственная строительно-инженерная корпорация (CSCEC), стремится развивать, поддерживать и финансировать

⁴⁰⁷ The Belt and Road Initiative: China-Middle East Cooperation in an Age of Geopolitical Turbulence. // The Brookings Institution , Doha, Qatar .December 16–17, 2019. <https://www.brookings.edu/events/the-belt-and-road-initiative-china-middle-east-cooperation-in-an-age-of-geopolitical-turbulence/>

инфраструктуру, проекты в глобальном масштабе, в том числе в долгосрочной перспективе⁴⁰⁸.

Важность ближневосточного региона для китайской инициативы

Ближний Восток характеризуется ныне Пекином как один из важнейших регионов мира в силу его геостратегического положения. Он расположен на перекрестке трех континентов: Европы, Африки и Азии. Считается, что все эти континенты связаны с китайским проектом «Один пояс, один путь». Помимо Средиземного моря, Красного моря, Аравийского моря, Каспийского моря и Черного моря, Ближний Восток контролирует стратегические морские каналы: Босфор, Дарданеллы, Баб-эль-Мандеб и Ормузский пролив, Суэцкий канал, и через данные коридоры проходит большая часть китайской и мировой торговли. Это основная причина, по которой Ближний Восток является важной частью инициативы «Один пояс, один путь», которая заботится о безопасности судоходства в Китае. Большая часть грузов, перевозимых судами между Европой и Китаем, проходит через многие узкие места в этом регионе. Если эти узкие места прекратятся, они могут серьезно повлиять на поставки и цены на энергоносители, а также на мировые торговые потоки⁴⁰⁹.

По данным на 2007 год, 90% внешней торговли Китая проходит через океаны. Из них: 56% - через Южно-Китайское море - от Индийского океана до Ближнего Востока, Африки и Европы⁴¹⁰. Морской путь от Индийского океана до Красного моря и Суэцкого канала играет важную роль в морской торговле. Через него проходит около 10 процентов мировой морской торговли, включая большую часть ежедневного экспорта Китая в Европу на сумму 1 миллиард долларов⁴¹¹. Более того, Ормузский пролив, через который проходят 20 процентов мировых нефтяных судов, является самым важным нефтяным

---

⁴⁰⁸ BRI Connect: An Initiative in Numbers. Refinitiv – reports 2019.

https://www.refinitiv.com/content/dam/marketing/en_us/documents/reports/refinitiv-zawya-belt-and-road-initiative-report-2019.pdf

⁴⁰⁹ Len Christopher. China's 21st Century Maritime Silk Road Initiative, Energy Security and SLOC Access, Maritime Affairs // Journal of the National Maritime Foundation of India, 2015. 11:1, 1-18, DOI: 10.1080/09733159.2015.1025535 <https://doi.org/10.1080/09733159.2015.1025535>

⁴¹⁰ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей .М., 2015. С.168.

⁴¹¹ Braude, Joseph and Jiang, Tyler. Why China and Saudi Arabia are building bases in Djibouti //Huffington Post, 2016. 26 September. https://www.huffingtonpost.com/josephbraude/why-china-and-saudi-arabi_b_12194702.html

проходом в мире⁴¹². Таким образом, обеспечение этих узких мест в первую очередь отвечает интересам Китая. Страны Ближнего Востока обладают крупнейшими запасами нефти в мире, согласно официальной статистике за 2019 год, на них приходится 48,1% мировых запасов с расчетной производительностью 31,9% от мировой ежедневной добычи⁴¹³. Запасы газа составляют 38,0% мировых запасов газа, и добыча газа – 17,4% от суточной добычи в мире в 2019 году⁴¹⁴.

В 2019 году Китай импортировал 44,3% необходимой нефти из арабских стран Ближнего Востока⁴¹⁵. Кроме того, около 10-20% импорта природного газа Китаем также приходится на этот регион. Резюмируя сказанное, стоит отметить, что страны Ближнего Востока представляют собой потенциальные рынки, питающие Китай источники энергоресурсов и наконец, являются воротами для выхода на другие рынки в мире. А также влияние региона на движение мировой политики, как с точки зрения экономического и коммерческого значения, проистекающего из глобального транспортного движения, так и с точки зрения исторического и цивилизационного значения и его пересечения с другими цивилизациями. Этот регион также играет ключевую роль в координации безопасности, экономическом сотрудничестве и культурных обменах в рамках проекта «Один пояс, один путь».

Арабские страны Ближнего Востока в инициативе «Один пояс - один путь»

Ближневосточные арабские страны обнаружили огромную взаимодополняемость между своими экономическими и политическими целями и инициативой «Один пояс - один путь» и единодушно поддержали эту инициативу, либо формально подписав меморандумы о взаимопонимании с Китаем, либо выразив поддержку в своих публичных

---

⁴¹² Anthony H. Cordesman. How dangerous is Iran to international maritime security? // Joachim Krause and Sebastian Burns (eds) Routledge handbook of naval strategy and security. New York. 2016, 100–117 <https://www.scribd.com/document/470238771/Routledge-Handbook-of-Naval-Strategy-Security-Joachim-Krause-2016-pdf>

⁴¹³ Oil – BP Statistical Review of World Energy 2020. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

⁴¹⁴ Natural gas- BP Statistical Review of World Energy 2020. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

⁴¹⁵ Top 15 Crude Oil Suppliers to China <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/> /)

выступлениях⁴¹⁶. арабские страны и Лига арабских государств приняли также активное участие в первой сессии форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь», состоявшейся в Пекине в мае 2017 г. На второй сессии той же направленности, прошедшей в апреле 2019 г., было объявлено, что 19 арабских стран подписали документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс - один путь». В дополнение к уже имеющимся компонентам программы «Один пояс - один путь», форум 2017 г. огласил новое измерение - «цифровой шелковый путь».

Все арабские страны Ближнего Востока считаются участниками инициативы, До мая 2022 года, за исключением Иордании и Палестины, все они подписали соглашения или меморандумы о взаимопонимании в рамках инициативы с Китаем. Но не все из них получили инвестиции. В этом контексте арабские страны Ближнего Востока делятся на страны, подписавшие и получившие инвестиции (страны ССАГПЗ, Египет и Ирак), страны, подписавшие и не получившие инвестиции (Йемен, Ливан и Сирия), страны, которые не подписали, но получили инвестиции (Иордания) и страны, не подписавшие и не получившие инвестиций (Палестина). Возможности, предлагаемые инициативой арабским странам Ближнего Востока, различаются по нескольким соображениям, включая: расположение страны, ее размер, ее важность, ее политическую стабильность и безопасность, ее финансовое и экономическое благосостояние, имеющуюся инфраструктуру и объекты, которые данная страна предоставляет для инвестиций.

Страны ССАГПЗ в инициативе «Один пояс - один путь»

Взаимодействие Китая со странами ССАГПЗ строится главным образом на экономической основе. Это взаимодействие расширилось за счет Инициативы «Один пояс - один путь» (BRI) и Инициативы по морскому шелковому пути (MSR). Монархии Персидского залива рассматривают сотрудничество с Китаем через проекты MSR как средство продвижения программ экономического развития, необходимых для обхода экономики - рантье с одним ресурсом, а отношения с внешними державами - как средство

---

⁴¹⁶ Al-Aees Shaimaa. Chinese finance institutions immerse into Egypt's economy, pump dollars into market // Daily News Egypt. 2016. 1 September. <https://dailynewsegypt.com/2016/09/01/chinese-finance-institutions-immerse-egypts-economy-pump-dollars-market/>

обеспечения своей безопасности в нестабильном регионе ⁴¹⁷. Частые визиты высокопоставленных чиновников из Китая и стран Персидского залива предоставили возможность координировать эти планы с проектами BRI⁴¹⁸. Масштабы участия стран Персидского залива в инициативе «Один пояс - один путь» связаны, как минимум, с двумя факторами: первый - это финансовая ликвидность региона, а второй - мощность объектов инфраструктуры⁴¹⁹. Страны ССАГПЗ получили наибольшую долю китайских инвестиций в регионе.

Для Саудовской Аравии инициатива «Один пояс, один путь» увеличит экспорт саудовской нефти в Китай, что позволит стране сохранить или увеличить свой экспорт на китайский рынок и заменить падающий экспорт в США. Инициатива - это также возможность изменить стратегическое положение Королевства как глобального логистического центра, что является одной из целей «Saudi Vision 2030»⁴²⁰. Так, наследный принц Саудовской Аравии Мохаммед бен Салман назвал это «одним из основных столпов концепции Саудовской Аравии Vision 2030»⁴²¹. Ради достижения этой цели саудовский лидер в 2016 г. отправился в Китай в составе королевской делегации, включавшей также министров торговли, инвестиций, энергетики, промышленности и минеральных ресурсов, культуры, информации и информационных технологий. С их участием в Пекине была проведена панельная дискуссия на тему «Saudi Vision 2030 и Инициатива «Один пояс, один путь»: вместе ради перспективного будущего»⁴²². Кроме того, в ходе этого визита было подписано 15 двусторонних меморандумов о взаимопонимании по проектам, связанным с планом «Vision 2030» по диверсификации

---

⁴¹⁷ Fulton J. Domestic Politics as Fuel for China's Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies // Journal of Contemporary China. 2020. Volume 29. Issue 122. P.175-190

⁴¹⁸ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // The Middle East Institute. Oct 17, 2017. <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm>

⁴¹⁹ Liangxiang Jin and Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf. //Emirates Diplomatic Academy. June 2018. https://www.agda.ac.ae/docs/default-source/Publications/edainsight_beltandroad_en.pdf?sfvrsn=4

⁴²⁰ Saudi Vision 2030. <https://www.vision2030.gov.sa/>

⁴²¹ Fusing Vision 2030 with Belt Road Initiative // Arab News. September 3, 2016. <http://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia>

⁴²² Fusing Vision 2030 // Arab News. September 3, 2016. URL: <https://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia>

экономики Саудовской Аравии⁴²³. Далее, в марте 2017 г. состоялся государственный визит в Пекин короля Салмана, кульминацией которого явилось подписание сделок на сумму 65 млрд долларов. Кроме того, деловые круги двух стран подписали 22 соглашения о совместных инвестиционных проектах, многие из которых относились также и к программе Vision 2030⁴²⁴. Интересная подробность: группа китайских экспертов выдвинула инициативу о сооружении железной дороги между КНР и КСА через территории Афганистана, Ирана и сопредельных стран Залива. Однако в свете политической напряженности, сохраняющейся между странами ССАГПЗ и Ираном, шансы на реализацию подобной идеи пока невелики⁴²⁵. На встрече с президентом Си Цзиньпином в Китае в феврале 2019 года наследный принц Саудовской Аравии Мохаммед бин Салман заявил: «Инициатива Нового Шелкового пути во многом соответствует Видению Королевства Saudi Vision 2030⁴²⁶». Во время этого визита две страны подписали 12 соглашений и меморандумов о взаимопонимании в области возобновляемых источников энергии, морского транспорта, интеллектуальной собственности, киберпреступности, преступлений в сфере экономики и других⁴²⁷.

Объединенные Арабские Эмираты обладают внушительным потенциалом, который достаточен для того, чтобы стать ключевым координатором и заметным бенефициаром инициативы «Один пояс, один путь». Это федеративное монархическое государство занимает шестнадцатое место в отчете о глобальной конкурентоспособности, представленном на Всемирном экономическом форуме⁴²⁸. ОАЭ являются наиболее

⁴²³ Saudi Arabia Signs Initial Deals with China on Prince's Visit // Reuters. August 30, 2016. <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-agreements/saudi-arabia-signs-initial-deals-with-china-on-princes-visit-idUSKCN1151HT>

⁴²⁴ China, Saudi Arabia sign US\$65 billion in deals as King Salman starts Beijing visit. South China // Morning Post . March 16, 2017. <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2079528/china-saudi-arabia-sign-us65-billion-deals-king-salman>

⁴²⁵ Proposed China-Saudi freight railway will promote Silk Road Economic Belt (zhongsha huoyun tielu daidong silu jingjidai fazhan)// Chinese language. http://www.chinadaily.com.cn/micro-reading/2016-04/07/content_24345519.htm .

⁴²⁶ Chinese president meets Saudi crown prince. Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 22/ 2/ 2019. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gj...

⁴²⁷ الأمير محمد بن سلمان يلتقي الرئيس الصيني: شراكة استراتيجية شاملة بين البلدين", جريدة الرياض، 23 فبراير/شباط 2019، <http://www.alriyadh.com/1739611> (Accessed: August 20, 2021)

⁴²⁸ The Global Competitiveness Report 2016-2017 //World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf

важным коммерческим партнером Китая в арабском мире, и на них приходится 28 % всей китайской торговли в регионе, не связанной с нефтью ⁴²⁹. Инициатива будет способствовать дальнейшей экономической диверсификации в дополнение к превращению Дубая в важный международный финансовый центр в дополнение к его нынешнему положению в качестве логистического центра, что соответствует экономическим планам Dubai Vision 2021 и 2030 г. ⁴³⁰ Инициатива еще более упрочит преимущество ОАЭ как регионального центра финансовых операций – обстоятельство, которое придаст дополнительное ускорение также и финансовому сотрудничеству с Китаем.

Абу-Даби придает особое значение этой инициативе, особенно ее морской деятельности, и считает ее благоприятной возможностью для ее развития и инвестиционных устремлений на региональном и международном уровнях. В декабре 2016 г. Сельскохозяйственный банк Китая (АВС) получил разрешение на открытие в Эмиратах банка для расчетов в юанях, после чего в мае 2017 г. начал работу клиринговый банк АВС RMB в Дубае ⁴³¹. К концу того же года четыре китайских банка открыли здесь семь филиалов; ожидается, что они помогут в стимулировании роста торговли между двумя странами и изучении вопросов финансирования в рамках китайской инициативы. Помимо прочего, в ОАЭ проживает самая большая китайская община на Ближнем Востоке, включающая от 200 тыс. до 300 тыс. физических лиц и более 4200 компаний. Помимо филиалов четырех крупнейших банков Китая, в Дубае располагается центр валютных свопов, который в 2018 г. перевел почти 7 миллиардов долларов в транзакциях с китайскими юанями ⁴³². ОАЭ вложили 10 миллиардов долларов в совместный китайско-эмиратский инвестиционный фонд для поддержки проектов инициативы в Восточной

---

⁴²⁹ China-UAE Strong Ties & Surging Trade //Belt and Road News. July 19, 2020. URL: https://beltandroad.news/world/middle_east/china-uae-strong-ties-surgin-trade/

⁴³⁰ UAE Vision 2021. <https://www.vision2021.ae/en>; Abu Dhabi Economic Vision 2030 https://www.abudhabi.ae/cs/groups/public/documents/publication/mtmx/nju0/~edisp/adeqp_nd_131654_en.pdf

⁴³¹ Agricultural Bank of China starts RMB settlement in UAE. 10 May 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/10/c_136272388.htm

⁴³² Fulton J. China Is Becoming a Major Player in the Middle East. September 18, 2019. URL: <https://www.brinknews.com/china-is-becoming-a-major-player-in-the-middle-east/>

Африке⁴³³, и подписали 13 меморандумов о взаимопонимании с Китаем в 2018 году, чтобы инвестировать в различные области в ОАЭ⁴³⁴. Фактически, Китай вносит свой вклад в строительство инфраструктуры Эмиратов, успех Всемирной выставки Expo 2020 и расширение Джебель Али, чтобы он стал одной из самых важных свободных зон в мире⁴³⁵.

В Омане особая экономическая зона Дукм (SEZAD), закрепленная за портом Дукм, превращается в мощный производственный, логистический и инновационный центр, который пользуется преимуществами своего геостратегического положения за пределами торгового маршрута Ормузского пролива. Китайцы рассматривают Дукм как альтернативный путь на рынки Ближнего Востока и Африки. Таким образом, Wanfang China из Нинся-Хуэйского автономного района строит китайско-оманский промышленный парк площадью 40 000 квадратных метров в SEZAD, которая направлена на привлечение других китайских компаний инвестировать 10,7 млрд долларов в разработку⁴³⁶. Согласно документу SEZAD, компания Oman Wanfang планирует сотрудничать с китайскими инвесторами для создания 35 проектов в трех областях в SEZAD: тяжелая промышленность, легкая и средняя промышленность, а также туристическая зона⁴³⁷. Это дает стратегическую выгоду для обеих сторон; Это превращает Оман в крупнейший нефтехранилище на Ближнем Востоке и снижает зависимость Китая от прохода через Ормузский пролив⁴³⁸. В соответствии со своим Видением 2030 Оман стремится к 2030 году стать Особой экономической зоной в Дукме, предпочтительным

---

⁴³³ Daniel Kliman, & Abigail Grace. Power Play: Addressing China's Belt and Road Strategy // Asia-Pacific Security. Center for a New American Security. 2018. P. 20. <https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNASReport-Power-Play-Addressing-Chinas-Belt-and-Road-Strategy.pdf?mtime=20180920093003>

⁴³⁴ Mahmood M. Abdul Ghaffar. Strategic Development of Sino-GCC Relations: Visions of Arabian Gulf Economic Development and the Belt and Road Initiative" //Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. vol.12, no.4, 2018, p. 525.

⁴³⁵ Jonas Parelló-Plesner. The Oil Kingdom and the Middle Kingdom China's Gulf Connection // The American Interest. January 8, 2019. <https://www.the-american-interest.com/2019/01/08/chinas-gulf-connection/>.

⁴³⁶ BRI Connect: An Initiative in Numbers. Refinitiv report 2019. https://www.refinitiv.com/content/dam/marketing/en_us/documents/reports/refinitiv-zawya-belt-and-road-initiative-report-2019.pdf

⁴³⁷ The Special Economic Zone at Duqm. <https://www.duqm.gov.om>
https://www.duqm.gov.om/uploads/publications/en_SEZAD_Quarterly_Magazine_Issue_13.pdf

⁴³⁸ Fulton J. China in the Gulf: Chinese Investments Connected with the New Silk Road Initiative with Gulf Cooperation Council States. March 21, 2019. <https://www.eni.com/en-IT/global-energy-scenarios/china-new-silk-road.h...>

местом для диверсификации экономической деятельности, логистических операций и современной жизни в странах Совета сотрудничества стран Персидского залива⁴³⁹.

После объявления «Видения - Новый Кувейт 2035»⁴⁴⁰, направленного на сокращение зависимости Кувейта от экспорта нефти и превращение его в региональный финансовый и культурный центр, в Кувейте также подтверждают, что инициатива «Один пояс, один путь» поможет ему достичь целей, изложенных в этом проспекте⁴⁴¹. Китайский вице-президент посетил Кувейт в 2017 году, в котором он выразил поддержку Китаем кувейтского видения, объяснив, что это в значительной степени соответствует «Шелковой инициативе»⁴⁴². В этом эмирате планируют возвести «Шелковый город» – проект, который обойдется примерно в 100 млрд долл. и в итоге приведет к появлению нового транспортного, логистического и финансового центра. И это опять-таки будет «вкладом в копилку» китайской инициативы «Один пояс, один путь». На настоящее время в нефтяном, строительном и инфраструктурном секторах Кувейта трудятся около 40 китайских компаний. В рамках инициативы китайско-кувейтские отношения поднялись до уровня «стратегического партнерства», что привело к расширению сотрудничества в сферах энергетики, инфраструктуры, безопасности и борьбы с терроризмом⁴⁴³.

Инициатива «Один пояс, один путь» также была очень хорошо принята Катаром. На встрече с министром иностранных дел Китая Ван И в мае 2016 года Эмир Тамим выразил поддержку Катаром инициативы и «готовность активно участвовать в деле углубления сотрудничества с ним». Со своей стороны Ван И отметил, что Китай считает

⁴³⁹ The Special Economic Zone at Duqm. <https://www.duqm.gov.om> -(Accessed: August 25, 2021)

⁴⁴⁰ Kuwait National Development Plan. Vision of a new Kuwait by 2035 <https://www.newkuwait.gov.kw/home.aspx> (Accessed: August 25, 2021)

⁴⁴¹ Kuwait, China share enthusiasm on 'Belt and Road' economic initiative // Kuwait Time. 13 May 2017. URL: <http://news.kuwaittimes.net/pdf/2017/may/13/p03.pdf>

⁴⁴² Gordon Houlden, & Nouredin M. Zaamout, A New Great Power Engages with the Middle East: China's Middle East Balancing Approach. China Institute, University of Alberta, 2019, p.18. https://www.researchgate.net/publication/331072672_A_New_Great_Power_Engages_with_the_Middle_East_China%27s_Middle_East_Balancing_Approach?enrichId=rgreq-206c30cc72de8b794e110276478af890-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzMzMTA3MjY3MjU4ODkxNTk1NDA3MzZAMTU1MDA3Njg3MDE1MA%3D%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf

⁴⁴³ Xi Jinping Holds Talks with Kuwaiti Emir Sheikh Sabah Al-Ahmad Al-Jaber Al-Sabah. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China," July 9, 2018, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/xybfs_663590/gj...

Катар важным партнером в этой инициативе ⁴⁴⁴. Инициатива соответствует Национальному видению Катара на период до 2030 года “Qatar National Vision 2030⁴⁴⁵”. Особенно в контексте подготовки Катара к проведению чемпионата мира по футболу 2022 года; Китай широко участвует в создании инфраструктуры для этого форума, особенно стадиона Лусаил, и других инфраструктурных проектов, таких как порт Хамад. Инициатива также расширила объем китайских инвестиций в катарский газ. только в 2014 г. были подписаны сделки на сумму 8 млрд долларов⁴⁴⁶. Правда, с того времени активность катарцев по линии названной китайской программы несколько понизилась. Тем временем Китай открыл два валютных клиринговых центра в Катаре и ОАЭ, а также учредил два совместных инвестиционных фонда с этими двумя странами на общую сумму 20 млрд долларов⁴⁴⁷.

В том же ключе оценивает инициативу «Один пояс - один путь» Манама, проводя связь с Экономическим видением Бахрейна на период до 2030 года⁴⁴⁸. Бахрейн очень полагается на инициативу по реализации своего экономического видения. Например, в декабре 2019 года Бахрейн в рамках китайской инициативы начал строительство города «Шарк Ситра» для китайской инженерной компании «СМЕС» – крупнейшего жилого района, который будет построен в Бахрейне⁴⁴⁹.

Таким образом, стремление к сопряжению инициативы «Один пояс, один путь» с планами развития стран Персидского залива было перенесено на уже существующий задел в отношениях, который успели наработать китайские компании в рамках осуществлявшихся ранее инфраструктурных и строительных проектов. Инициатива «Один пояс, один путь» будет способствовать развитию стратегических отношений с

---

⁴⁴⁴ Emir Tamim bin Hamad Al Thani of Qatar Meets with Wang Yi. // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China, 2016/05/11. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gj...

⁴⁴⁵ Qatar National Vision 2030. <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-QNV-English.pdf>

⁴⁴⁶ Peter Alagos. Qatar and China Sign \$8bn Infrastructure Deals // Gulf Time., April 8, 2015. URL: <https://www.gulf-times.com/story/434171/Qatar-and-China-sign-8bn-infrastructure-deals-in-1>

⁴⁴⁷ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative.

⁴⁴⁸ Celebrating 30 Years of China-Bahrain bilateral ties. Dr. Anwar Alabdulla, Ambassador of the Kingdom of Bahrain to China. //Global Times, September 29, 2019. <https://www.globaltimes.cn/content/1165859.shtml>

⁴⁴⁹ Bahrain awards \$691 million Housing contract to Chinese Firm. //Belt and Road News. December 24, 2019. <https://www.beltandroad.news/bahrain-awards-691-million-housing-contract-to-chinese-firm/>

Китаем, основанных на том, что Пекин полагается на страны Персидского залива в вопросах энергетической безопасности⁴⁵⁰. BRI может стать новой возможностью для стран Персидского залива присоединиться к новой волне глобализации. Они смогли извлечь выгоду из первой волны глобализации благодаря своему статусу крупных поставщиков энергии. Поскольку энергия по-прежнему является важным компонентом экономической структуры, эта инициатива может стимулировать региональное объединение энергоносителей, включая передачу электроэнергии, газопроводы и стратегические предприятия по обеспечению энергетической безопасности, такие как услуги по хранению. Заглядывая в будущее, страны Персидского залива также могут воспользоваться возможностями, открывающимися благодаря BRI, для диверсификации своих экономических структур. Усилия по снижению экономической зависимости от экспорта энергоносителей и дальнейшему продвижению их развивающегося статуса как финансовых, логистических и переходных узлов могут получить серьезный импульс благодаря участию в проектах BRI⁴⁵¹.

АРЕ в инициативе «Один пояс - один путь»

Египет также имеет большие интересы в Инициативе «Один пояс, один путь» для развития инфраструктуры, особенно в области энергетики и транспорта, и в разработке проекта развития коридора Нового Суэцкого канала⁴⁵². В дополнение к согласованности его осей со многими приоритетами развития и национальными планами Египта в соответствии с планом Египта по устойчивому развитию до 2030 года⁴⁵³. Планы Египта относительно Суэцкого канала согласуются с обширной программой инициативы «Один пояс, один путь» с точки зрения выполнения своей роли и превращения его в логистический центр для судов и товаров, а также увеличит количество судов, проходящих через канал, что позволит принести Египту большие выгоды, привлекая

---

⁴⁵⁰ Robin Mills. Sarmad Ishaq. Roa Ibrahim. Aaron Reese. China's Road to the Gulf Opportunities for the GCC in the Belt and Road initiative .Project: GCC and the Belt and Road Initiative. October 2017.

⁴⁵¹ Liangxiang Jin and Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf. Emirates Diplomatic Academy. June 2018.

https://www.agda.ac.ae/docs/default-source/Publications/edainsight_beltandroad_en.pdf?sfvrsn=4

⁴⁵² China Voice: closer partnership as “Belt and Road” meets Suez canal corridor //Xinhuanet . 2016. 20 January. <http://www.scio.gov.cn/32618/Document/1465012/1465012.htm>)

⁴⁵³ Egypt Vision. .2030 <https://mped.gov.eg/EgyptVision> (Accessed: August 27, 2021)

огромные китайские инвестиции, особенно в экономическую зону Суэцкого канала (SCZone), где сосредоточена большая часть инвестиций, а также это увеличит возможности трудоустройства. Например, с завершением китайского текстильного проекта в Садат-Сити, который направлен на открытие более 500 фабрик, обеспечивающих около 160 000 рабочих мест⁴⁵⁴.

Государственное предприятие Тяньцзиньского экономического и технологического развития (TEDA), находящееся в Тяньцзине, также известное как TEDA Investment Holding Co., Ltd., было одним из первых инвесторов в зоне совместного экономического сотрудничества Китая и Египта; оно составляет треть египетской зоны Суэцкого канала и расширяется на втором этапе. В настоящее время TEDA развивает промышленную зону площадью 7,23 квадратных километра в Айн-Сохне на побережье Красного моря, при этом на первом этапе будет построено 68 предприятий, занятых в различных сферах производства⁴⁵⁵. В 2017 году Египет подписал сделку по легкорельсовому транспорту на сумму 1,24 миллиарда долларов с Китайской авиационной промышленностью корпорации (AVIC International) и China Railway Group⁴⁵⁶. В соответствии с соглашением Национальное управление туннелей Египта (NAT), китайская компания AVIC International и China Railway Group построят 66-километровую сеть с 11 станциями, по которым поезда будут курсировать со скоростью до 120 километров в час в прилегающие районы Каира. Инициатива «Один пояс, один путь» согласуется с предлагаемыми инициативами, такими как саудовская концепция «сухопутного» транспортного маршрута, и хорошо интегрируется с существующими инвестициями в Персидском заливе, такими как развитие Египта при поддержке Саудовской Аравии и ОАЭ, тем самым

---

⁴⁵⁴ منتدى التعاون الصيني العربي , خبير مصري: مبادرة "الحزام والطريق" تتيح التكامل بين الدول المشاركة ومصر استفادت منها كثيرا- China Arab State Cooperation Forum. 19-10-2020

(Форум китайско-арабского сотрудничества. Инициатива «Один пояс - один путь» позволяет интегрировать страны-участницы, и Египет извлек из этого большую выгоду)

<http://www.chinaarabcf.org/ara/zagx/rwjl/t1824972.htm> (Accessed: August 27, 2021)

⁴⁵⁵ BRI Connect: An Initiative in Numbers | Refinitiv.report 2019.

https://www.refinitiv.com/content/dam/marketing/en_us/documents/reports/refinitiv-zawya-belt-and-road-initiative-report-2019.pdf

⁴⁵⁶ Reuters.Egypt signs \$1.24 bln light rail deal with AVIC, China Railway Group //Xinhua. AUGUST 16, 2017. <https://www.reuters.com/article/china-egypt-railway-idUSL4N1L23JR> (Accessed: August 29, 2021)

продвигая стратегические цели политики, поддерживающие стабильность Египта⁴⁵⁷. В сентябре 2018г. визит президента Египта Абдель-Фаттаха Ас-Сиси в Китай ознаменовался подписанием соглашений на сумму около 18,3 млрд долл. по реализации семи проектов в Египте⁴⁵⁸. Они включали проект гидроаккумулирующей гидроэлектростанции в Атаке, угольную электростанцию Хамравейн, нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс в экономической зоне Суэцкого канала, текстильную фабрику Shandong Ruyi Technology Group, фабрику гипсокартона группы Tai Shan и других производителей. фабрика текстильных изделий компании Xiamen Yanjiang New Materials. Соответственно, эта инициатива открывает путь для многих мегапроектов, которые позволят Египту зарекомендовать себя в качестве ключевой и эффективной страны в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Палестина, Йемен в инициативе «Один пояс - один путь»

В свете кризисов, которые переживают эти государства, и необходимости привлечения инвестиций, эта инициатива дает возможность восстановления в странах, переживших конфликты, перспективы экономического развития и диверсификации экономики для достижения стабильности и экономического процветания. Хотя относительно нестабильная ситуация в некоторых из этих стран не стимулирует Китай к инвестированию.

Важность проекта Шелкового пути для Ирака заключается в том, что он дает возможность дополнительной поддержки, чтобы иметь возможность восстановить инфраструктуру и, чтобы Ирак был более эффективным в своем окружении⁴⁵⁹. Положительные эффекты инициативы «Один пояс, один путь» отразятся на Ираке и его значении в регионе, что восстановит его ключевую роль в торгово-экономических обменах, как это было на старом

⁴⁵⁷ Robin Mills. Sarmad Ishfaq. Sarmad Ishfaq. Roa Ibrahim. Aaron Reese. China's Road to the Gulf Opportunities for the GCC in the Belt and Road initiative. Project: GCC and the Belt and Road Initiative. (October 2017).

⁴⁵⁸ Ahram Onlin. Egypt's Sisi witnesses signing of \$18 billion in contracts with Chinese companies. 2 Sep 2018. <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/310736/Business/Economy/Egypt's-Sisi-witnesses-signing-of--billion-in-contr.aspx> (Accessed: August 29, 2021)

⁴⁵⁹ نور عطية عبد السالم الحضيري، التعاون الإقتصادي بين الصين والعراق، الفرص والتحديات، من كتاب العلاقات الدبلوماسية بين العراق والصين بمناسبة الذكرى الستون، سفارة جمهورية العراق، بكين، ٢٠١٨، ص٤٦.

(Нур Аттиа Абдул Салем Аль-Хадири. Экономическое сотрудничество между Китаем и Ираком, возможности и вызовы //Дипломатические отношения между Ираком и Китаем (в связи с шестидесятилетием. Посольство Республики Ирак, Пекин, 2018, стр. 46).

Шелковом пути, и укрепит отношения, связывающие Ирак со странами, которые встают на путь китайской инициативы, особенно в торгово-экономической сфере⁴⁶⁰. С китайскими компаниями была достигнута договоренность о строительстве в Ираке трех фабрик по производству керамики и картона общей стоимостью около 980 млн долл. Проект включает в себя керамическую фабрику за 600 млн долл., фабрику цветной керамики за 280 млн и фабрику по производству картона за 100 млн долларов⁴⁶¹.

Иракская компания Basra Oil подписала контракт с китайской компанией (China's Nilong Oil Service & Engineering Co.) на разработку и завершение 80 нефтяных скважин на гигантском нефтяном месторождении Маджнун в мухафазе Басра, южный Ирак, стоимостью 54 миллиона долларов США. Еще один контракт был подписан между ВОС и иракской буровой компанией на бурение 43 нефтяных скважин на нефтяном месторождении Маджнун с ориентировочной стоимостью 255 миллионов долларов США⁴⁶².

Участие Сирии в инициативе «Один пояс - один путь» было в центре внимания министра иностранных дел Китая во время его знакового визита в Дамаск 17 июля 2021 года, когда он сказал Б.Асаду: «Китай твердо поддерживает Сирию в улучшении благосостояния сирийского народа и ускорении процесса восстановления, приветствуя при этом Сирию в качестве нового партнера в совместном строительстве инициативы «Один пояс, один путь». Китай твердо поддерживает Сирию в противодействии односторонним санкциям и борьбе с террористическими силами в любой форме»⁴⁶³. Одним из результатов этого визита стало то, что Сирия в январе 2022 г. подписала меморандум о взаимопонимании с Китаем в отношении инициативы «Пояс и путь»⁴⁶⁴. В

---

⁴⁶⁰ محمد كريم الخاقاني العراق ومبادرة الحزام والطريق : العوائد والتحديات- مركز رواق بغداد للسياسات العامة- 15 تموز 2021 (Мухаммад Карим аль-Хакани. Ирак и инициатива «Один пояс, один путь: успехи и вызовы» Багдад, Центр государственной политики, 15 июля 2021 г.) <https://rewaqbaghdad.org/home/ViewArticlesNews/83> <https://rewaqbaghdad.org/Data/Images/8e8edb2c-f177-4f19-b956-b5b64e7b8764.pdf>

⁴⁶¹ A Billion Dollar to be invested in Iraqi Factories by Chinese // Belt & Road News. July 20, 2021. <https://www.beltandroad.news/a-billion-dollar-to-be-invested-in-iraqi-factories-by-chinese/>

⁴⁶² Iraq signs contract with Chinese oil company to complete 80 wells in Iraq. Xinhua| 2019-09-07 http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/07/c_138371964.htm

⁴⁶³ Syrian President Bashar al-Assad Meets with Wang Yi .2021/07/18 //Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1892970.shtml

⁴⁶⁴ Syria, China sign MoU in framework of Silk Road Economic Belt Initiative. // Sana news agency. 12 January .2022 <https://sana.sy/en/?p=260411>

своем выступлении после подписания меморандума о взаимопонимании посол Китая в Дамаске Фэн Бяо сказал: «Подписание меморандума о взаимопонимании углубляет сотрудничество между двумя странами, внося наибольший вклад в экономическое восстановление и социальное развитие в Сирии, это также способствует гармонизации между ОПОП и стратегией марша на восток, предложенной Сирией»⁴⁶⁵. «Шелковый путь - это не Шелковый путь, если он не проходит через Сирию, Ирак и Иран»⁴⁶⁶, - сказала Бутайна Шаабан, советник по СМИ при президенте Сирийской Арабской Республики, отметив важность инициативы «Один пояс, один путь». Эта инициатива соответствует объявленной сирийским правительством стратегии «марша на восток» для противодействия западным экономическим санкциям. Сирийская экономика серьезно пострадала в результате несправедливых экономических санкций, введенных Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом и некоторыми арабскими странами, что привело к значительному и беспрецедентному снижению валового внутреннего продукта. Экономический рост снизился в среднем с (5%) в год в период между 2000-2010 годами до примерно(-11,5%) в среднем в течение кризисных 2011-2015 гг.⁴⁶⁷. С введением западных санкций в отношении Сирии Китай, вероятно, станет для Дамаска все более важным глобальным партнером, который может помочь уравновесить давление Запада. Поскольку у России и Ирана не хватает финансовой мощи, а Соединенные Штаты и Европа отказываются вести дела с сирийским правительством, Китай, с точки зрения Сирии, предстает сияющим рыцарем на белом коне⁴⁶⁸. Сирия может стать крупным узлом инфраструктуры и телекоммуникаций Китая, а также энергетической инициативы «Один пояс, один путь» (BRI). Поэтому сирийское правительство возлагает большие надежды на усилия Китая на этапе восстановления. В 2017г. Китай провел «Первую торговую ярмарку проектов реконструкции Сирии», в

⁴⁶⁵ Syria joins China's Belt & Road Initiative. //Xinhua. 01-13-2022.

<https://english.news.cn/20220113/819fc4163f384be6b8fd2f2f4d9956a1c/c.html>

⁴⁶⁶ Syrian Arab News Agency, Shaaban: China's invitation to Syria to participate in Belt and Road Forum defies U.S. sanctions. 26 April 2019 <http://sana.sy/en/?p=164263> (Accessed: August 30, 2021)

⁴⁶⁷ تأثيرات الازمة في الاقتصاد السوري . مركز دمشق للأبحاث والدراسات (مداد), دمشق 2017 , ص 10

(Последствия кризиса для сирийской экономики. Дамасский центр исследований 2017. С. 10.)

<http://www.dcrs.sy/%D8%AA%D8%A3%D8%AB%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%8>

⁴⁶⁸ Giorgio Cafiero. China plays the long game on Syria. February 10, 2020. // The Middle East Institute <https://www.mei.edu/publications/china-plays-long-game-syria> (Accessed: 2 September 2021)

которой приняли участие более 1000 китайских компаний, и пообещал выделить 2 млрд долл. на строительство промышленных парков⁴⁶⁹. Кроме того, более 200 китайских компаний приняли участие в 60-й Международной торговой ярмарке в Дамаске в 2018г., подписав различные деловые сделки, от относящихся к торговле стройматериалами до оборудования сталелитейных заводов⁴⁷⁰. В 2019г. президент Асад подчеркнул, что основные международные покровители режима смогут получить доступ к прибыльным проектам восстановления в Сирии, отметив, что «дружественные страны, такие как Китай, Россия и Иран, будут иметь приоритет в этом восстановлении⁴⁷¹». В 2018г. председатель Си Цзиньпин объявил, что Китай предоставит странам Ближнего Востока 20 млрд долл. в виде займов и 106 млн долл. финансовой помощи⁴⁷². Хотя точная сумма, выделенная Сирии, осталась неизвестной, но сообщалось, что Йемену, Иордании, Ливану и Сирии вместе взятым было выделено только 90 млн долл.⁴⁷³. Хотя нестабильная ситуация в Сирии из-за того, что некоторые районы оставались вне контроля сирийского государства, не побуждала Китай инвестировать в Сирию, приобщение Сирии к китайской Инициативе очевидно.

Что касается Иордании, хотя она переживает исключительные обстоятельства и сталкивается с множеством экономических проблем, имеющиеся у нее возможности и перспективы развития позволяют ей добиться качественного скачка во многих областях за счет активного участия в Инициативе «Один пояс - один путь»⁴⁷⁴. Иордания, которая отличается своим стратегическим положением и замечательной стабильностью в регионе,

---

⁴⁶⁹ Harvey Morris, China extends helping hands to rebuild Syria // China Daily, 10 February 2018. <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/10/WS5a7e4f48a3106e7dcc13bee2.html> (Accessed: 2 September 2021)

⁴⁷⁰ Damascus Int'l Fair kicks off to promote investment chances in Syria. //Xinhua. 2018-09-07 http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/07/c_137450528.htm

⁴⁷¹ Going Underground's World Exclusive Interview with Syria's President Bashar al-Assad. <https://www.youtube.com/watch?v=1J3b14SkXtU> (Accessed: 2 September 2021)

⁴⁷² China's Xi pledges \$20 billion in loans to revive Middle East. // Reuters. JULY 10, 2018 <https://www.reuters.com/article/us-china-arabstates/chinas-xi-pledges-20-billion-in-loans-to-revive-middle-east-idUSKBN1K0072> (Accessed: 4 September 2021)

⁴⁷³ Fulton J. China's Changing Role in the Middle East //Atlantic Council, 2019. https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/06/Chinas_Changing_Role_in_the_Middle_East.pdf

⁴⁷⁴ الدكتور محمد أبوحمور – صحيفة الرأي . الأردن ومبادرة الحزام والطريق..هل من فرصة لاغتنامها؟! 14/01/2020 (Мухаммад Абу Хаммур Иордания и инициатива «Один пояс, один путь». Есть ли возможность ею воспользоваться? //«Ар-Раай». 14.01.2020).

изобилующем конфликтами, может стать воротами и отправной точкой для развития и восстановления соседних стран, а Иордания может воспользоваться инициативой для модернизации инфраструктуры в королевстве и продвигаться вперед в своем развитии с помощью качественных проектов с многообещающим влиянием в будущем, таких как железнодорожный проект, который может связать различные страны региона, а наличие высококвалифицированных человеческих ресурсов может позволить Иордании превратиться в центр для передовых технологических отраслей и пристанище для передовых отраслей. Посол Китая в Иордании Чен Чуандун подтвердил, что его страна поддерживает участие Иордании в Инициативе «Один пояс, один путь», а также готовность Китая согласовать стратегии развития с иорданской стороной, усилить дополнительные преимущества, углубить сотрудничество в сферах энергетики, связи и строительства инфраструктуры, и производственные мощности, и стимулировать инвестиции в Иорданию⁴⁷⁵.

Далее, участие Ливана в инициативе способствует запуску экономики, чтобы компенсировать резкое снижение роста и занятости с начала сирийского кризиса. Китайцы в настоящее время работают над укреплением своего экономического присутствия в регионе через Ливан, готовясь к участию в процессе восстановления в Сирии и Ираке. Лу Цзяньчжун, президент Международной торговой палаты Шелкового пути, сказал: «Китай заинтересован в том, чтобы сделать Ливан центром арабской торговли и транзита Китая в регион через него»⁴⁷⁶. Китайцы в настоящее время ищут выходы на порт Триполи, который мог бы стать крупным перевалочным центром для восточного Средиземноморья, потому что до войны порты Ливана использовались для перевозки грузов в Сирию и даже Ирак, минуя более длинный морской путь через Суэцкий канал и вокруг Аравийского полуострова, также с китайскими инвесторами

---

⁴⁷⁵ السفارة الصينية في الأردن تقيم ندوة افتراضية للاحتفال بالذكرى المئوية لتأسيس الحزب الشيوعي الصيني 02/08/2021 (Посольство Китая в Иордании проводит виртуальный семинар, посвященный столетию со дня основания Коммунистической партии Китая. 2021/08/02).

<https://www.fmprc.gov.cn/ce/cejo/ara/dtxw/t1896925.htm> (Accessed: 5 September 2021)

⁴⁷⁶ Adonis Assaad. China's Silk Road and Lebanon. June 3, 2021. // The Foreign Policy Youth Collaborative. <https://fpyouthcollab.org/our-content/international-works/chinas-silk-road-and-lebanon/>

говорили о реабилитации железнодорожной сети между Триполи и Хомсом⁴⁷⁷. С запланированной специальной экономической зоной Триполи, прилегающей к порту, Триполи мог бы стать полезным центром для Сирии и позволить Китаю через IBR играть конструктивную роль в усилиях по постконфликтному восстановлению и стабилизации⁴⁷⁸. В последние годы китайская сторона увеличила объем гуманитарной помощи натурой, такой как палатки, медицинское оборудование и продовольственная помощь, ливанскому правительству или через агентства ООН, чтобы ослабить давление на Ливан со стороны беженцев и перемещенных лиц. Новый проект Ливанской национальной высшей консерватории музыки, финансируемый правительством Китая, является крупным культурным дорожным проектом в рамках совместного строительства «Пояса и пути» между Китаем и Ливаном. Подготовительные работы по этому проекту завершены, и временная строительная площадка началась⁴⁷⁹.

Бывший министр экономики Палестинской автономии Абир Одех сказал «Синьхуа», что палестинцы с нетерпением ждут на официальном и народном уровнях инициативы «Один пояс, один путь» для привлечения инвестиций, достижения торгового обмена и экономического развития, отметив, что Палестина недавно предложила китайской экономической делегации создание железной дороги, связанной как с Западным берегом, так и с сектором Газа, и создание промышленных зон, которые служат для расширения торгового обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь»⁴⁸⁰.

Йемен занимает важную стратегическую позицию в проливе Баб-эль-Мандаб, что привлекло внимание Пекина. Китай был крупнейшим торговым партнером Йемена и главным источником инвестиций и помощи до войны. Инициатива «Один пояс - один

⁴⁷⁷ Philip Issa. Lebanon prepares for Syria's post-war construction windfall //Associated Press August 17, 2017. https://apnews.com/article/syria-ap-top-news-international-news-lebanon-damascus-b3491b276c8446e3acf8e445890d3bac?utm_campaign=SocialFlow&utm_source=Twitter&utm_medium=AP

⁴⁷⁸ Christina Lin (2017). The Belt and Road and China's Long-Term Visions in the Middle East// Issam Fares Institute for Public Policy and International Affair. www.aub.edu.lb/ifi.

⁴⁷⁹ مقابلة سعادة السفير الصيني وانغ كيجيان مع موقع لبنان 24 - 25/02/2020 (Интервью посла Китая Ван Кэцзяня веб-сайту Ливана, 24 февраля - 25 февраля 2020 г.) <http://lb.china-embassy.org/eng/xwtd/t1749057.htm> (Accessed: 7 September 2021)

⁴⁸⁰ مقالة خاصة: الفلسطينيون يتطلعون إلى تنمية اقتصادهم عبر مبادرة الحزام والطريق 2017-12-11 (Палестинцы стремятся развивать свою экономику с помощью инициативы «Один пояс, один путь» // Xinhua . 11-12-2017)- http://arabic.news.cn/2017-12/11/c_136817551.htm (Accessed: 7 September, 2021)

путь» – это возможность восстановить Йемен, построить инфраструктуру и омолодить страну после войны. Посол Китая в Йемене Тянь Ци сказал: «Китай готов активно участвовать в восстановлении экономики Йемена и продвигать взаимовыгодное сотрудничество в следующих трех областях после прекращения конфликта в Йемене и восстановления мира и стабильности. Во-первых, осуществлять взаимовыгодное сотрудничество в строительстве портов, железных дорог и автомагистралей, различной инфраструктуры, а также в укреплении связей и взаимозависимости. Во-вторых, укрепление сотрудничества в области производственных возможностей, Китай выделяется техническим оборудованием и производственными мощностями, которые могут помочь Йемену ускорить процесс индустриализации и повысить его потенциал для саморазвития. В-третьих, расширение культурного обмена, Китай и Йемен принадлежат к древним цивилизованным странам. У них глубокое и богатое культурное наследие, и их культурные обмены не только способствуют укреплению взаимопонимания и дружбы между двумя народами, но и помогают продвигать китайско-арабскую цивилизацию на взаимовыгодный диалог и укрепление китайско-арабской дружбы»⁴⁸¹.

Данная инициатива дает этим странам возможность оправиться после войн, смягчить экономические кризисы и уравновесить давление Запада. Инвестиции, предлагаемые инициативой, также предоставляют возможность для реконструкции и предоставляют множество возможностей для трудоустройства, эти страны мечтают об улучшении и укреплении своей экономики, чтобы поддерживать основу социальной стабильности в государстве.

Какие риски связаны с этой инициативой для стран региона?

Инициатива «Один пояс, один путь» также вызвала более широкие дискуссии о ее рисках, особенно в отношении политического влияния Китая. Согласно одной из точек зрения, экономические цели Инициативы «Один пояс - один путь» - это в первую очередь средство достижения большей геополитической гегемонии, и поэтому эта инициатива продиктована амбициями Китая сломать структуру нынешнего альянса США в Азиатско-

---

⁴⁸¹ قبول سعادة السفير الصينى لدى اليمن تيان تشى تغطية اعلامية صينية ويمنية حول بناء " الحزام والطريق". 28/05/ 2017 (Посол Китая в Йемене Тянь Ци принял освещение в китайских и йеменских СМИ строительства «Пояса и пути».28.05.2017). <https://www.fmprc.gov.cn/zalt/ara/yjzs/t1465958.htm>

Тихоокеанском регионе и расширить его глобальное влияние⁴⁸². Помимо роли государственных предприятий и потенциальных долговых проблем стран-бенефициаров. Что касается арабских стран Ближнего Востока, можно говорить о следующих рисках: долговая нагрузка, неравномерное распределение преимуществ и усиление региональной конкуренции, Риски, возникающие из-за неравенства возможностей, риски, связанные с крупными инфраструктурными проектами, экологические риски, возможные риски, связанные с национальной безопасностью и другие.

Утверждения о «дипломатии долговых ловушек» - термин, появившийся в аналитических центрах Нью-Дели - были особенно влиятельными, поскольку они относятся к числу опасностей, о которых больше всего говорят или рекламируют. Термин, используемый бывшим вице-президентом США Майком Пенсом в последние дни работы администрации в 2018 году - как свидетельство об амбициях Китая⁴⁸³. В 2020 году бывший генеральный прокурор Уильям Барр заявил, что Пекин «обременяет бедные страны долгами, отказывается пересматривать условия, а затем берет под свой контроль инфраструктуру⁴⁸⁴». Необходимость предоставить объекты инфраструктуры в рамках инициативы очень дорого обходится, и инвестиции происходят в контексте увеличения государственного долга. По оценкам, объем торговли в странах, расположенных вдоль коридоров инициативы, на 30% ниже ее потенциала, а прямые иностранные инвестиции на 70% ниже ее потенциала⁴⁸⁵. Представители ЕС публично отвергли возможность

---

⁴⁸² Zhang, Shu, and Matthew Miller. Behind China's Silk Road Vision: Cheap Funds, Heavy Debt, Growing Risk. //Reuters News, 2017. May 15. <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-finance/behind-chinassilk-road-vision-cheap-funds-heavy-debt-growing-riskidUSKCN18B0YS> ;U.S. Department of Defense. 2018. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. January 19. <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> ; Tellis, Ashley J. April 25, 2017. Protecting American Primacy in the Indo-Pacific. Testimony before the U.S. Armed Service Committee, Carnegie. <https://carnegieendowment.org/2017/04/25/protecting-american-primacy-in-indo-pacific-pub-68754>; Mitchell, Tom. 2018. Beijing Insists BRI is no Marshall Plan. // The Financial Times. September 26. <https://www.ft.com/content/48f21df8-9c9b-11e8-88de-49c908b1f264>

⁴⁸³ Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. FOREIGN POLICY. Issued on: October 4, 2018. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (Accessed: 8 September 2021)

⁴⁸⁴ Transcript of Attorney General Barr's Remarks on China Policy at the Gerald R. Ford Presidential Museum. Grand Rapids, MI ~ Friday, July 17, 2020. <https://www.justice.gov/opa/speech/transcript-attorney-general-barrs-remarks-china-policy-gerald-r-ford-presidential-museum> (Accessed: 8 September 2021)

⁴⁸⁵ The World Bank, s report 2019. Belt and Road Economics, Opportunities and Risks of Transport Corridors <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/9781464813924.pdf>

присоединения к Инициативе «Один пояс, один путь» в качестве блока⁴⁸⁶. В том же ключе официальные лица США критиковали инициативу «Один пояс, один путь» как «государственные инициативы с множеством ограничений», утверждая, что они не смогли увеличить количество рабочих мест на местном уровне и обременяли бедные страны «огромным уровнем долга⁴⁸⁷». Несмотря на критику со стороны США и других стран, до сих пор невозможно доказать намерения Китая в отношении долга, а напротив «дипломатия долговых ловушек» была опровергнута все большим числом ученых и аналитиков⁴⁸⁸.

Между тем, риски долгового бремени арабских стран связаны не столько с намерениями Китая, сколько с реальностью долгов в арабском регионе и его способностью нести большее бремя. Возвращаясь к реальности долга в регионе, согласно отчету Всемирного банка⁴⁸⁹, пандемия короны увеличила государственный долг стран Ближнего Востока и Северной Африки, а государственные доходы с поправкой на инфляцию в регионе снизились на 24% в 2020 году. Всемирный банк ожидал, что государственный долг вырастет с 46% ВВП в 2019 году до 54% к концу 2021 года. Такое увеличение явилось бы самым быстрым накоплением государственного долга как доли производства в регионе в двадцать первом веке. Среди групп стран региона страны-импортеры нефти имеют самый высокий уровень долга - около 93% ВВП в 2021 году. (см. таблицу No.11)

---

⁴⁸⁶ EURACTIV. 2019. European Bloc not Considering Joining China's Belt and Road Plans. April 26. <https://www.euractiv.com/section/eu-china/news/european-bloc-not-considering-joining-chinas-belt-and-road-plans/>

⁴⁸⁷ Gan, Nectar, and Robert Delaney. 2019. United States under Donald Trump Is Veering away from China's Belt and Road. // South China Morning Post, April 25. <https://www.scmp.com/news/china/article/3007504/unitedstates-under-trump-veering-away-chinas-belt-and-road>

⁴⁸⁸ Deborah Brautigam and Meg Rithmire. The Chinese 'Debt Trap' Is a Myth //The Atlantic. February 6, 2021- <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/> ;Matt Ferchen, Anarkalee Perera . Why Unsustainable Chinese Infrastructure Deals Are a Two-Way Street //The Carnegie-Tsingua Center for Global Policy. (JULY 23, 2019).: <https://carnegietsinghua.org/2019/07/23/why-unsustainable-chinese-infrastructure-deals-are-two-way-street-pub-79548>; Deborah Brautigam. Is China the World's Loan Shark? //The New York Times. April 26, 2019; Lee Jones (October 9, 2020). China's Belt and Road Initiative Is a Mess, Not a Master Plan. Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/2020/10/09/china-belt-and-road-initiative-mess-not-master-plan/>

⁴⁸⁹ WORLD BANK REOPRT.2021. Living with Debt: How Institutions Can Chart a Path to Recovery in the Middle East and North Africa. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35275/9781464816994.pdf>

Таблица № 11. Обзор долга арабских стран Ближнего Востока

		Public Debt		Public Domestic Debt		Public External Debt		External Debt to Official Debtor	Public & Private External Debt		Interest Payments for Public Debt		Moody's Rating: Foreign Currency Long World Term Debt	
		World Bank's MPO		World Bank's MPO		World Bank's MPO		World Bank's IDS	IMF's WEO		World Bank's MPO			
		2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2019	2020	2019	2020	1/1/2020	1/21/2021
Gulf Cooperation Council	Qatar	57	64.1						131.4	161.3	1.6	1.8	Aa3	Aa3
	U. A. E	20.1	25						76.7	97.5	0.3	0.3	Aa2	Aa2
	Kuwait	20.3	22.5						48.8	64.5	0.3	0.8	Aa2	A1
	Bahrain	102.3	132.4						226.4	254.6	4.5	4.9	B2u	B2u
	Saudi Arabia	23.1	32.8						23.2	29.9	0.8	1.2	A1	A1
	Oman	60.1	81.2						92.4	121.5	2.3	2.8	Ba1	Ba3
Other oil exporters	Iraq	48.2	69.3	23.3	34.4	24.9	35		30.9	40.5	1.2	1.1	Caa1	Caa1
	Yemen	52.7		22.7		30		27.4	24.3	25.6	3.8			
Other oil importers	Lebanon	171	186.7	107.6	87.8	63.4	99	3.6	197.8	482.8	10	2.2	Caa1	C
	Jordan	97.4	109	58.3	64.1	39	44.9	19.0	68	77.6	3.5	4.1	B1	B1
	West Bank and Gaza	16.3	24.2	9.2	15.4	7.1	8.8				0.3	0.4		
	Egypt	90.2	87.5	72.5	68.6	17.8	19	19.0	36	34.4	10	9.8	B2	B2
	World Median	51.9	63.2	19.6	22.7	26.8	30.3	20.0	50.5	59.2	1.6	1.9		
	Hi-Income Median	56.9	65.3	26.6	34.9	19.1	23.3		88.5	101.7	2.1	2.3		
	Middle-Income Median	51.5	64.9	20.0	23.0	27.4	32.4	19.0	47.3	54.3	1.8	2.1		
	Low-Income Median	52.5	50.5	17.6	18.7	26.8	29.7	24.4	31.4	32.1	1.1	1.3		
Source	WORLD BANK REOPRT .2021. Living with Debt: How Institutions Can Chart a Path to Recovery in the Middle East and North Africa https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35275/9781464816994.pdf from World Bank's Macro and Poverty Outlook (April 2021), World Bank's International Debt Statistics, IMF's World Economic Outlook. Note: Debt and interest payments are in percent of GDP. Official external debt includes debt held by international organizations (multilateral loans) and by foreign governments (bilateral loans).													

Поэтому на данном этапе этим странам может оказаться неразумно прибегать к увеличению своего долгового бремени. Страны, уже страдающие от конфликтов, напряженности, экономических кризисов, бедности, высокого уровня безработицы и пандемии, могут быть вынуждены выбирать между выплатой долгов и предоставлением медицинских и других социальных услуг своим гражданам. Китай выделил 15 миллиардов долларов в виде кредитов для стимулирования индустриализации на Ближнем Востоке, а льготные кредиты постоянно составляют 10 миллиардов долларов⁴⁹⁰. В дополнение к вышесказанному, китайский подход к предоставлению кредитов странам-партнерам вызывает вопросы о том, в какой степени эти страны участвовали в разработке этих планов, и не было ясно, действительно ли странам-бенефициарам нужны эти проекты, некоторые из которых, похоже, были запланированы в Пекине и представлены как свершившийся факт для принимающих стран⁴⁹¹.

Неравномерное распределение преимуществ и усиление региональной конкуренции – это результат геостратегического положения некоторых стран, особенно тех, через которые проходят сухопутные экономические коридоры, что побуждает Китай увеличивать свои инвестиции в эти страны в различных областях, таких как железные дороги, порты, сотрудничество в области энергетики и услуг, а также поднять уровень отношений до уровня «всестороннего стратегического партнерства». Следовательно, одни страны выиграют больше, чем другие, и откроют дверь для возможности конфликта интересов между странами региона.

Хотя Китай считает эту инициативу аполитичной, некоторые проекты BRI имеют потенциальные стратегические результаты, которые могут повлиять на динамику власти в регионе. Страны, которые могут быть склонны к сотрудничеству с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», могут рассматривать элементы инициативы как противоречащие их интересам. Страны Совета сотрудничества Арабских Государств

---

⁴⁹⁰ China-Arab Cooperation Forum (2018) Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative.

⁴⁹¹ Raffaello Pantucci (2021). The Many Faces of China's Belt and Road Initiative //Journal Current History. January 2021. 120 (822): 28–34. <https://doi.org/10.1525/curh.2021.120.822.28>
<https://online.ucpress.edu/currenthistory/article/120/822/28/114549/The-Many-Faces-of-China-s-Belt-and-Road-Initiative> <https://online.ucpress.edu/currenthistory/article-pdf/120/822/28/449389/curh.2021.120.822.28.pdf>

Персидского залива (ССАГПЗ) предоставляют такой пример. Все они имеют прочные связи с Китаем и выразили поддержку инициативе «Один пояс, один путь». В то же время в регионе есть два крупных проекта инициативы: экономический коридор Китай-Пакистан (СРЕС) и Экономический коридор Китай-Центральная-Западная Азия (ССWAЕС), ни один из которых не проходит через арабские страны Ближнего Востока, поэтому они имеют важное стратегическое последствия для стран ССАГПЗ. При рассмотрении инициативы «Один пояс, один путь» лидеры стран ССАГПЗ должны сбалансировать свои все более важные отношения с Китаем и способы, которыми эта инициатива расширяет возможности противников или угрожает их отношениям с важными внешними державами⁴⁹². Страны ССАГПЗ могут опасаться того, что инициатива «Один пояс, один путь» усиливает влияние Ирана и Турции в регионе, и могут почувствовать угрозу со стороны инициативы «Один пояс, один путь», которая приносит конкурирующие источники энергопоставок в Китай и Азию из России и Центральной Азии. Порт Гвадар, хотя и является крупным центром торговли со странами Персидского залива, также может быть источником конкуренции для существующих портов Персидского залива, особенно в ОАЭ⁴⁹³. Таким образом, можно сказать, что для некоторых стран (особенно тех, которые не проходят через сухопутные экономические коридоры или морской путь) затраты на новые объекты инфраструктуры могут перевешивать выгоды.

Эксперты считают, что присоединение Египта к Шелковому пути связано с его экономическими преимуществами, но этот проект означает появление новых конкурентов на Суэцком канале, и это только в том случае, если статус канала останется прежним. По мнению египетского эксперта, наземные экономические коридоры инициативы окажут существенное негативное влияние на Суэцкий канал и могут привести к его полной остановке в случае, если Израиль реализует свои проекты, о которых он объявил ранее, а именно, соорудит водный канал, соединяющий Красное море с Мертвым морем (Red-

---

⁴⁹² Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // The Middle East Institute. 2017. <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm>

⁴⁹³ Robin Mills. Sarmad Ishfaq. Roa Ibrahim. Aaron Reese. (October 2017). China's Road to the Gulf Opportunities for the GCC in the Belt and Road initiative. Project: GCC and the Belt and Road Initiative

Dead), и железнодорожную ветку, связующее Красное море со Средиземным⁴⁹⁴. Эти выводы подтверждают мнение о том, что инициатива увеличит шансы потенциальной конкуренции между Ближним Востоком и Центральной Азией.⁴⁹⁵

Состояние нестабильности, разделения, конкуренции и конфликта в регионе, особенно между Саудовской Аравией и Ираном, отрицательно сказывается на стабильности во всем регионе Ближнего Востока. Обе страны ведут прокси-войны в Сирии и Йемене, и их конфликт способствовал эскалации поляризации в регионе между странами или осями, лояльными Саудовской Аравии и другими, лояльными Ирану. Все это привело к сохранению нестабильности в регионе, что грозит завершить инициативу или подорвать некоторые ее проекты.⁴⁹⁶ Нынешнее соперничество Саудовской Аравии и Ирана является проблемой для Китая, поскольку они оба являются ведущими поставщиками нефти и стратегически фланкируют Персидский залив и Ормузский пролив.

Таким образом, нестабильность в регионе Персидского залива, богатом энергоресурсами, может стать угрозой для китайского ОПОП через Ближний Восток.⁴⁹⁷ На международном уровне, несмотря на снижение роли Америки на Ближнем Востоке и концентрацию стратегической конкуренции между Китаем и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конкуренция между ними, вероятно, будет иметь негативные последствия для Шелковой инициативы, в районе Персидского залива, особенно в свете продолжающейся зависимости стран Персидского залива от американского зонтика безопасности и отсутствия четкого горизонта для роли Китая в сфере безопасности в

---

⁴⁹⁴ مصر في يوم . مصر تشارك بقمّة "الحزام والطريق" .. فائدة أم ضرر لقناة السويس؟ 24 أبريل، 2019 (Египет за день. Египет участвует в саммите "Один пояс, один путь"... Польза или вред Суэцкого канала? 24 апреля 2019 г.)/
<https://mfyoum.com/2019/04/24/%D9%85%D8%B5%D8%B1-%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B1%D9%83-%D8%A8%D9%82%D9%85%D8%A9-%D9%85%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B2%D8%A7%D9%85/>

⁴⁹⁵ Maha S. Kamel (2018): China's Belt and Road Initiative: Implications for the

Middle East // Cambridge Review of International Affairs/: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1480592>

⁴⁹⁶ Ivan Lidarev. China and the Saudi-Iran Conflict/ //Observer Research Foundation. December 20, 2017.[https://www.orfonline.org/expert-speak/china-and-saudi-iran-conflict/.](https://www.orfonline.org/expert-speak/china-and-saudi-iran-conflict/)

⁴⁹⁷ Christina Lin (2017). The Belt and Road and China's Long-Term Visions in the Middle East // Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs/ www.aub.edu.lb/ifi.

Персидском заливе.⁴⁹⁸ Несмотря на растущую роль Китая в регионе, возможность расширения ограниченной роли Китая в сфере безопасности тесно связана со степенью безопасности и стратегического вакуума, оставленного в результате вывода войск США из региона, и может достичь всеобъемлющего военного присутствия в отдаленном будущем.⁴⁹⁹

Арабские страны отличаются друг от друга экономическим статусом, инфраструктурой и географическим положением. Если посмотреть на карту распределения китайских инвестиций в арабских странах Ближнего Востока (см. Таблицу 2,3,4), то их львиная доля приходится на страны ССАГПЗ и Египет, где безопасность и политическая стабильность играет важную роль в привлечении инвестиций, помимо роли каждой из финансовой ликвидности и мощности объектов инфраструктуры. Это причины, которые побудили Китай воздержаться от инвестирования в странах, переживающих конфликты (в первую очередь Сирия и Йемен, а во вторую – Ирак). может быть неразумным.⁵⁰⁰ То же самое относится как к Йемену, так и к Ираку. Это до сих пор не позволяло некоторым странам региона воспользоваться преимуществами инвестиций в рамках инициативы. Следовательно, неравенство возможностей между странами региона будет в некоторой степени способствовать усилению различий в развитии между странами ССАГПЗ и остальными странами арабского региона. Кроме того, инвестиции концентрируются в определенных секторах (в основном, в энергетике и транспорте) за счет других секторов (см. таблицу 2,3,4), в то время как большинство арабских стран страдают от нехватки воды.⁵⁰¹ Кроме того, мы можем говорить о проблеме китайского

⁴⁹⁸ Lars Erslev Andersen, & Camille Lons/ The Geopolitical Implications of China's Presence in the MENA Region // Katarzyna W. Sidlo (ed.), The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA): Beyond Economic Interests? Euromesco Joint Policy Study 16, European Institute of the Mediterranean, 2020, p. 94; https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

Dalia Dassa Kaye, et. al., Reimagining U.S. Strategy in the Middle East: Sustainable Partnerships and Strategic Investments, Santa Monica, Rand, 2021, p. 88. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA900/RRA958-1/RAND_RBA958-1.pdf

⁴⁹⁹ Lars Erslev Andersen, & Camille Lons. The Geopolitical Implications of China's Presence in the MENA Region // Sidlo (Ed), op. cit., p. 92. https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2020/05/JPS_The-Role-of-China-in-the-MENA.pdf

⁵⁰⁰ The Belt and Road Initiative to Damascus by Belt & Road News. July 25, 2021

<https://www.beltandroad.news/the-belt-and-road-initiative-to-damascus/> (Accessed: September 20, 2021).

⁵⁰¹ خالد عبد الله السقطي . مبادرة الحزام والطريق: الدول العربية بين الفرص والتحديات – الأكاديمية العربية للعلوم والتكنولوجيا والنقل البحري

потока рабочей силы и его конкуренции с местной рабочей силой, а также о неспособности местных компаний и продуктов конкурировать с китайскими компаниями и продуктами.

Риски, связанные с крупными инфраструктурными проектами фигурируют в отчете Всемирного банка о возможностях и рисках транспортных коридоров в рамках инициативы. Инициатива несет в себе риски, которые обычно характерны для крупных инфраструктурных проектов. Эти риски могут усугубляться из-за отсутствия прозрачности, открытости инициативы, слабых экономических основ и уровней управления во многих странах-участницах⁵⁰². Что касается рисков, связанных с управлением, тенденция к принятию передовых мировых практик, таких как открытые и прозрачные публичные тендеры, увеличивает вероятность того, что проекты «Один пояс, один путь» будут переданы компаниям, которые лучше всего подходят для их реализации⁵⁰³. Всемирный банк также увязывает чистую прибыль от транспортных проектов с частью инициативы по проведению дополнительных реформ политики. Что касается арабских реалий, то, согласно опросу лидеров общественного мнения, проведенному Фондом Карнеги в 2016г., почти половина респондентов считают коррупцию одной из трех наиболее актуальных проблем в регионе⁵⁰⁴. Кроме того, компетентное управление как один из основных компонентов любого общественного договора по-прежнему отсутствует в большей части региона⁵⁰⁵. В отсутствие прозрачности элиты могут получать комиссионные, распределять проекты в пользу избирательных преимуществ и включать своих друзей в прибыльный совместный бизнес⁵⁰⁶.

(Халед Абдулла Аль-Сакати. Инициатива «Один пояс, один путь»: арабские страны между возможностями и вызовами. Арабская академия науки, технологий и морского транспорта). <http://www.aast.edu/>
 . - https://www.unescwa.org/sites/default/files/event/materials/arab_acasemt_silk_road.pdf

⁵⁰² World Bank. 2019. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. Washington, DC: World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31878> License: CC BY 3.0 IGO.”

⁵⁰³ “World Bank. 2019. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. Washington, DC: World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31878> License: CC BY 3.0 IGO.”

⁵⁰⁴ MALKOLM H. KERR, Carnegie Middle East Center
 "كاماك والمعشر، (2016) "أصوات عربية حول التحدّيات التي تواجه الشرق الأوسط الجديد - مركز كارنيغي
<https://carnegie-mec.org/2016/02/12/ar-pub-62835> (Accessed: 22 September 2021).

⁵⁰⁵ MALKOLM H. KERR, Carnegie Middle East Center
 انتصار فقير , سارة بوكيس (2019) , آفاق عربية , الحوكمة ومستقبل العالم العربي - مركز كارنيغي
<https://carnegie-mec.org/2019/01/21/ar-pub-78165> (Accessed: 22 September 2021).

⁵⁰⁶ Lee Jones (October 9, 2020). China’s Belt and Road Initiative Is a Mess, not a Master Plan. Foreign Policy.

Крупные проекты также несут экологические риски, поскольку анализ показал, что проекты транспортной инфраструктуры в рамках инициативы могут привести к увеличению выбросов углекислого газа на 0,3% во всем мире и до 7% или более в некоторых странах с увеличением производства в секторах. Что касается социальных рисков, Банк считает, что приток рабочих в связи с инфраструктурным проектом может создать риск насилия в отношении женщин, заболеваний, передаваемых половым путем, и социальной напряженности. «Для достижения масштабных целей инициативы «Один пояс, один путь» необходимо, чтобы участвующие в ней страны провели не менее масштабные реформы. Существенную помощь в этом окажут улучшение положения с предоставлением данных и прозрачностью – в первую очередь, в вопросах задолженности, – открытость государственных закупок и приверженность строжайшим социальным и экологическим стандартам⁵⁰⁷.»

Инициатива, известная как «Цифровой шелковый путь», скорее всего, будет иметь сложные долгосрочные последствия. Создавая проекты цифровой инфраструктуры, Китай создает основу для построения национальной экономики в будущем. Это вызывает у арабов озабоченность не только по поводу конкуренции со стороны китайских компаний, но и по поводу доступа Китая к критически важной национальной инфраструктуре, эти скептицизмы часто выражаются в отношении Huawei, крупнейшего в мире поставщика телекоммуникационного оборудования, который возглавляет переход к беспроводным сетям 5G, одна из многих китайских технологических компаний, которые становятся заметными игроками на мировой арене.⁵⁰⁸

Следовательно, рассматриваемая инициатива таит в себе много возможностей, но и сопряжена с определенными рисками. При сопоставлении возможностей и рисков, связанных с инициативой, несмотря на серьезность некоторых рисков, необходимо

<https://foreignpolicy.com/2020/10/09/china-belt-and-road-initiative-mess-not-master-plan/>.

⁵⁰⁷ Джейла Пазарбашиоглу - вице-президент по вопросам справедливого экономического роста, финансов и институтов. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors>

⁵⁰⁸ Raffaello Pantucci. The Many Faces of China's Belt and Road Initiative, journal Current History (January 2021) 120 (822): 28–34. <https://doi.org/10.1525/curh.2021.120.822.28>
<https://online.ucpress.edu/currenthistory/article/120/822/28/114549/The-Many-Faces-of-China-s-Belt-and-Road-Initiative> <https://online.ucpress.edu/currenthistory/article-pdf/120/822/28/449389/curh.2021.120.822.28.pdf>

взвесить возможности над рисками, учитывая текущие проблемы региональной безопасности, связанные с терроризмом, экономические проблемы, неотложную потребность в инфраструктуре, инвестициях и торговле, давление Запада на страны региона. Через инициативу «Один пояс, один путь» Китай предлагает быструю экономическую помощь. А учитывая, что Китай стал крупнейшим торговым и инвестиционным партнером для стран региона, со временем он станет более важным геополитическим игроком на Ближнем Востоке, страны региона станут более зависимыми от Пекина в своих торговых, инвестиционных отношениях и, возможно, в отношениях в сфере безопасности. Усиление «мягкой силы» Китая, в свою очередь, снизит зависимость региона от Запада и расширит возможности его внешней политики, которые не всегда могут соответствовать интересам США и Европейского союза. Хотя это несколько снизит влияние Запада в регионе MENA, но повысит свободу действий стран региона по диверсификации и взаимодействию с большим количеством экономических партнеров, особенно в свете политики «разделяй и властвуй», проводимой в этом регионе Соединенными Штатами.

Глава III. Сотрудничество Китая и арабских стран Ближнего Востока в культурно- гуманитарной сфере

3.1. Роль «мягкой силы» во взаимодействии КНР с арабскими странами

Американский политолог Джозеф Най в 1990-х гг. ввел понятие «мягкой силы»⁵⁰⁹, в отличие от «жесткой силы», которая означает принуждение других к подчинению вашей воле посредством приказа, принуждения и давления. Най определяет мягкую силу как «способность достигать желаемых целей посредством привлечения, магии или убеждения, а не принуждения или искушения деньгами». Источниками мягкой силы любой страны являются ее культура и политические ценности, а также ее внешняя политика⁵¹⁰.

Китайское руководство сочетает эти три элемента для достижения своих целей с помощью мягкой силы⁵¹¹. Конфуцианство учит, что успешным правителем является тот, кто завоевывает умы, сердца и чувства своих граждан добродетелью и любовью, а не силой⁵¹². Китай рассматривает культуру, особенно традиционную культуру, как самый важный источник мягкой силы⁵¹³.

Китайская традиционная культура играет важную роль в международных отношениях Китая. В своем исследовании российский китаист Е.Н. Грачиков отмечает, что общее между китайскими теоретическими концепциями международных отношений, составляющими основу, на которой строится китайская школа международных отношений, состоит в том, что все они основаны на древних китайских политических традициях⁵¹⁴. Четыре ключевых элемента в китайской культуре — контекстуальность, коррелятивность, взаимодополняемость и изменчивость — работают и сегодня. И допущения, полученные из этих элементов, «ши» (мегатренд), «гуаньси» (реляционность),

⁵⁰⁹ Joseph S. Nye, *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* (New York: Basic Books, 1990); *The paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone* (New York: Oxford University Press, 2003). Joseph S. Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (New York: Public Affairs, 2004), x–xi.

⁵¹⁰ Joseph S. Nye, *The Future of power* (New York: Public Affairs, 2011) P. 84.

⁵¹¹ Joseph S. N. *Soft Power and Higher Education. Internet and the University Forum*, 2005. 11, 11–14.

⁵¹² Wang J. "Chinese Conception of Soft Power and its Policy Implications, International Conference on China in International Order," Nottingham University (September 2006).

⁵¹³ Ying Zhou & Sabrina Luk (2016) *Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power?* *Journal of Contemporary China*, 25:100, 628–642, DOI: 10.1080/10670564.2015.1132961. link to this article: <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1132961>

⁵¹⁴ Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: Монография / Е. Н. Грачиков. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С257

«хэ» (гармония) и «бянь» (совместная изменчивость) играли и будут продолжать играть значительную роль во внешней политике Китая. Тот факт, что культура имеет значение, не означает культурный детерминизм. Это культурное значение также не обязательно означает, что существует линейная причинно-следственная связь между культурой и внешней политикой. Культура имеет значение, но ее влияние невидимо, тонко формируется и накапливается. Оно обеспечивает среду, в которой люди живут, и процесс, в котором акторы трансформируются через социализацию. Важнейшим влиянием культуры является постепенное формирование образа мышления, которое оказывает сильное влияние на восприятие окружающего мира, интерпретацию самого себя и других. Именно поэтому культура играет важную роль в выработке внешней политики⁵¹⁵.

Политика «мягкой силы» Китая нацелена на поддержку продолжающегося экономического роста и расширения политических возможностей, а также на то, чтобы связать страны, с которыми у Китая выстраиваются отношения, культурной составляющей, чтобы таким образом укрепить и расширить эти связи. Основная цель заключалась в том, чтобы обеспечить Китаю положительный, привлекательный образ растущей державы, сосредоточив внимание на «мягких» культурных аспектах. В связи с этим Казем Хашем Нехме, бывший глава Центра международных исследований Багдадского университета, считает, что китайский стиль имеет уникальную привлекательность, которой не обладают другие страны⁵¹⁶.

Экс-председатель КНР Ху Цзиньтао в своем докладе на XVII съезде КНР в 2007 году отметил, что наращивание китайской мягкой силы является одной из национальных стратегий Китая⁵¹⁷. Он отмечал, что «культура Китая принадлежит не только китайцам, но и всему миру». Китайская культура не пытается «завоевать» культуры других народов,

⁵¹⁵ Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: Монография / . — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 275

⁵¹⁶ كاظم هاشم نعمة . القوة الناعمة الصينية والعرب. مجلة سياسات عربية . العدد 26 . ايلول 2017 . ص 30 . المركز العربي للابحاث ودراسة السياسات.

(Казем Хашем Нима. Мягкая сила Китая и арабов // Арабская политика. Выпуск 26. Сентябрь 2017. С. 30. Арабский центр исследований и политических исследований.)

⁵¹⁷ Hu Jintao, Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive for New Victories in Building a Moderately Prosperous Society in all". Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China on Oct. 15, 2007. Xinhua News Agency October 25, 2007, <http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm>

а скорее прилагает «совместные усилия для продвижения мирового культурного богатства»⁵¹⁸. Другими словами, китайская «мягкая сила» — это «мягкая культурная сила»⁵¹⁹.

Наращивание мягкой силы Китая активизировалось при президенте Си Цзиньпине, который заявил в 2014 году, что необходимо «наращивать мягкую силу Китая, создавать хороший китайский нарратив и лучше доносить послания Китая до мира». При Си Цзиньпине Китай бросил миру поток новых инициатив: «Китайская мечта», «Азиатско-Тихоокеанская мечта», «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь 21 века», и многое другое⁵²⁰. «Международный авторитет Китая вырос как никогда раньше», считает сказал Си Цзиньпинь⁵²¹.

Мягкая сила в китайском политическом дискурсе по отношению к арабскому миру

Ученые изображают китайскую стратегию мягкой силы как реактивную, направленную на снижение доминирования Запада в «силе дискурса» (huaayu quan 话语权) — термин, широко используемый китайскими политиками⁵²². Документ «Политика Китая в отношении арабских стран»⁵²³ начинается со слов «Корни дружбы между Китаем и арабскими странами уходят глубоко в историю». Китай был связан с арабами через Шелковый путь по суше и по морю. Он веками нес на этом пути «мир, открытость, терпимость, взаимную выгоду». В этих положительных коннотациях формируется привлекательный образ государства. Древние китайцы считали войны бесполезными, поэтому их политика во многом основывалась на мягкой силе.

Ценности являются одним из основных источников мягкой силы. Китай считает, что его ценности представляют собой модель международных отношений, в которых

⁵¹⁸ Borge Bakken, "Norms, Values and Cynical Games with Party Ideology," *Copenhagen Journal of Asian Studies*, vol. 16 (2006), pp. 106 - 137.

⁵¹⁹ Ingrid d'Hooghe, *The Limits of China's Soft Power in Europe: Beijing Public Diplomacy Puzzle*, Netherland Institute of International Relations, Clingendael (2010), accessed on 8/6/2017, at: <https://goo.gl/T9qz7h>

⁵²⁰ Shambaugh D. *China's Soft-Power Push*. *Foreign Affairs* 94, no. 4 (2015):99-107

⁵²¹ CPC opens 19th National Congress, declaring 'new era' of Chinese socialism. Oct 18, 2017. Xinhua http://english.www.gov.cn/news/top_news/2017/10/18/content_281475912736172.htm

⁵²² Tsai Wen-Hsuan. "Enabling China's voice to be heard by the world: ideas and operations of the Chinese Communist Party's external propaganda." *Problems of Post-Communism*. 2017. 64(3-4), 203-213. [CrossRefGoogle Scholar](https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=Tsai+Wen-Hsuan)

⁵²³ *China's Policy Toward the Arab Countries*. Январь 2016 г., Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики.

обмены между людьми происходят в соответствии с альтернативной системой ценностей, в которой равенство, справедливость, партнерство и гармония являются этическими и принципиальными критериями.

В упомянутом документе утверждается, что Китай призывает к «глобальному течению», в котором воплощаются ценности «мира, развития и сотрудничества», а не к войнам, конфликтам, разногласиям и отсталости. Китайская и арабская стороны отнеслись, как говорится в документе, «уважительно и на основе равноправия» в своем дискурсе о «мягкой силе». Китай не призывает к тому, чтобы его ценности стали альтернативой ценностям других народов, с которыми он устанавливает отношения. Китайские политики и ученые подчеркивают, что их ценности являются наследием всего человечества, и они не отрицают и не отменяют ценности других цивилизаций и культур, а, наоборот, обогащают их. И в своей стратегии мягкой силы китайцы подходят к арабам как к нации, имеющей свой багаж культурных достижений. И оба народа должны стремиться к объединению усилий ради развития общей глобальной цивилизации, в которой никто не доминирует.

«Цивилизационное разнообразие» — это практическая реальность, и это было бы невозможно без «усилий арабских стран по консолидации культурного разнообразия в мире». Китай выступает с призывом к осознанному несению ответственности за достижение «цивилизационного разнообразия». В то же время Китай протягивает руку арабам через «человеческое и культурное общение», что является наиболее эффективным и честным способом добиться их понимания.

Китайские эксперты указывают на то, что китайская и арабская цивилизации имеют ряд общих черт, которых нет среди других цивилизаций. Во-первых, обе цивилизации на протяжении столетий гордятся своим вкладом в развитие и обогащение мировой цивилизации. Во-вторых, история взаимоотношений двух цивилизаций длинная, насчитывающая две тысячи лет. В-третьих, арабы и китайцы преодолели расстояния и препятствия в торговых отношениях с целью получения выгоды. В-четвертых, две цивилизации развивались на основе взаимного обогащения: арабы принесли с собой математику, астрономию, географию, мореплавание и искусство строительства, а Китай передал арабам производство бумаги и технологии. В-пятых, сближение и контакт двух

цивилизаций породил не политические, религиозные или иные «обиды и конфликты», наоборот, отношения между ними включали «прославление» и «взаимное уважение». Наконец, несмотря на разную основу двух культур, общественных систем, их традиции и идеологии, контакт шел на равноправной основе, на принципах уважения и мирного сосуществования, поэтому две цивилизации не знали конфликтов и войн⁵²⁴. Несомненно, документ, адресованный арабам, содержит некую магию «мягкости», которая проникает в чувства и устремления арабских политических групп. Кроме того, в нем содержится призыв к «религиозному общению, а также к религиозной гармонии и терпимости». Китайцы извлекли выгоду из опыта Соединенных Штатов, сосредоточив свои усилия на том, чтобы представить свою внешнюю политику в привлекательной форме. Вот почему Китай избегает ввязываться в споры и конфликты.

Документ напоминает нам, что Китай «поддерживал арабские освободительные движения», такие как алжирская революция и палестинский вопрос. Принципами внешней политики Китая в отношении арабских стран, как указано в документе, являются «взаимное уважение, национальный суверенитет, территориальная целостность, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство, взаимная выгода и мирное сосуществование». Однако в действительности Китай вмешивался в войну в Корею в начале 1950-х годов, конфликты в Бирме, воевал с Индией в 1962 году, вмешивался в дела Камбоджи и воевала во Вьетнаме в 1979 году. Китай не возражает против применения силы против сепаратистских движений и политических протестов⁵²⁵. Позиция Пекина совпадает с официальной позицией авторитарных и традиционных арабских режимов о важности стабильности, безопасности и внутреннего мира, а также относительно обвинений внешних сил в разжигании протестов в рамках теории заговора. А участие КНР в миротворческих силах ООН усиливает ее мягкую силу в глобальном масштабе⁵²⁶.

---

⁵²⁴ Wein Jiabao, "Our Historical Task as the Primary Stage of Socialism and Several Issues Concerning China's Foreign Policy," *People's Daily*, February 27, 2007, accessed on 8/6/2017, at: <https://goo.gl/WSdMuN>

⁵²⁵ Vallaham William. "China's Foreign Policy and the Non-interference Principle: Farewell or Renewal?" *International Conference on Contemporary China*, Asia Center (2012), accessed on 8/6/2017, at: <https://goo.gl/49EjaP>

⁵²⁶ Shogo Suzuki. "Chinese Soft power, Insecurity Studies, Myopia and Fantasy," *Third world quarterly* 30, no. 4(2009):779-93.

В документе указывается, что внешняя политика Китая основана на уважении целостности национальной территории. Этот вопрос важен для мобилизации поддержки других стран, потому что Китай сталкивается с требованиями отделения Тибета и Синьцзяна. Тайваньский вопрос упоминается в контексте признания другими принципа единого Китая. Подход «мягкой силы» с отношениями с арабами направлен на получение поддержки Китая на международных форумах в случае эскалации конфликта в Южно-Китайском море. Китай смог дистанцироваться от последствий вмешательства во внутренние дела некоторых арабских стран, которым угрожают вызовы отделения или национального разделения, как в Ираке, Сирии, приблизившись к балансу интересов и принципов⁵²⁷.

Экономическая «мягкая сила» Китая в арабском мире

Существенной частью стратегии «мягкой силы» Китая на Ближнем Востоке является углубление экономических отношений. Китай сегодня является крупнейшим торговым партнером большинства арабских стран и крупнейшим инвестором на Ближнем Востоке с 2017 года. Торговля между Китаем и странами Персидского залива уже превышает 80 млрд долларов в год, и эта торговля может легко привести к расширению двусторонних обменов, включая продажу оружия. Напротив, Соединенные Штаты поддержали "популярные демократические преобразования" во время «арабской весны» и выразили желание избавиться от зависимости от ближневосточной нефти. Эти тенденции могут существенно повлиять, если не изменить, геостратегический ландшафт Ближнего Востока в XXI веке. Они могут еще больше усилить ощущаемую в странах Персидского залива потребность дистанцироваться от Вашингтона и развивать более тесные связи с Пекином. Нарушение поставок нефти Китаю, вероятно, станет главной целью Соединенных Штатов во время кризиса вокруг Тайваня или какой-либо другой военной чрезвычайной ситуации. Но без помощи региональных партнеров и доступа к базам в регионе будет сложно инициировать и поддерживать военные действия США.

---

⁵²⁷ Shannon Tiezi. "China Prioritizes Ukraine's Ethnic Groups over its Territorial Integrity," *The Diplomat*, March 7, 2014.

Государства Персидского залива также могут продолжать снабжать Китай нефтью во время такого кризиса⁵²⁸.

Согласно опросам, проведенным организацией «Арабский барометр», половина жителей арабских стран хотела бы улучшения отношений с Китаем⁵²⁹. 70% иорданцев, 49% палестинцев, 42% ливанцев, 51% иракицев, 50% йеменцев и 30% египтян поддерживают экономическое сотрудничество с КНР⁵³⁰. Помимо этого, 53% египтян, 56% ливанцев, 63% палестинцев и иорданцев одобряют ту помощь, которую Китай оказывает их странам⁵³¹. К КНР благосклонно относится 38% жителей Ливана и 34% жителей Иордании⁵³², положительно оценивают китайскую внешнюю политику на Ближнем Востоке 26% и 15%, соответственно⁵³³.

Общественность арабских стран беспокоится об экономической угрозе со стороны Китая меньше, чем об экономическом влиянии США. То, что Китай представляет собой угрозу, заявило 26% опрошенных респондентов из Ливана и 15% из Иордании,⁵³⁴ 34% опрошенных жителей Ливана и 21% Иордании положительно оценивают ближневосточную политику Си Цзиньпина⁵³⁵. Отмечается, что в целом население арабских стран относится к Китаю более благосклонно, чем к США⁵³⁶, что может быть немаловажным фактором успеха «мягкой силы» Китая на Ближнем Востоке.

За последние два десятилетия Китай смог развить свою экономическую мягкую силу благодаря стратегическому партнерству, инвестициям в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и помощи, которую он предоставил странам региона.

---

⁵²⁸ China's Soft Power Strategy in the Middle East. Lieutenant Colonel Eduardo A. Abisellan, July 17, 2012. The Brookings Institution

<https://www.brookings.edu/blog/up-front/2012/07/17/chinas-soft-power-strategy-in-the-middle-east/>

⁵²⁹ Robbins M. What Arab Publics Think. Findings from the Fifth Wave of Arab Barometer // Arab Barometer, 28.01.2020. P. 6.

⁵³⁰ Ibid. P. 10.

⁵³¹ Ibid. P. 16.

⁵³² Robbins M. Arab Public Opinion on International Relations. Findings from the Sixth Wave of Arab Barometer // Arab Barometer, 08.06.2021. P. 16.

⁵³³ Ibid. P. 17.

⁵³⁴ Ibid. P. 18.

⁵³⁵ Robbins M. U.S. & China's competition extends to MENA // Arab Barometer, 12.01.2021. URL: <https://www.arabbarometer.org/2021/01/u-s-chinascompetition-extends-to-mena/>

⁵³⁶ Robbins M. Arab Public Opinion...P. 5.

Стратегическое партнерство. Подъем Китая зависит не от краткосрочных обстоятельств, а от создания стабильной и мирной обстановки на долгосрочную перспективу. Партнерство является лучшей стратегией для достижения ранее изложенной цели. Китай позиционирует себя в международной политике как восходящая держава, заинтересованная в стабильном международном и региональном порядке. Китай не заявлял о партнерстве из соображений безопасности и военно-стратегических мотивов для противостояния угрозе, а декларирует, что его партнерство носит геоэкономический характер и не приведет к созданию союзов или альянсов против другой стороны. Об этом заявил председатель КНР в своем выступлении перед Лигой арабских государств в 2016 году: «Мы прилагаем усилия для формирования круга друзей «Пояса и пути», охватывающего всех, и ни у кого не отнимаем так называемую «сферу влияния». Мы стремимся сформировать сеть партнеров, которые добиваются взаимной выгоды и мы не намерены «заполнять пустоту»⁵³⁷.

Китай установил отношения всестороннего стратегического партнерства с ключевыми странами арабского региона. Одним из преимуществ китайского стратегического партнерства является его гибкость. В том смысле, что Китай не ставит предварительных условий для партнерства, а работает над его адаптацией, принимая во внимание то, что соответствует намерениям, воле и целям другой стороны. Благодаря стратегическому партнерству между арабами и Китаем появится возможность «установить новый тип международных отношений, основанный на сотрудничестве и взаимной выгоде». Арабо-китайское партнерство означает, что арабы и Китай разделяют «благо и горе»⁵³⁸.

Китай старается усилить риторику прагматических отношений с арабскими странами и развитие взаимовыгодных экономических отношений, позиционируя себя как надёжного партнёра. Эта задача достигается среди прочего благодаря участию КНР в крупных инфраструктурных и промышленных проектах в странах региона. Среди

---

⁵³⁷ Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Arab League Headquarters Cairo, 21 January 2016. Full Text. Xinhua. 2016-01-22 https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/22/content_23191229.htm

⁵³⁸ "Let Arab-China Friendship Surge Forward Like the Nile," Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China, January 22, 2016

наиболее ярких примеров – модернизация Суэцкого канала и возведение новой административной столицы Египта. Та же цель достигается и через финансовые организации КНР, в том числе – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который может быть одним из источников финансирования проекта «Один пояс, один путь»⁵³⁹. В последние годы данная инициатива становится одним из самых главных инструментов «мягкой силы» Китая в регионе БВСА. Инициатива «Один пояс, один путь» презентуется как глобальная программа, призванная развивать инфраструктуру стран – участниц инициативы, расширять инвестиционное сотрудничество, упрощать взаимодействие в торговой и инвестиционной сферах⁵⁴⁰. Предполагается, что успешная реализация инициативы стимулирует рост инвестиций в страны, через которые пролегают ключевые маршруты проекта, а также усилит глобальную экономическую интеграцию при ведущей роли КНР⁵⁴¹.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай в первую очередь заинтересован в участии в проектах, связанных с транспортной инфраструктурой стран рассматриваемого региона, имеющих выход в Средиземное море. КНР неоднократно заявляла о своей заинтересованности в послевоенном восстановлении Сирии, включая инвестиционные проекты, в том числе в сфере транспорта. Однако сейчас весомая часть таких предложений остаётся на уровне идей. По всей видимости, Китай ждёт, когда в Сирии наступит мир и Пекин сможет реализовывать свои экономические проекты, не опасаясь попасть под санкционные ограничения. Эти опасения небезосновательны, учитывая, что США пытаются противостоять усилению Китая в регионе⁵⁴².

В то время как арабские страны нуждаются в инвестициях для диверсификации своей экономики, обеспечения рабочих мест и восстановления, чтобы поддерживать социальную стабильность, прямые китайские инвестиции за рубежом привлекательны,

---

⁵³⁹ Liu L. Europe and China in the Global Economy in the Next 50 Years: A Partnership for Global Peace and Stability // *Intereconomics*. 2016. Vol. 51. №1. P. 40.

⁵⁴⁰ Yıldırımçakar E. Turkey's Role in China's Soft Balancing Strategy In The Middle East // *Turkish Policy Quarterly*, 04.09.2020. URL: <http://turkishpolicy.com/article/1025/turkeys-role-in-chinas-soft-balancing-strategy-in-the-middle-east>

⁵⁴¹ Dunne C.W. China's Belt and Road Initiative and US Middle East Policy // Arab Center Washington DC, 13.01.2021. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/chinas-belt-and-road-initiative-and-us-middle-east-policy/>

⁵⁴² Фактор Китая в Средиземноморье. Доклады Института Европы № 387 // Монография, Москва, ИЕ РАН 2022. Ред. О.В. Буторина, Е.С. Алексеенкова, с. 151.

особенно для развивающихся стран, потому, что они не связаны с условиями обеспечения прав человека или распространения демократии и т. д.; Единственное условие состоит в том, чтобы Тайвань был признан неотъемлемой частью Китая и чтобы с Тайванем не устанавливались официальные дипломатические отношения. Объем китайских прямых нефинансовых инвестиций в арабские страны в 2017 году составил 31,9% от общего объема прямых иностранных инвестиций, привлеченных арабскими странами, на сумму 29,5 млрд долларов⁵⁴³. Кроме того, китайские компании укрепляют свои отношения с местной средой, развивая инфраструктуру, предоставляя возможности для обучения и участвуя в местных мероприятиях.

Позитивное восприятие КНР в странах региона создаёт предпосылки для более глубокой экономической интеграции с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что вне всякого сомнения укрепит политические позиции Пекина в рассматриваемом регионе⁵⁴⁴.

Нет сомнений в том, что «мягкая сила» страны будет усилена, если часть ее экономических ресурсов будет направлена на гуманитарную помощь⁵⁴⁵. Что отличает китайскую помощь в ее различных формах, так это то, что она свободна от требований и политического вмешательства, которые обычно сопровождают помощь западных стран-доноров. Китай всегда придерживался ряда принципов оказания иностранной помощи, включая взаимное уважение, равенство, приверженность соглашениям, взаимную выгоду и правило взаимовыгодности. Китайская помощь иностранным государствам включают проекты реконструкции, предоставление коммунальных услуг, техническое сотрудничество и сотрудничество в развитии людских ресурсов, направление медицинских бригад и добровольцев для оказания чрезвычайной гуманитарной помощи, облегчение долгового бремени и др. Например, конференц-центр был построен в Каире, Порт дружбы в Мавритании и мост китайско-йеменской дружбы в Сане. В 2019 году

⁵⁴³ بكين الأولى في الاستثمار بالدول العربية . 01 اغسطس 2017. العربي الجديد .

(Пекин первым начал инвестировать в арабские страны. 01 августа 2017 г. Аль-Араби Аль-жаид.)

<https://www.alaraby.co.uk/%D8%A8%D9%83%D9%8A%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%88%D9>
⁵⁴⁴ Фактор Китая в Средиземноморье. Доклады Института Европы № 387 // Монография, Москва, ИЕ РАН 2022. Ред. О.В. Буторина, Е.С. Алексеенкова, с. 160.

⁵⁴⁵ Javier Noya, "The Symbolic Power of Nations," Place Branding 2, no.1(2006): 53-67.

Китай также предоставил пожертвование в размере 62 млн долларов на строительство новой штаб-квартиры Ливанской национальной музыкальной консерватории в Дбае, к северу от Бейрута⁵⁴⁶. За последние 40 лет Китай направил в Йемен более 2000 медицинских работников для реализации проектов в области здравоохранения и медицины. В 2016 году Китай предоставил Палестине помощь на сумму 50 млн китайских юаней, а сирийскому, иорданскому, ливанскому, ливийскому и йеменскому народам – дополнительную гуманитарную помощь на сумму 230 млн китайских юаней. В 2018 году Китай объявил о выделении 106 млн долларов помощи странам региона, переживающим войны⁵⁴⁷.

В 2020–2021 гг. одним из ключевых инструментов «мягкой силы» Китая в странах региона стала «вакцинная дипломатия». Одна из её целей заключалась в том, чтобы изменить представление о КНР как о виновнике начала пандемии. И это частично удалось⁵⁴⁸. С началом распространения вируса COVID-19 усилия КНР в вопросе поставки гуманитарной помощи странам региона возросли. После того, как в Китае начала спадать первая волна заражений коронавирусом, КНР стала заявлять о себе как о мировом лидере в сфере здравоохранения. До августа 2021 года Китай экспортировал и передал более 72 миллионов доз вакцин в 17 арабских стран и Лигу арабских государств⁵⁴⁹. Эта помощь способствовала улучшению международного имиджа Китая. Согласно опросам, проведённым организацией «Арабский барометр», от 53 до 73% арабов поддерживают действия Китая⁵⁵⁰.

---

⁵⁴⁶ الصين تضع حجر أساس لإطلاق أعمال إنشاء مشروع مبنى المعهد الوطني اللبناني العالي للموسيقى. شينخوا 2019:12:23. (Китай закладывает фундамент для начала строительства Ливанской национальной высшей музыкальной консерватории. 2019:12:23. Синьхуа)

<http://arabic.people.com.cn/n3/2019/1223/c31660-9642778.html>

⁵⁴⁷ China's Xi pledges \$20 billion in loans to revive Middle East. Reuters. JULY 10, 2018.

<https://www.reuters.com/article/us-china-arabstates-idUSKBN1K0072>

⁵⁴⁸ Фактор Китая в Средиземноморье. Доклады Института Европы № 387 // Монография, Москва, ИЕ РАН 2022. Ред. О.В. Буторина, Е.С. Алексеенкова, с 156-157.

⁵⁴⁹ ارتفاع التعاون الصيني-العربي إلى مستوى جديد رغم جائحة كورونا . 31-12-2021. شينخوا. (Подъем китайско-арабского сотрудничества на новый уровень, несмотря на пандемию коронавируса. 2021-12-31. Синьхуа.)

http://arabic.news.cn/2021-12/31/c_1310402370.htm

⁵⁵⁰ Robbins M. What Arab Publics Think. Findings from the Fifth Wave of Arab Barometer // Arab Barometer, 28.01.2020. P. 6.

Культурная мягкая сила Китая в арабском мире продвигается через Институты Конфуция, китайские классы, созданные в университетах принимающей страны, привлекательные стипендии, предлагаемые студентам из целевых стран, культурные обмены, а также средства массовой информации, о чем более подробно будет сказано во втором параграфе данной главы.

Образование – лучший и наиболее эффективный способ повысить для государства свою привлекательность⁵⁵¹. Наиболее важным является предоставление иностранным студентам возможности поступать в местные высшие учебные заведения⁵⁵², потому что студенты, получившие образование в чужой стране и изучившие ее язык и научные достижения, со временем станут послами доброй воли или культурными агентами принимающей страны и будут передавать культурный капитал, привезенный с собой из страны, в которой они учились. Таким образом, когда как можно больше иностранных студентов обучаются в местных вузах страны, а затем возвращаются в свои страны, возрастает влияние принимающей страны на родную страну, а также привлекательность первой. Программы студенческого обмена являются частью «мягкой силы» Китая и средством достижения арабо-китайской гармонии, Исследования показывают, что большинство арабских студентов хорошо относятся к Китаю. Китайская мягкая сила через программы студенческого обмена добилась успеха⁵⁵³. Китайское правительство стремится сделать арабских студентов послами китайской культуры в своих странах.

- Институты Конфуция как инструмент китайской «мягкой силы» эффективно проникли в арабский мир и были встречены политиками, преподавателями и студентами без особой критики⁵⁵⁴. Тем не менее количество институтов Конфуция в арабском мире относительно невелико, и это свидетельствует о том, что энтузиазм в изучении китайского языка и

---

⁵⁵¹ Aidarbek Amirbek, Kanat Ydyrys, 'Education as a Soft Power Instrument of Foreign Policy', *Procedia—Social and Behavioral Sciences*, 143 (14 August 2014): 501.

⁵⁵² G. Cowan and A. Arsenault. 'Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy', *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 616, no. 10 (2008): s. 10–30.

⁵⁵³ Mohamad Zreik (2021) Academic Exchange Programs between China and the Arab Region. *ARAB STUDIES QUARTERLY*. ASQ Vol. 43, No. 2, Spring 2021

⁵⁵⁴ Roie Yellinek, Yossi Mann & Udi Lebel (2020) Chinese Soft-Power in the Arab world – China's Confucius Institutes as a central tool of influence, *Comparative Strategy*, 39:6, 517-534, DOI: 10.1080/01495933.2020.1826843

китайской культуры в арабских странах невысок, а привлекательность китайской культуры для арабов все еще ограничена.

Международное вещание Китая началось в 1941 году, а с 1990-х годов также ведет веб-сайты. В настоящее время радиостанция предоставляет онлайн-контент на четырех наиболее распространенных языках Ближнего Востока — турецком, фарси, арабском и иврите, в дополнение к 61 другому языку, на котором станция предоставляет контент⁵⁵⁵. В арабские страны проникли и основные китайские СМИ (CGTN, Xinhua, The People's Daily). Арабский канал Китайской международной телевизионной сети Центрального телевидения КНР вещает 24 часа в сутки и покрывает весь регион Ближнего Востока через три спутника. Арабская редакция международного вещания Китая транслирует программы на арабском языке семь часов в день. Агентство новостей «Синьхуа» открыло свой главный филиал на Ближнем Востоке в Каире в 1985 г. Арабская служба новостей Синьхуа выпускает в среднем 187 новостных сообщений на арабском языке для 81 источника средств массовой информации, в соответствии со следующим разделением: 17 национальных арабоязычных каналов СМИ, 15 арабских информационных агентств, 52 газеты и журналы, две телевизионные станции и десять других пользователей.⁵⁵⁶

Среди сюжетов сайта Синьхуа – призывы главы КНР Си Цзиньпина объединить усилия в борьбе с пандемией, информация о сотрудничестве Китая с Всемирной организацией здравоохранения по вопросу расследования происхождения вируса. Множество статей посвящено плодотворному сотрудничеству Китая и стран Ближнего Востока, а также укреплению экономических связей в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В материалах рассказывается о помощи Китая арабским государствам во время пандемии, когда КНР отправляла врачей и медицинское оборудование в страны арабского мира. Продвигался нарратив о том, что эти действия свидетельствуют о крепкой дружбе Китая и арабских государств⁵⁵⁷.

---

⁵⁵⁵ Radio China—Who We Are', China Radio International, <https://www.cri.co.il/about> (accessed November 17, 2019).

⁵⁵⁶ Xinhua Celebrates Its 70th', Xinhua News Agency, November 6, 2001, <http://french.china.org.cn/english/2001/Nov/21694.htm> (accessed November 17, 2019).

⁵⁵⁷ Oppenheimer S. What Do Chinese Media Outlets Say About the Middle East? Depends Which Language You're Reading // Haaretz Daily Newspaper Ltd. 11.02.2021. URL:

В июле 2018 года также был запущен веб-сайт китайско-арабского портала цифровой библиотеки в его китайской и арабской версиях для предоставления источников информации в области арабской и китайской культуры и цивилизации в цифровой форме, будь то книги, периодические издания, биографические данные, фотографии и аудиозаписи⁵⁵⁸.

Вместе с тем, имеются некоторые проблемы, с которыми сталкивается Китай при наращивании китайской мягкой силы в арабском мире. Первая из этих проблем — это дисбаланс между жесткой и мягкой силой, поскольку китайская экономическая и военная мощь не трансформировалась в элементы мягкой силы, а китайская мягкая сила в арабских странах отстает от аналогов Запада, и даже слабее Японии и Южной Кореи. По мнению некоторых ученых, крупномасштабные инвестиции Китая в мягкую силу (оцениваемые примерно в 10 миллиардов долларов в год) в лучшем случае выражаются в «частичной силе»⁵⁵⁹.

Второй проблемой является разрыв между спросом и предложением на продукты культуры. Пекин заинтересован в распространении традиционной культуры в арабских странах и отдает приоритет переводу древнекитайской классики, которая не особо популярна в арабском мире. Еще одной проблемой стала зависимость «мягкой силы» исключительно от официальных каналов, поскольку Китай опирается в основном на китайские правительственные каналы работы в арабских странах. Что касается частных компаний, общественных сил, организаций гражданского общества и других институтов, то они не смогли сыграть свою роль в наращивании китайской мягкой силы в арабских странах.

<https://www.haaretz.com/middle-east-news/2021-02-11/ty-article-magazine/.premium/what-does-chinese-media-say-about-the-mideast-depends-which-language-youre-reading/0000017f-e5cd-df5f-a17f-ffdf1b610000>

⁵⁵⁸ رئيس الصين يطلق المكتبة الرقمية العربية الصينية. 18 يوليو , 2018 . العربية.

(Президент Китая запускает арабо-китайскую цифровую библиотеку. 18 июля 2018 г. Аль-Арабия.)

<https://www.alarabiya.net/saudi-today/2018/07/18/%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8A%D9%86-%D9%8A%D8%B7%D9%84%D9%82-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%83%D8%AA%D8%A8%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8A%D9%86%D9%8A%D8%A9->

⁵⁵⁹ Shambaugh, David. 2013. China Goes Global: The Partial Power. New York: Oxford University Press.

Что же касается внешней пропаганды, то она должна быть сосредоточена на следующих моментах: во-первых, на передаче миру концепции «миролюбивого Китая» через китайскую культуру и миролюбивую внешнюю политику; во-вторых, показать жизненную силу Китая и его новые черты, особенно социальные изменения, произошедшие в нем за последние годы, замечательные достижения, достигнутые в процессе модернизации, и новые идеи, возникшие в Китае. Благодаря позитивным новостным сообщениям об изменениях в Китае и международной политике можно улучшить восприятие Китая арабскими народами и создать позитивный образ Китая.

3.2 Сотрудничество КНР и арабских стран региона в области культуры и образования

Китайско-арабские культурные обмены имеют глубокие исторические корни. Историческим наследием культурных обменов между Китаем и Арабским Востоком является древний Шелковый путь, который напоминает Китаю и арабским странам об их славной истории и культуре и служит укреплению их национальной гордости. В VII веке началось взаимодействие двух мощных цивилизаций. Из Китая арабы заимствовали производство бумаги, шелк, чай и другие продукты, а технология синего фарфора и астрономия были представлены в Китае арабами.

В настоящее время инициатива «Один пояс - один путь», наряду с арабской стратегией «Взгляд на Восток», активизировали сотрудничество в области культуры и образования. Растущее политическое взаимное доверие, все более тесные экономические и торговые обмены между Китаем и арабскими странами Ближнего Востока придали импульс культурному обмену между двумя сторонами. Форум китайско-арабского сотрудничества является платформой для расширения диверсифицированной культурной деятельности, которая эффективно способствует всестороннему развитию китайско-арабского культурного обмена.

Были разработаны механизмы сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере: Китайско-арабский форум по сотрудничеству в области радио и телевидения, Китайско-арабское сотрудничество в организации фестивалей искусств и индустрии культуры, Китайско-арабский форум сотрудничества в области туризма, Китайско-арабская

цивилизация «Конференция-диалог», Форум ректоров китайско-арабских университетов, сотрудничество между китайскими и арабскими аналитическими центрами, Конференция китайско-арабской дружбы, Китайско-арабский форум сотрудничества женщин, Китайско-арабские неправительственные организации и общественные организации, Китайско-арабский молодежный проект дружбы, China-Arab Expo и China-Arab Cities Forum.

Культурный обмен между Китаем и арабскими странами основан на работе правительственных структур высокого уровня. Примером могут служить Министерские встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. Например, восьмая министерская встреча состоялась в Пекине в 2018 году. Председатель Си Цзиньпин объявил на церемонии ее открытия, что Китай пригласит 100 молодежных лидеров из арабских стран, 200 молодых специалистов технического профиля и 300 ученых посетят Китай. Кроме того, было объявлено, что 100 арабских религиозных лидеров и 600 лидеров арабских политических партий были приглашены посетить Китай, при этом будет создано 10 000 учебных мест и 500 медицинских бригад будут отправлены в арабские страны⁵⁶⁰.

В соответствии с разработанными сторонами планами, был создан Китайско-арабский центр обмена новостями, официально запущен проект Китайско-арабского портала электронных библиотек, состоялся Фестиваль арабского искусства в рамках инициативы «Один пояс, один путь»⁵⁶¹. Таким образом, можно утверждать, что инициатива «Один пояс - один путь» обогатила культурные обмены Китая с арабскими странами и улучшила механизмы сотрудничества в этой области.

В документе «Политика Китая в отношении арабских стран» говорится: «Китай готов работать с арабскими странами, чтобы внести вклад в разностороннее развитие и взаимное обогащение мировых цивилизаций. Мы будем укреплять обмены между людьми, расширять сотрудничество в таких областях, как наука, образование, культура,

---

⁵⁶⁰ Xi, J. (2018, July 10). President Xi Jinping's speech at the opening ceremony of the eighth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum. Retrieved from <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0710/c64094-30138530.html>

⁵⁶¹ Xi, J. (2018, July 11). Work Hand in Hand to Promote the Strategic Partnership between China and Arab Countries in the New Era: Speech at the Opening Ceremony of the Eighth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum. People's Daily.

здравоохранение, радио, кино и телевидение, углублять взаимопонимание и дружбу между двумя народами, способствовать взаимному обучению и интеграции между двумя культурами, строить коммуникационный мост между двумя народами и вносить совместный вклад в прогресс человеческой цивилизации»⁵⁶².

По состоянию на 2020 г., обе стороны провели семь семинаров по китайско-арабским отношениям и Диалог цивилизаций, три фестиваля арабского искусства и три фестиваля китайского искусства, шесть конференций китайско-арабской дружбы, два женских форума, две китайско-арабские конференции по туризму и бизнесу, а также два китайско-арабских молодежных проекта дружбы⁵⁶³. К 2021 году Китай организовал 26 пар городов-побратимов с девятью арабскими странами.

Китайско-арабские культурные обмены состоят из образовательных, медиа, туристических и религиозных взаимодействий, которые, соответственно, фокусируются на интеллектуальных обменах, ставят целью повлиять на общественное мнение партнера, создать условия для лучшего понимания в массах, оказывать влияние на религиозные группы населения⁵⁶⁴.

Образование, научные исследования

Образовательный обмен является важной частью культурного обмена между Китаем и арабскими странами. В июле 2018 года на 8-й Министерской встрече Форума был принят План действий на 2018-2020 годы. Стороны договорились «продолжать укреплять сотрудничество в области образования и научных исследований, поощрять обмены между образовательными и исследовательскими учреждениями двух сторон, укреплять и поддерживать обмены между китайскими и арабскими университетами и постепенно увеличивать количество стипендий»⁵⁶⁵. Это руководящий документ для китайско-арабского сотрудничества в области образования.

⁵⁶² China's Arab Policy Paper. January 2016, Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China

⁵⁶³ Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASCF. (2018). Jointly Building “Belt and Road” and promoting the new starting point of collective cooperation between China and Arab countries: Achievements and prospects of CASCF. Retrieved from <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/lttd/P020180614580301500634.pdf>

⁵⁶⁴ Sun, D. & Abdrabou, A.A. (2021). The development of China-Arab cultural exchanges: Opportunities and challenges in the Belt and Road era. *Belt & Road Initiative Quarterly*, 2(4), 24-42.

⁵⁶⁵ Action Plan of the CASCF for 2018-2020. (2018, July 10). China- Arab States Cooperation Forum website. Retrieved from <http://www.chinaarabcf.org/chn/lthyjwx/bzjhy/dbjbzjhy/t1577009.htm>

Институты Конфуция являются некоммерческими учебными заведениями, созданными Центром языкового образования и сотрудничества (первоначально Hanban) с преподаванием китайского языка в качестве основного направления деятельности. Миссия Институтов состоит в том, чтобы продвигать китайский язык и культуру в мире и укреплять культурные обмены между всеми этническими группами⁵⁶⁶. Их деятельность способствует укреплению культурных обменов между Китаем и арабами; они создаются в сотрудничестве между научными учреждениями Китая и научными и культурными учреждениями других стран с целью поддержания уз сотрудничества в области образования и культуры, развития дружеские отношения между Китаем и всеми странами мира. В последние годы в арабском мире наблюдается быстрый рост числа Институтов Конфуция. К 2021 г. в 11 арабских странах было создано 15 таких Институтов и 3 конфуцианских класса (см. Таблицу № 12), в которых зарегистрировано более 94 000 студентов⁵⁶⁷.

Таблица № 12. Институты Конфуция и конфуцианские классы в арабском мире

Принимающие страны	Институты Конфуция или Классы Конфуция	Год основания	Китайские аналоги
Ливан	Институт Конфуция в Университете Святого Иосифа	2007	Шэньянский педагогический университет
Египет	Институт Конфуция Каирского университета	2008	Пекинский университет
Египет	Институт Конфуция Университета Суэцкого канала	2008	Пекинский университет языка и культуры
Иордания	Амман TAG Институт Конфуция	2009	Шэньянский педагогический университет
Тунис	Sfax Broadcasting Класс Конфуция	2009	Международное радио Китая
Судан	Институт Конфуция Хартумского университета	2009	Северо-западный педагогический университет
Марокко	Институт Конфуция Университета Мухаммеда V	2009	Пекинский университет международных исследований
ОАЭ	Институт Конфуция Университета Зайда	2010	Пекинский университет иностранных языков
ОАЭ	Институт Конфуция университета Дубая	2011	Ningxia университет
Иордания	Институт Конфуция Филадельфийского университета (Иордания)	2012	Liaocheng университет
Марокко	Институт Конфуция Университета Хасана II	2012	Шанхайский университет международных исследований

⁵⁶⁶ Zhou, L. (2010). Foreign cultural exchanges and China's new diplomacy. Beijing: Culture and Art Press. c.212-213.

⁵⁶⁷ حمى اللغة الصينية في العالم العربي 25-02-2021 CGTN .
<https://arabic.cgtn.com/n/BfJEA-IA-GEA/FFeBEA/index.html>

Бахрейн	Институт Конфуция Бахрейнского университета	2014	Шанхайский университет
Коморы	Класс Конфуция Коморского университета	2014	Даляньский университет
Египет	Nile TV Класс Конфуция	2015	Пекинский университет языка и культуры
Марокко	Институт Конфуция Университета Абдула Малика аль Асада	2016	Университет науки и техники Цзянсу
Тунис	Институт Конфуция в Высшем институте языков (ISLT) при Карфагенском университете	2018	Даляньский университет иностранных языков
Палестина	Институт Конфуция в университете Аль-Кудс	2019	Цзянси педагогический университет
Саудовская Аравия	Институт Конфуция в Университете Джидды	2019	Шаньдунский педагогический университет

Благодаря совместным усилиям Китая и арабских стран, достигнут устойчивый прогресс в образовательных обменах. Число арабских студентов в Китае увеличилось с 1130 в 2004 г. до 18 050 в 2016 г., при среднегодовом темпе роста 26%. Число китайских студентов, обучающихся в арабских странах, увеличилось с 242 в 2004 г. до 2433 в 2016 г., при среднегодовом темпе роста 21%. С 2019 по 2020 год 364 египетских студента и 126 аспирантов выиграли стипендии правительства Китая⁵⁶⁸. Китайский стипендиальный совет (CSC) предлагает стипендии арабским студентам, а некоторые арабские страны, например, Саудовская Аравия, финансируют обучение своих студентов в Китае. В основном заявки на обучение в Китае подаются либо онлайн, либо в посольствах. В некоторых случаях арабские университеты или Институты Конфуция отправляют арабских студентов в Китай. Многие арабские студенты предпочитают учиться в Китае из-за привлекательных стипендий и низкой стоимости по сравнению с другими странами. Что касается государственных стипендий, то правительство Китая оплачивает обучение и расходы на проживание⁵⁶⁹. Растет число арабских студентов, поступающих в китайские университеты. В прошлом учеба в Китае не была популярной, но за последние десять лет Китай стал идеальным выбором для арабских студентов благодаря предоставлению

⁵⁶⁸ Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASCF. (2018). Jointly Building “Belt and Road” and promoting the new starting point of collective cooperation between China and Arab countries: Achievements and prospects of CASCF. Retrieved from <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/lttdt/P020180614580301500634.pdf>

⁵⁶⁹ China Scholarship Council (2020). Introduction to Chinese Government Scholarships. <http://www.campuschina.org/scholarshipdetailen.aspx?cid=97&id=2070> , accessed August 24, 2020.

большого количества стипендий⁵⁷⁰. Программы студенческого обмена между Китаем и арабскими странами имеют положительные последствия, такие как укрепление китайско-арабских отношений и облегчение доступа Китая к арабским источникам энергии и рынкам⁵⁷¹.

Среди арабских стран Египет получил больше всего стипендий от правительства Китая, а студенты, выигравшие такие стипендии, в основном изучают прикладные дисциплины, такие, как естественные науки и инженерное дело. Профессиональные области обучения для иностранных студентов включают современные науки и технологии, такие как аэрокосмическая отрасль, науки о земле, морские науки, машиностроение и информационные технологии⁵⁷².

В целях содействия образовательному обмену между Китаем и арабскими странами в 2017 году был официально открыт Колледж Шелкового пути Китайского университета геонаук (Ухань), заложивший основу для создания китайского-иорданского университета. Этот вуз стал первым китайским государственным университетом за пределами КНР. Его кампус расположен в Аммане, столице Иордании. Его поддерживает Китайский университет наук о Земле (Ухань).⁵⁷³ В 2018 году посол Китая в Иордании Пан Вэйфан и министр культуры Иордании Наби Шукум подписали соглашение о создании китайского культурного центра в столице Иордании Аммане⁵⁷⁴.

В настоящее время Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты являются участниками Всеобъемлющего стратегического партнерства с Китаем. Обе страны включают китайский язык в свои системы начального и среднего образования. Образовательные обмены между Китаем и ОАЭ также набирают силу. В июле 2019 года во время визита президента Си Цзиньпина в ОАЭ, в штаб-квартиру Института Конфуция

⁵⁷⁰ Rakhmat, M. Z. (2014). China and Saudi Arabia: Strengthening Ties through Education. Daily Sabah, April 13. <http://www.dailysabah.com/opinion/2014/04/14/china-and-saudi-arabia-strengthening-ties-through-education>

⁵⁷¹ Mohamad Zreik (2021) Academic Exchange Programs between China and the Arab Region. ARAB STUDIES QUARTERLY. ASQ Vol. 43, No. 2, Spring 2021

⁵⁷² Xinhuanet. (2019, August 29). 364 Egyptian students who have won Chinese government scholarships are about to study in China. Retrieved from http://www.xinhuanet.com/2019-08/29/c_1124934190.htm

⁵⁷³ China and Jordan jointly build China Jordan University. (2017, December 6). Wuhan Evening News.

⁵⁷⁴ توقيع إتفاقية لإنشاء مركز ثقافي صيني في الأردن. 2018:01:09.

(Подписание соглашения о создании китайского культурного центра в Иордании. 2018:01:09.)

<http://arabic.people.com.cn/n3/2018/0109/c31657-9312982.html>

и Министерство образования ОАЭ был подписан Меморандум о взаимопонимании по интеграции китайского языка в систему начального образования в ОАЭ⁵⁷⁵. Дубайская китайская школа, открывшаяся в июле 2020 года, является первым примером такой образовательной политики, она является первой китайской школой полного дня, успешно созданной за границей⁵⁷⁶. ОАЭ стали моделью образовательных обменов между Китаем и арабскими странами.

В последние годы Университет короля Сауда открыл факультет китайского языка. В 2019 году во время визита наследного принца Мухаммеда бен Салмана в Китай правительство Саудовской Аравии объявило о включении китайского языка в учебные программы всех уровней образования в Королевстве.

Помимо Саудовской Аравии, создание Институтов Конфуция активно поддерживала Палестина. В 2019 году университет Аль-Кудс в Палестине отпраздновал открытие Института Конфуция, который удовлетворяет растущие потребности палестинцев в изучении китайского языка, улучшает понимание палестинцами китайской культуры и развивает традиционную дружбу между двумя народами⁵⁷⁷. Кстати, в Палестине, молодые студенты с большим энтузиазмом изучают китайский язык.

В целях продвижения исследований, связанных с китайско-арабским сотрудничеством, и содействия обменов между Китаем и арабскими странами 20 апреля 2017 г. в Шанхайском университете международных исследований был открыт «Китайско-арабский исследовательский центр реформ и развития». В 2019 году центр организовал пять семинаров для арабских стран на темы обмена опытом в области руководства и управления⁵⁷⁸.

---

⁵⁷⁵ الإمارات توقع 16 اتفاقية ومذكرة تفاهم مع الصين. 22 تموز 2019. Sky News Arabia. (ОАЭ подписали 16 соглашений и меморандумов о взаимопонимании с Китаем, 22 июля 2019 г. Sky News Arabia.)

(skynewsarabia.com) الإمارات توقع 16 اتفاقية ومذكرة تفاهم مع الصين | سكاى نيوز عربية

⁵⁷⁶ Consulate General of the People's Republic of China in Dubai. (2020, July 20). Consul General Li Xuhang attended the opening ceremony of Dubai Chinese School. Retrieved from <http://dubai.chineseconsulate.org/chn/xwdt/t1799161.htm>

⁵⁷⁷ تدشين معهد كونفوشيوس الصيني لأول مرة في فلسطين. ديسمبر 2019. Xinhuanet. (Открытие Китайского института Конфуция впервые в Палестине) Xinhuanet. (2019, 17 December http://arabic.news.cn/2019-12/17/c_138638145.htm)

⁵⁷⁸ Китайско-арабский исследовательский центр реформ и развития. Официальный сайт на арабском языке <http://carc.shisu.edu.cn/arabic/7796/list.psp>

Что касается сотрудничества в области научных исследований, данные Web of Science свидетельствуют о том, что в 2014 г. китайские авторы активно участвовали в написании статей в соавторстве с учеными из Саудовской Аравии, и эта страна входит в десятку ведущих стран, сотрудничающих с Китаем⁵⁷⁹. По данным WoS, средняя доля соавторства составляет 1,9 % от общего числа публикаций в арабском мире за период 2007–2017 гг., а в Scopus — 2,8 %. В Scopus имеется более широкий набор статей, и эта база данных указывает на почти двухкратный перевес публикаций в соавторстве с Китаем: 15 123 в Scopus и 8 197 в WoS, что на 84% больше статей в соавторстве. Эксперты 4-х арабских стран в WoS имеют более 800 статей в соавторстве с Китаем: Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир и Египет (см. Таблицу № 13). В Scopus - более 790 статей в соавторстве с учеными из 5 арабских стран: Саудовской Аравии, Египта, Катара, Марокко и Эмиратов (см. Таблицу № 14).

Таблица № 13.

Публикация в арабском мире в Web of Science и в соавторстве с исследователями из Китая (2007–2017)			
Страна	Документы	Соавторство с Китаем	% соавторства от общего числа публикаций страны
Саудовская Аравия	99,579	2,494	2.5
ОАЭ	24,745	1,432	5.8
Алжир	33,993	864	2.5
Египет	101,150	831	0.8
Марокко	26,939	389	1.4
Ливан	16,231	355	2.2
Иордания	16,779	347	2.1
Йемен	2,073	319	15.4
Тунис	48,102	303	0.6
Ирак	9,515	243	2.6
Оман	8,116	196	2.4
Катар	14,672	181	1.2
Кувейт	10,318	77	0.7

⁵⁷⁹ Smoothing the Waters: Science and Research Collaboration between China and the Arab World. Ed. Mojtaba Mahdavi and Tugrul Keskin p.6. Published in: Rethinking China, the Middle East and Asia in a “Multiplex World”. Brill 2022.p. 162–180. От WoS

Палестина	264	56	21.2
Бахрейн	2,645	48	1.8
Сирия	3,637	30	0.8
Судан	4,417	25	0.6
Коморы	63	6	9.5
Ливия	2,889	1	0.0
Джибути	102	0	0.0
Сомали	83	0	0.0
Общий	426,312	8,197	1.9

Источник: Smoothing the Waters: Science and Research Collaboration between China and the Arab World. Ed. Mojtaba Mahdavi and Tugrul Keskin p.11. Published in: Rethinking China, the Middle East and Asia in a “Multiplex World”. Brill 2022.p. 162–180.

Таблица № 14.

Публикации в арабском мире в Scopus и в соавторстве с исследователями из Китая (2007–2017)			
Страна	Документы	Соавторство с Китаем	% соавторства от общего числа публикаций страны
Саудовская Аравия	118,860	6,734	5.7
Египет	126,060	2,545	2.0
Катар	17,349	1,311	7.6
Марокко	36,131	911	2.5
ОАЭ	32,112	790	2.5
Судан	5,901	483	8.2
Ирак	14,553	433	3.0
Алжир	43,886	331	0.8
Ливан	19,054	325	1.7
Тунис	57,650	301	0.5
Оман	11,785	251	2.1
Иордания	24,357	226	0.9
Кувейт	13,172	192	1.5
Сирия	4,711	95	2.0
Палестина	4,418	71	1.6
Бахрейн	3,787	51	1.3

Йемен	2,732	39	1.4
Ливия	3,853	25	0.6
Коморы	98	5	5.1
Сомали	118	4	3.4
Джибути	176	0	0.0
Общий	540,763	15,123	2.8

Источник: Smoothing the Waters: Science and Research Collaboration between China and the Arab World. Ed. Mojtaba Mahdavi and Tugrul Keskin p.12. Published in: Rethinking China, the Middle East and Asia in a “Multiplex World”. Brill 2022.p. 162–180.

Однако китайско-арабское научное сотрудничество на сегодняшний день не является значительным. Во-первых, хотя Китай проявляет всесторонний интерес к арабским странам, он все же менее приоритетен, чем интерес Китая к другим регионам, в частности, к Европейскому союзу; Во-вторых, диаспора может играть существенную роль в научном сотрудничестве, а китайская диаспора в Европе и Америке больше, чем в арабском мире; В-третьих, арабский мир и Китай имеют очень разные экономические системы, но тесно связанные с торговлей. Интерес арабов к науке и инновациям менее важен для рынка арабских стран, чем интерес Китая. Исследования по-прежнему занимают не приоритетное место в повестке дня арабских стран, и такая «научная дипломатия» воспринимается арабскими странами как чуждая (в отличие от Китая).⁵⁸⁰. Для расширения сотрудничества Китай и арабский мир должны иметь более четкие программы, обеспечивающие институциональное финансирование и облегчающие сотрудничество между учеными с обеих сторон.

В настоящее время обмен и сотрудничество между Китаем и арабскими странами больше ориентированы на изучение языков, а освоение других дисциплин все еще ограничено, что влияет на готовность китайских и арабских студентов учиться в странах. Если взять в качестве примера Саудовскую Аравию, то в 2016 году 174 000 саудовских студентов выезжали за границу на учебу в 34 страны мира, большинство из них училось

⁵⁸⁰ Smoothing the Waters: Science and Research Collaboration between China and the Arab World Published in Mojtaba Mahdavi and Tugrul Keskin (Eds.). Rethinking China, the Middle East and Asia in a “Multiplex World”. Brill 2022.p. 162–180.

в США (60,8%), затем следовали Великобритания, Канада и Австралия, в то время как только 0,5 % саудовских студентов направилось в Китай⁵⁸¹.

Существует разрыв между масштабами китайско-арабского сотрудничества в сфере высшего образования и текущими потребностями.⁵⁸² Эффект существующего сотрудничества все еще очень ограничен и не соответствует все более расширяющемуся диалогу в различных областях.

Сотрудничество в сфере переводов

Перевод является одним из важнейших средств достижения научно-технического прогресса и культурного обмена между народами. Он является средством диалога между цивилизациями, инструментом устранения причин конфликтов между культурами, способствуя общению между народами. Один из китайских пионеров в области перевода с арабского на китайский - шейх Ван Дай Буй (1585-1670) в конце династии Мин и начале династии Цин, а также ученый Ма Лянь Юань (1841-1903) в конце династии Цин. Хотя переводы с арабского языка тогда были сосредоточены в основном на религиозных книгах с целью познакомить китайских мусульман с истоками и принципами ислама и исламской религией в целом, перевод также включал другие нерелигиозные области, такие как география, астрономия и литература.

В настоящее время Китай уделяет больше внимания, чем арабские страны, вопросу перевода литературы с арабского на китайский. В 2010 г. Китай и Генеральный секретариат Лиги арабских государств подписали соглашение «Совместный проект по переводу и публикации китайских и арабских классических произведений». Форум китайско-арабского сотрудничества на своей шестой сессии, которая состоялась в Пекине в 2014 году, принял меморандум о взаимопонимании между двумя сторонами в области перевода и публикации книг на арабском и китайском языках⁵⁸³. Между китайской и арабской сторонами был подписан ряд соглашений о переводе и издании книг:

---

⁵⁸¹ Yang, W. R. (2020). Exchange and cooperation of education between the China-Arab states. *Exploring Education Development*, 40(17). Retrieved from <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SHGJ202017007.htm>

⁵⁸² QI Ji, MA Shiyuan (2021), China-Arab Higher Education Cooperation: History and Current Situation. *Cultural and Religious Studies*, June 2021, Vol. 9, No. 6, 262-266 doi: 10.17265/2328-2177/2021.06.002

⁵⁸³ См. пункт 6 главы 15 «Исполнительная программа Форума китайско-арабского сотрудничества на 2014–2016 годы», Пекин, 5 июня 2014 г.

Переводческий проект «Единая цивилизация» между Фондом арабской мысли и Китайской группой международных публикаций (декабрь 2009 г.), «Проект взаимного перевода китайских и арабских матерей-книг» (май 2010 г.), «Центр переводов и обмена авторскими правами между Китаем и арабскими странами» (2016 г.).

В документе «Политика Китая в отношении арабских стран», опубликованном в начале 2016 г., содержится призыв к «поощрению средств массовой информации и издательских учреждений обеих сторон к общению и сотрудничеству, а также к работе по реализации «Меморандума о взаимопонимании по вопросам перевода и публикации китайских и арабских книг и литературных произведений». Необходимо поощрять и поддерживать участие издательств с обеих сторон на международных книжных ярмарках⁵⁸⁴. С 2016 года в арабских странах было опубликовано большое количество китайских книг, в которых рассказывается об экономическом развитии Китая, дипломатической стратегии, реформах и открытости, подъеме Китая, сокращении бедности в стране и инициативе «Пояс и путь». К 2018 году было переведено и опубликовано более 30 изданий китайской и арабской классики. Профессор Чжун Цзикунь из Пекинского университета и профессор Чжу Вейли из Шанхайского университета международных исследований получили Международную премию короля Абдаллы (КСА) за переводы⁵⁸⁵. Взаимный перевод произведений китайской и арабской классики способствует преодолению культурного разрыва и взаимопониманию между двумя народами.

Например, одно из государственных издательств в Пекине до января 2016 года выпустило около 120 книг, переведенных с арабского на китайский язык. Оно подписало соглашения с 70 % издателей, работающих в цифровой издательской индустрии в арабском мире, и получило перевод на печать 6500 наименований на своей электронной платформе, созданной в конце 2014 года. Было достигнуто соглашение с Союзом арабских издателей о запуске проекта по переводу литературы с арабского на китайский язык⁵⁸⁶.

Издательская группа Пекинского педагогического университета также работала над публикацией арабских переводов классических китайских произведений в

---

⁵⁸⁴ China's Arab Policy Paper. January 2016, Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China

⁵⁸⁵ Ding, J. & Chen, J. (2018). On cultural exchanges between China and Middle East countries since the reform and opening up. Arab World Studies, (5), 34-35.

⁵⁸⁶ Hou Liqiang, «Press to Publish More Chinese Books in Arabic» China Daily, 28/1/2017.

сотрудничестве с группой арабских и китайских профессоров и переводчиков. Отмечены усилия в переводе ряда китайских книг на арабский язык китайскими арабистами, такими как Ван Юён (Фейсал), профессор арабского языка в Шанхайском университете международных исследований, который перевел некоторые из этих книг на арабский язык, например, книгу Шунь Цзе, известного китайского философа (313 г. до н.э. - 238 г. до н.э.).

Китай поощряет распространение китайской классики в арабском мире. Вот ряд проектов: «Проект перевода китайской и арабской классики», «Проект академического перевода китайской литературы», «План продвижения китайской книги», «Международный издательский проект китайской классики», «Проект книги «Шелковый путь», «Проект перевода и публикации произведений китайской культуры», «Проект перевода современных китайских произведений». ⁵⁸⁷ . Поддерживая проекты по переводу с китайского на арабский, Китай стремится познакомить арабского читателя с Китаем, его прошлым и настоящим. В Пекине осознают, что среди арабов наблюдается некое непонимание китайской культуры, поэтому он работает над тем, чтобы исправить эту ситуацию. ⁵⁸⁸ Эти усилия, несомненно, способствуют укреплению «мягкой силы» Китая, стремящегося занять более весомую роль на международной арене.

Несмотря на большую и важную роль Форума арабо-китайского сотрудничества в продвижении арабо-китайских отношений в различных областях, его роль по-прежнему ограничена и скромна в области поддержки переводов с арабского и китайского языков. Арабо-китайские усилия в области перевода все еще скромны, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в этой области благодаря усилиям ряда специализированных арабских и китайских исследователей и переводчиков, которые являются индивидуальными усилиями, заслуживающими похвалы. Однако этих усилий недостаточно, так как они должны быть подкреплены усилиями официальных и неофициальных учреждений, поскольку перевод нуждается в поощрении, финансовой и моральной поддержке.

⁵⁸⁷ Bao, C. (2019). Current situation, foundation and challenges of cultural exchanges between China and Arab countries. *West Asia and Africa*, (1), 140-160.

⁵⁸⁸ "الصين تقوم بترجمة كتبها الى العربية " ن بوست , 22 شباط 2014 (Китай переводит свои книги на арабский». *The N Post*, 22 февраля 2014 г.)

Китайско-арабские медиа-обмены, включая радио, кино, телевидение, онлайн-СМИ, прессу, и т.д., имеют различные формы, работая на поле публичной дипломатии, помогая сторонам лучше узнать и понять друг друга. Китай стремится распространять культурные ценности «милосердия, человечности и терпимости». В Китае переведены многие фильмы и сериалы на арабский язык. В 2013 году фильм «Kim Taro's Happy Life», отражающий современную жизнь Китая, вышел на экраны арабского мира⁵⁸⁹. Проводятся Фестивали арабского радио и телевидения.

Из-за широкого использования цифрового спутникового телевидения, технологий 4G и 5G, а также мобильных телефонов первоначальный единый шаблон медиакommunikации движется в сторону диверсификации. В Китае многие важные общественные информационные веб-сайты и телевизионные станции создали сайты на арабском языке, такие как People's Net, China Network Television, Xinhuanet, International Online, Chinese network, и другие средства массовой информации. Кроме того, все большую популярность приобретают арабо-китайские двуязычные СМИ, такие как «China-Arab network» и «Arab Information Exchange Center». Местные обычаи и обычаи Китая освещаются в новостях WeChat, Today's Headlines, micro-blog и т. д.

На регулярной основе стали проводиться фестивали искусств, обмены делегациями писателей, художников, других деятелей культуры. Например, в соответствии с Планом действий CASCF на 2020-2022 годы, Китай проведет «Фестиваль арабского искусства» в Пекине и Чэнду, а также Форум министров культуры. Китай пригласил арабских художников принять участие в «Международном фестивале искусств «Шелковый путь»», «Международном фестивале искусств морского Шелкового пути» и «Международной культурной выставке «Шелковый путь (Дуньхуан)». Китай пригласил арабских коллег принять участие в совместных фестивалях театров, музеев, библиотек.

Религиозные и туристические обмены

Туризм является ведущей отраслью развития Китая, способствующей реализации инициативы «Один пояс, один путь». Он выполняет особую роль в содействии

---

⁵⁸⁹ Wu, D. & Tang, J. (2019). How do Chinese popular dramas become popular in the Arab world? Retrieved from https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2966774

беспрепятственной торговли и связям со странами, расположенными вдоль маршрута⁵⁹⁰. Как Китай, так и страны Ближнего Востока имеют большой потенциал для развития туризма. По официальным данным, в течение 13-й пятилетки Китай планирует отправить 150 млн китайских туристов в страны «Пояса и пути» и 200 миллиардов долларов США в виде туристического потребления в страны, участвующие в инициативе «Пояс и путь»⁵⁹¹. Туристический рынок арабских стран имеет большой потенциал для развития. Например, арабские государства Персидского залива демонстрируют высокие темпы роста туристической индустрии. Так, в 2014 году потребление выездного туризма для стран Персидского залива достигло 40 миллиардов долларов США, что составляет 31% мирового потребления «исламского туризма»⁵⁹². Укрепление китайско-арабского сотрудничества в области туризма имеет большое практическое значение для содействия развитию существующей туристической индустрии Китая, диверсифицированному развитию индустрии культурного туризма Китая и дальнейшего повышения уровня интернационализации этой отрасли⁵⁹³.

Данные Китайско-арабского форума по сотрудничеству в области туризма, состоявшегося в 2019 году в Пекине, свидетельствуют о росте обмена между Китаем и арабскими странами, ежегодно в среднем на 16,5 %. В 2018 году 338,8 тысячи арабов посетили Китай, в то время как 1456,8 тыс. китайских туристов отправились в арабские страны, с увеличением на 0,7 % и 8,9 % в годовом исчислении, соответственно.

---

⁵⁹⁰ Liang, Y. (2021). China's cultural communication with the Middle East under the BRI: Assessment and prospects. *Belt & Road Initiative Quarterly*, 2(4), 62-72.

<https://briqjournal.com/en/chinas-cultural-communication-the-middle-east-under-the-bri-assessment-and-prospects>

⁵⁹¹ The State Council of the People's Republic of China. (2015, April 1). How to realize the tourism vision of the Belt and Road Initiative. Retrieved from http://www.gov.cn/xinwen/2015-04/01/content_2841172.htm.

⁵⁹² Pivac, D. Z. (2015, May 1). The trail less travelled. *BQ Magazine*.

Retrieved from <http://www.bq-magazine.com/industries/hospitality/2015/05/halal-tourism-in-the-gcc>

⁵⁹³ Pew Research Center. (2011). *The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010 – 2030* (January 2011). Washington, D. C.: Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life. Retrieved from: <https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2011/01/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf>

К 2020 году 13 арабских стран стали направлениями выездного туризма для граждан Китая, а в 9 странах официально создан туристический бизнес⁵⁹⁴. 15 арабских стран могут похвастаться 61 объектом всемирного природного и культурного наследия, признанным ЮНЕСКО⁵⁹⁵. В последние годы количество китайских туристов в арабских странах значительно увеличилось, особенно в ОАЭ. В результате Дубай стал туристическим центром арабского мира с самым быстрорастущим числом китайских туристов за последние годы.

В 2013 г. не менее 270 тыс. китайских туристов посетили ОАЭ с целью отдыха и деловых поездок; с 2005 по 2015 год количество китайских туристов в Эмиратах выросло на 98% и, как ожидается, к 2030 году достигнет 540 тысяч. Согласно Белой книге China Luxury Tourist за 2014 год, Дубай стал третьим по популярности и величине направлением зарубежного туризма, привлекающим богатых китайских туристов. В ноябре 2016 года ОАЭ объявили о предоставлении безвизового режима гражданам Китая. Согласно официальной статистике Дубая, количество китайских туристов в 2017 году превысило 764 000 человек, увеличившись на 41%. Китай стал четвертым по величине туристическим рынком Дубая⁵⁹⁶.

Помимо ОАЭ, значительно увеличилось количество китайских туристов и в других странах Персидского залива. Например, с тех пор, как Оман подписал меморандум о взаимопонимании в сфере туризма с Китаем в 2006 году, количество китайских туристов в Омане ежегодно увеличивалось более чем на 30%, уступая только ОАЭ.

С развитием туризма в Китае и Египте, обмена и сотрудничество между Пекином и гражданской авиацией Египта расширяются. Есть два прямых рейса из Китая в Египет (из Пекина и Гуанчжоу в Каир). Согласно данным, предоставленным посольством Египта в Пекине, около 150 000 граждан Китая посетили Египет за первые пять месяцев 2017 года.

---

⁵⁹⁴ Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASCF. (2018). Jointly Building “Belt and Road” and promoting the new starting point of collective cooperation between China and Arab countries: Achievements and prospects of CASCF. Retrieved from <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/ldt/P020180614580301500634.pdf>

⁵⁹⁵ Wang L. (2018, February 2). China-Arab tourist exchanges and the broad prospects for development (Part I), China Tourism News.

⁵⁹⁶ Xinhuanet. (2019) The number of Chinese tourists to Dubai increased by 12% in 2018. Retrieved from http://www.xinhuanet.com/world/2019-02/25/c_1124159883.htm

За этот период китайские туристы забронировали 850 000 ночей в египетских отелях, что на 116% больше, чем за тот же период в 2016 году⁵⁹⁷. Египет стал одним из пяти самых популярных направлений для граждан Китая в Африке⁵⁹⁸. Египет считает КНР основным источником туристов, и успешно разработал проекты по продвижению египетской культуры в Китае, что привело к удвоению количества китайских туристов в Египте.

Ливан особенно богат туристическим ресурсом. 12 октября 2015 г. в Бейруте было проведено мероприятие по продвижению туризма для Китая, нацеленное на укрепление сотрудничества между туристическими агентствами двух стран и разработку туристических проектов и маршрутов для китайских туристов. В 2018 году Ливан посетили 9 453 китайских туриста. В 2019 году количество китайских туристов в Ливан достигло 12 тысяч, увеличившись на 22,4%.

Китай заинтересован в культурно-цивилизированном взаимодействии, а религиозные обмены развиваются по мере развития китайско-арабских отношений. Президент Китая Си Цзиньпин отметил во время своего визита в Королевство Саудовская Аравия и встречи с генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества Иядом Амином Мадани в начале 2016 года: «... между китайской и исламской культурами следует вести больше диалога»⁵⁹⁹. А в 2018 он заявил на церемонии открытия 8-й министерской встречи CASCF, что Китай пригласит 100 арабских религиозных лидеров посетить страну для установления религиозного диалога⁶⁰⁰. Религиозные обмены помогают обогатить культурный обмен между Китаем и арабскими странами, они способствуют диалогу цивилизаций, который прямо противоречит теории «столкновения цивилизаций», выдвинутой Сэмюэлем Хантингтоном.

Обмены между религиозными группами в Китае и арабских странах постепенно приняли организационные формы Каждый год Исламское общество Китая направляет

⁵⁹⁷ Egyptian Embassy in China. (2017, May 1). Chinese tourists to Egypt increased by 94% year-on-year in 2017. 199IT. Retrieved from <http://www.199it.com/archives/607635.html>

⁵⁹⁸ CYTS Travel Network. (2018). Report on Chinese citizens' tourism in Africa. Retrieved from <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1610294065260081598&wfr=spider&for=pc>

⁵⁹⁹ محمد بن سلمان ومشروع التبادل الثقافي (السعودي - الصيني) 1 – 6. 24 فبراير 2019

(Мохаммед бин Салман и проект культурного обмена (саудовско-китайский) 1–6. 24 февраля 2019 г.) <https://www.al-jazirah.com/2019/20190226/ar3.htm>

⁶⁰⁰ Jointly promote China Arab strategic partnership in the new era. (2019, July 11). People's Daily.

выпускников 10 исламских школ для обучения в колледжах и университетах арабских стран. Молодые китайские мусульмане участвуют в Международном конкурсе чтецов Священного Корана, проводимом в Саудовской Аравии, Иране и других странах. С 1978 года Исламский банк развития предоставил в рамках Организации Исламская конференция (сейчас ОИС) 10 млн долларов на строительство и реконструкцию исламских учебных заведений в Китае ⁶⁰¹.

В период пандемии COVID-19 мусульманская община Китая откликнулась на призыв китайского правительства к совместной борьбе против пандемии с арабскими странами. Китайская исламская ассоциация взяла на себя инициативу сбора пожертвований для стран арабского мира. К 14 февраля 2020 года исламские ассоциации Китая пожертвовали в общей сложности более 86,09 млн юаней на борьбу с пандемией⁶⁰².

Сотрудничество между Китаем и Ближним Востоком в индустрии исламского туризма также повысило культурную осведомленность обеих сторон. Кроме того, Китай и арабские страны сотрудничают в области туризма с использованием информационных технологий, что в основном включает два основных направления: сотрудничество в области интернет-туризма и совместное строительство и обмен туристической информацией⁶⁰³. Интернет-технологии оказывают важное влияние на индустрию туризма, а туристические информационные услуги на основе Интернета стали важным средством для развития глобального туристического бизнеса и туристического маркетинга, особенно в период эпидемии.

В будущем религиозные обмены между Китаем и арабскими странами будут продолжать играть незаменимую роль в качестве важного и мощного дополнения к общей дипломатии страны, а дружба между мусульманами в Китае и арабских странах будет продолжать углубляться⁶⁰⁴.

---

⁶⁰¹ Ibid.

⁶⁰² China News Network. (2020, February 15). Islamic circles in China: overcoming difficulties and fighting the epidemic. Retrieved from <http://finance.chinanews.com/gn/2020/02-15/9092458.shtml>

⁶⁰³ Xiao, C. X. (2016). Research on Sino-Arab Tourism Cooperation from the Perspective of One Belt One Road. *Arab World Studies*. 2, 56.

⁶⁰⁴ Ma L. Comparative advantages of China's "Silk Road strategy" and Islamic Silk Road cultural exchange. *World Religious Culture*, 2015. (1). С. 31.

Сотрудничество Китая с арабскими странами сталкивается с немалым количеством проблем. Геополитическая борьба ведущих держав обостряется, COVID-19 сеет хаос в мире, мировая экономика впадает в депрессию. Культурный обмен между Китаем и арабскими странами по-прежнему зависит от уровня политического и экономического сотрудничества. Кроме того, этно-конфессиональное многообразие арабского мира затрудняло Китаю реализацию единой культурной дипломатии.⁶⁰⁵ Уровень институционализации культурного обмена между Китаем и арабскими странами по-прежнему ограничен.

Ни Китай, ни арабские страны не отдают приоритет друг другу в культурном обмене. Обе стороны традиционно сосредоточены на культурном обмене с соседними странами, а также с Европой и Америкой. Для арабских стран ключевыми партнерами по культурному обмену являются европейские страны; для Китая - страны Восточной и Юго-Восточной Азии. И в образовательном сотрудничестве Китай, и арабские страны сталкиваются с асимметричной зависимостью от европейских стран и США. Китай и арабские страны долгое время были маргинализированы на фоне сильного западного дискурса, поэтому им еще предстоит пройти долгий путь, чтобы сделать культурные обмены между собой приоритетными.

---

⁶⁰⁵ Zhao H. (2012). On the “China-Arab States Cooperation Forum” promoting the demand and training of Arabic talents in Northwest China. *China Informatization*, (24).

Заключение

За последнее десятилетие Китай расширил свое экономическое присутствие на Ближнем Востоке, укрепив позиции как за счет индивидуальных партнерских связей, так и многостороннего сотрудничества. Двусторонний формат взаимодействия подразумевает учет специфики и уровня развития отдельно взятой арабской страны, и в этом контексте самые значимые игроки – Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, наряду с Египтом, считаются ключевыми партнерами Пекина в регионе. Что касается многостороннего формата, то он функционирует в рамках утвержденного на уровне Лиги арабских государств китайско-арабского стратегического диалога и диалога со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Созданный в 2004 г. Форум китайско-арабского сотрудничества через свои механизмы выполняет полезную функцию по укреплению многостороннего партнерства, помогая Китаю выработать комплексные подходы к сотрудничеству со странами региона. Перспективы развития в этих рамках признаны многообещающими, хотя пока что их эффективность ниже ожидаемого уровня.

Инициатива Китая «Один пояс, один путь» представляет собой беспрецедентный по размаху проект инфраструктурного развития, который призван связать с Китаем и между собой более 60 стран Азии, Африки и Европы на благо развития их торгово-экономических связей. Инициатива способствовала усилению экономической взаимозависимости между Китаем и арабскими странами. Интерес Пекина к Арабскому Востоку резко возрос с 2013 г., поскольку этот регион стал тесно увязан с основными экономическими потребностями Китая, особенно в области энергетики. Как нам представляется, Китай останется зависимым от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока в ближайшей и среднесрочной перспективе, несмотря на его серьезные попытки диверсифицировать источники энергии и иметь альтернативы. В этой связи Пекин существенно активизировал по различным направлениям и форматам свою «дипломатию партнерства» с ближневосточными государствами.

В основополагающем внешнеполитическом документе «Политика Китая в отношении арабских стран» нашло отражение экономическое сотрудничество Китая с арабскими странами. Однако в нем не определена четкая стратегия Китая в регионе,

особенно на политическом уровне и в сфере безопасности. Модель сотрудничества 1 + 2 + 3 (сотрудничество в области энергетики рассматривается в качестве ядра, строительство инфраструктуры, торговля и инвестиции - в качестве двух ключевых направлений, плюс три области высоких и новых технологий: ядерная энергетика, космос, альтернативная энергетика), отмеченные в документе, положена в основу китайско-арабского взаимодействия. Первый этап этой модели сотрудничества фактически реализован. Энергетика, как и транспорт, занимает наибольшую долю китайских инвестиций в инфраструктуру в регионе. Развиваются торговые отношения Китая со странами региона, особенно с членами Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива. Китай стал важнейшим экономическим партнером ближневосточных стран, а инициатива «Один пояс, один путь» стала более тесно увязана с реализацией масштабных экономических проектов арабских стран.

Бурный экономический рост Китая, вовлеченность в процессы глобализации, стремление получить статус влиятельной мировой державы и участвовать в обеспечении безопасности и стабильности на различных уровнях также повлияли на политику КНР в Ближневосточном регионе. Проводимый Пекином курс в целом получает положительный отклик в арабском мире. Ближневосточная политика КНР, как представляется, лишена внутривосточной подоплеки и сосредоточена, в первую очередь, на торгово-экономическом сотрудничестве. Для Китая развитие отношений с арабскими странами вписывается в амбициозный курс по продвижению своего присутствия в различных регионах мира. На Ближнем Востоке Пекин демонстрирует свои возможности становления как сверхдержавы в многополярном мире, соответственно, можно утверждать, что в геополитическом отношении регион становится все более важным для Пекина.

Партнерский подход широко используется Китаем в политике «мягкой силы», будь то на уровне двусторонних отношений или во взаимодействии с региональными и субрегиональными организациями. Инициатива «Один пояс, один путь» — не что иное как наглядный пример эффективности «мягкой силы» в достижении стратегических целей великих держав без применения силы. По мнению автора, необходимо предоставить больше пространства для культурной дипломатии, способствовать углубленному и

всестороннему изучению Китаем стран Ближнего Востока, активизировать участие гражданского общества в китайско-арабском диалоге через неправительственные организации. Важной представляется сфера образования: с момента объявления упомянутой китайской инициативы все большее число арабских студентов приезжает учиться в Китай. Но это не означает, что образовательное сотрудничество между двумя сторонами достигло достаточно высокого уровня; оно пока что не может сравниться с образовательным сотрудничеством каждой из арабских стран с западными партнерами.

Китай хоть и стал здесь заметным «игроком» на Ближнем Востоке, но при этом проявляет прагматизм, позиционную осторожность и сбалансированность, стремление избегать осложнений в регионе с другими международными акторами, соблюдать нейтралитет при обострениях (даже если это речь идет об антитерроре). С усилением своего присутствия на Ближнем Востоке за последнее десятилетие Китаю удавалось оставаться в основном вне региональных «линий разделений» и сохранять сбалансированную позицию, расширять и использовать взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество в регионе, где перманентные политические и социальные кризисы, как правило, порождают неустойчивость и нестабильность. Между тем, по мнению автора, Китай не сможет отстоять свои растущие экономические потребности, интересы в регионе при отсутствии серьезных инициатив в областях политики и безопасности, сколько-нибудь соизмеримых с масштабами его экономического присутствия в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Тот же проект «Один пояс, один путь» не сможет работать без надлежащего разрешения военных конфликтов в регионе.

Дальнейший ход событий будет определять целая совокупность региональных и глобальных факторов, и не в последнюю очередь те, что связаны с проводимой Китаем стратегией, с его видением своей роли на международной арене в целом и на Ближнем Востоке, в частности. Разумеется, многое и теперь, в последующей перспективе продолжает зависеть от позиции США, от того, как Вашингтон трактует свою «миссию» применительно к ближневосточной безопасности. Впрочем, это не исключает присутствия на ближневосточной арене и других крупных игроков, таких как Россия, Индия и Япония. Но многое также будет зависеть от позиций самих стран региона,

особенно от субрегиональных держав, в первую очередь, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта.

Современная геополитическая ситуация в регионе характеризуется активизацией Китая, а наряду с ним и России, на «игровом поле» Аравийского полуострова (причем в период, когда правители нефтяных монархий охвачены скептицизмом и неуверенностью в связи с переориентацией давних заокеанских партнёров на Азиатско-Тихоокеанский регион), что создает благоприятную почву для зарождения партнёрских отношений «нового типа» и для закрепления на этой основе начальной стадии многополярности. Очевидно, что подобная ситуация предоставит местным игрокам дополнительные возможности и рычаги воздействия, которые они смогут использовать во взаимоотношениях с западными державами.

Список источников и литературы

Источники

1. وثيقة تأسيس منتدى التعاون الصيني العربي 14 سبتمبر 2004
(Основополагающий документ Форума китайско-арабского сотрудничества 14 сентября 2004 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.
http://www.chinaarabcf.org/ara/gylt/200904/t20090407_6402501.htm
2. الإعلان المشترك حول إقامة علاقات التعاون الاستراتيجي بين الصين والدول العربية في إطار منتدى التعاون الصيني العربي.منتدى التعاون الصيني العربي. 17-05-2010.
(Совместная декларация об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и арабскими странами в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества от 17 мая 2010 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907498.htm
3. البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون الصيني العربي بين عامي 2010-2012
(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2010-2012 гг.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907510.htm
4. البيان الختامي الصادر عن الدورة الرابعة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون الصيني العربي . 14 مايو/ أيار عام 2010
(Заключительное коммюнике четвертой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 14 мая 2010 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dsijbzjhy/201005/t20100517_6907504.htm
5. بيان الدورة الخامسة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون العربي الصيني. 2012/5/31
(декларация пятой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 31.05.2012) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.
http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diwujiebuszhangjihuiyi/201206/t20120604_6907484.htm
6. البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون العربي الصيني بين عامي 2012-2014

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2012-2014 гг.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diwujiebuzhangjihuiyi/201206/t20120604_6907491.htm

7. إعلان بجين للدورة السادسة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون العربي الصيني. 2014/6/5

(Пекинская декларация шестой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 06.05.2014) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebuzhangjihuiyi/201406/t20140610_6907467.htm

8. الخطة التنموية العشرية لمنتدى التعاون العربي الصيني خلال الفترة 2014-2024.

(Десятилетний план развития Форума китайско-арабского сотрудничества на 2014-2024 гг.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebuzhangjihuiyi/201406/t20140610_6907474.htm

9. إعلان الدوحة للدورة السابعة للاجتماع الوزاري . 12 مايو 2016

(Дохинская декларация седьмой Министерской встречи. 12 мая 2016 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dqjbzjhy/201606/t20160623_6907452.htm

10. البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون العربي الصيني 2016-2018. 12 مايو 2016

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2016-2018 гг. 12 мая 2016 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dqjbzjhy/201606/t20160623_6907457.htm

11. إعلان بجين للدورة الثامنة للاجتماع الوزاري لمنتدى التعاون العربي الصيني (بجين، 10 يوليو 2018)

(Пекинская декларация восьмой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества, Пекин, 10 июля 2018 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/t20180724_6907423.htm

12. البرنامج التنفيذي لمنتدى التعاون العربي بين عامي 2018-2020 (بجين، 10 يوليو 2018)

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2018-2020 гг. Пекин, 10 июля 2018 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/t20180724_6907431.htm

13. البيان الختامي للدورة الثامنة لندوة العلاقات العربية - الصينية والحوار بين الحضارتين العربية والصينية لمنندى التعاون العربي-الصيني (17-18 ديسمبر 2019).

(Итоговое заявление по арабо-китайским отношениям и диалогу между арабской и китайской цивилизациями Форума китайско-арабского сотрудничества, 17-18 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/wmdhyth/201912/t20191227_6906327.htm

14. البيان المشترك لتضامن الصين والدول العربية في مكافحة وباء الالتهاب الرئوي الناجم عن فيروس كورونا المستجد 2020.

(Совместное заявление о солидарности Китая и арабских стран в борьбе с эпидемией нового коронавируса, 2020 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djjbujhy/202008/t20200810_6907416.htm

15. إعلان عمان للدورة التاسعة للاجتماع الوزاري لمنندى التعاون الصيني العربي 2020.

(Амманская декларация девятой Министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества. 2020 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djjbujhy/202008/t20200810_6907408.htm

16. البرنامج التنفيذي لمنندى التعاون الصيني العربي بين عامي 2020 – 2022. 10-08-2020.

(План действий Форума китайско-арабского сотрудничества на 2020-2022 гг., 10 августа 2020 г.) [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества.

http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/djjbujhy/202008/t20200810_6907401.htm

17. Количество китайского персонала, задействованного в миротворческих операциях //Главная Операции ООН по поддержанию мира ООН. Департамент операций по поддержанию мира. [Электронный ресурс]// <https://peacekeeping.un.org/ru>

18. Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь жибао. 19.11.2012. (на русск.яз.) [Электронный ресурс]. <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>

19. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века. // Госкомитет по делам развития и реформ. Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. 28 марта 2015. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html
20. BP Statistical Review of World Energy. 2020. [Электронный ресурс]//URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>
21. BRI Connect: An Initiative in Numbers – Refinitiv – reports 2019.
22. China's Arab Policy Paper. January 2016. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] //The State Council of the People's Republic of China. http://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm
23. China Global Investment Tracker. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>
24. China's 2010 Census Data. // National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>
25. China's Peaceful Development. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. September 2011, Beijing. [Электронный ресурс] // Information Office of the State Council. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm
26. China's Foreign Aid. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. July 2014, Beijing. [Электронный ресурс] // Information Office of the State Council. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm
27. The CIA World Factbook //Central Intelligence Agency, continually updated Explore Countries- Middle East/ [Электронный ресурс]//URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/middle-east/>
28. Country and Regional Insights – China. British Petroleum Energy Outlook, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2016.pdf>
29. Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative. 2018. [Электронный ресурс] //China-Arab States Cooperation Forum. <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf>

30. Deepen China-Arab Cooperation, 5 June 2014. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]//China Daily. - https://www.chinadaily.com.cn/china/2014-01/24/content_17255676.htm
31. The Diversified Employment of China's Armed Forces. // Ministry of National Defense. People's Republic of China, April 16, 2013. [Электронный ресурс] // Information Office of the State Council. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986506.htm
32. Exclusive Interview: Obama on the World. //The NewYork Tim. August 9, 2014. [Электронный ресурс] // The NewYork Tim. <https://www.nytimes.com/video/opinion/100000003048414/obama-on-the-world.html>
33. General Administration of Customs of China. [Электронный ресурс]//URL: <http://english.customs.gov.cn/>
34. Hu Jintao. Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive for New Victories in Building a Moderately Prosperous Society in all. // Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China, Oct. 15, 2007. [Электронный ресурс]//.- <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus//eng/zt/123456765/t375502.htm>
35. The Joint Press Communiqué between the People's Republic of China and the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC). 2004-07-07. [Электронный ресурс] //Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики. - https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/200407/t20040707_531129.html
36. National Center for Statistics and Information of Oman //Statistical Year Book 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arabdevelopmentportal.com/publication/oman-statistical-year-book-2021>
37. National Bureau of Statistic of China. China Statistical Yearbook. 2004-2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>
38. US Energy Information Administration. // International Energy Outlook 2016. China International Energy Data and Analysis. [Электронный ресурс]//URL: [https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484(2016).pdf)
39. Wang Yi: The Joint Building of the Belt and Road between China and Arab States in the Middle East Is Rapidly Taking Shape.2018-07-10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] //Официальный сайт Министерства иностранных дел

- Китайской Народной Республики.
https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531137.html
40. Wang Yi: China and Arab States Should Firmly Support Each Other's Core Interests. 2018-07-10.. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] //Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/201807/t20180712_531137.html
41. World Bank Data Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=Health%20Nutrition%20and%20Population%20Statistics:%20Population%20estimates%20and%20projections>
42. Xi Jinping's speech: "Promote People-to-People Friendship and Create a Better Future" at Kazakhstan's Nazarbayev University. Sept. 7, 2013. [Электронный ресурс]// Официальный сайт посольства Китайской Народной Республики в Гайане - <https://www.mfa.gov.cn/ce/cegy//eng/zgyw/t1076334.htm>
43. Xi Jinping's speech: "Promoting Silk Road Spirit and Deepening China-Arab Cooperation". June 5, 2014, at the sixth ministerial conference of the China-Arab States Cooperation Forum. [Электронный ресурс]// Официальный сайт посольства Китайской Народной Республики в Ираке. <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceiq//eng/zygx/t1164662.htm>
44. Xi Jinping's speech: "Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations" at the Arab League Headquarters Cairo, 21 January 2016. [Электронный ресурс]//China Daily.- https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/22/content_23191229.htm
45. Xi Jinping's speech: "Joining Hands to Advance Sino-Arab Strategic Partnership in the New Era" at the Opening Ceremony of The Eighth Ministerial Meeting of the China-Arab States Cooperation Forum. 2018.07.10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] //Официальный сайт Форума китайско-арабского сотрудничества. - http://www.chinaarabcf.org/ara/ltjz_1/bzjhy/dbjbzjhy/201807/P020210828308056643349.pdf
46. World Bank. 2019. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]// URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31878>

Литература

На русском языке

47. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Записки о китайской цивилизации. М., 2022.
48. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М., 1990.
49. Базанова Е.А. Отношения КНР с арабскими странами Ближнего Востока в 1980-2010 гг. Диссертация на соискание уч. степени к.п.н. М., РУДН, 2011.
50. Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале 21 в. // Сравнительная политика. 2017. Т.8, № 3. С. 131-145.
51. Виноградов А.В. Стратегия Китая в XXI в. // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2017, № 3 (13).
52. Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
53. Грачиков Е. Н.. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021а. Т. 65. № 3. С. 33—41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41
54. Грачиков Е. Н.. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и концептуализация 1993-2018 //Мировая экономика и международные отношения. 2019, том 63, № 3. С. 83-93.
55. Грачиков Е.Н.. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М, 2015.
56. Гусейнова В.А. Большой Ближний Восток / М: ОЛМА медиа групп, 2007.
57. Денисов И. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине //Международная жизнь. 2015. № 5 - <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253>
58. Денисов И.Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК.// Международная аналитика. 2018. № 2. С. 28-36.
59. Дейч Т.Л. Политика Китая в странах Северной Африки и Средиземноморья. //Ученые записки Института Африки РАН. 2018 № 2 (43). С.95-111.
60. Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 595-611.
61. Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 655-670.
62. Евсеенко А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Взаимоотношения России—Китай—США в рамках стратегического треугольника / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020.
63. Евсеенко А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. //Взаимоотношения России—Китай—США в рамках стратегического треугольника./ отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020.
64. Захаров А.Н., Русак Н. Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 43.

65. Исраилов А.Х., Шириязданова И.Ф., Гатамова М.М., Экажева Е.Б. Энергетический фактор стран Персидского залива в американской стратегии сдерживания КНР // *Мировая политика*. 2020. № 3. С. 1 - 13.
66. Козыкина Н. В., Муратшина К. Г. Особенности дипломатии современного Китая. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2017.
67. Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2016, 16 (4), С 616-627.
68. Кузнецов Р.А. Об экспансионистской экономической политике Китая в отношении некоторых стран Ближнего Востока, 2020. М., Институт изучения Ближнего Востока.<http://www.iimes.ru/?p=73925>
69. Кузнецов Р.А. О роли и месте Китая на Ближнем Востоке. М., Институт изучения Ближнего Востока. 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72151>
70. Кузнецов Р.А. О новом расширении экономического влияния Китая в ОАЭ. М., Институт изучения Ближнего Востока. 2020 . URL: <http://www.iimes.ru/?p=72194/>
71. Лузянин С.Г. «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное*. М.: ИДВ РАН, 2017.
72. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. М., 2016.
73. Лузянин С.Г., Афонасьева С. В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 40. С. 5-14.
74. Мелкумян Е.С. Султанат Оман - КНР: стратегическое партнерство.// *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 46-50.
75. Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 3 (24).
76. Пахомова М.А. Особенности политической культуры Китая в источниках по политике КНР в отношении государств Арабского Востока (2014–2019) // *Востоковедение: история и методология*. 2019. № 1. С. 37-40.
77. Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае // *Религия и общество на Востоке*. 2016. № 1. С. 181-202.
78. Сачко Г. В. Китай после XVIII съезда КПК: новый внешнеполитический курс или новая риторика нового лидера // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Политические науки. Востоковедение*. 2014. № 14 (343). Вып. 15. С. 123–128.
79. Том О'Коннор . Китайско-российский консенсус на Ближнем Востоке.// «Валдай» 22.02.2022.
80. Фактор Китая в Средиземноморье. Доклады Института Европы № 387. Монография. М., ИЕ РАН, 2022.
81. Чубаров И., Калашников Д. “Один пояс – один путь”: глобализация по-китайски.// *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. с. 25-33.

На английском языке

82. Abdul Ghaffar Mahmood M. Strategic Development of Sino-GCC Relations: Visions of Arabian Gulf Economic Development and the Belt and Road Initiative // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2018. vol.12, no.4.
83. Aidarbek Amirbek, Kanat Ydyrys. Education as a Soft Power Instrument of Foreign Policy // *Procedia—Social and Behavioral Sciences*. 143 (2014) 501 – 503
84. Almog-Eizenberg Victoria. “The Significance of the Term ‘Soft-Power’: An analysis of the Chinese Soft-Power Discourse. MA diss. Haifa University, 2014.
85. Alterman Jon. Chinese and Russian Influence in the Middle East // *Middle East Policy*. 2019. 26, no. 2: 136.
86. Alterman Jon. Garver John W. *The Vital Triangle: China, the United States, and the Middle East*, Washington D.C, Center for Strategic and International Studies, 2008.
87. Andersen L.E., & Jiang, Y. China’s engagement in Pakistan, Afghanistan, and Xinjiang. Will China’s root cause model provide regional stability and security? // *Danish Institute for International Studies (DIIS)*, report 2018.
88. Bao C. Current situation, foundation, and challenges of cultural exchanges between China and Arab countries. // *West Asia and Africa*. 2019. (1), 140-160.
89. Borge Bakken. Norms, Values and Cynical Games with Party Ideology. // *Copenhagen Journal of Asian Studies*. 2006. vol. 16. P. 106 - 137.
90. Brock F. Tesson, System Structure and State Strategy: Adding Hedging to the Menu // *Security Studies*. Volume 21, 2012 - Issue 2: 192-231.
91. Bruce Drake, Obama charts a new foreign policy course for a public that wants the focus to be at home. *Pew Research Center*, 2014.
92. Callahan, W. A. and Barabantseva, E. (eds) *China Orders the World*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2012.
93. Camille Lons, Jonathan Fulton, Degang Sun, Naser Al-Tamimi. *China’s great game in the Middle East*. The European Council on Foreign Relations (ECFR), 2019.
94. Chen Juan. *The Emergence of China in the Middle East*. // *Institute for National Strategic Studies (INSS0, Strategic Forum*. 2011. 271: 1–8.
95. Chen Juan. Strategic Synergy between Egypt ‘Vision 2030’ and China’s ‘Belt and Road’ Initiative. // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018. vol. 11, no. 5. 219–235.
96. Cheng Dongxiao, et al, *Building up a Cooperative & Co-progressive New Asia: China’s Asia Strategy towards 2020*. Shanghai: Shanghai Institutes for International Studies, 2012.
97. *China and Challenges in the Greater Middle East*. // Conference report Organized by DIIS. Danish Institute for International Studies and University of Copenhagen. 10 November 2015.
98. *China and North Africa. Between Economics, Politics, and Security*. /Ed. by Adel Abdel Ghafar. London, New York, Dublin, I.B. TAURIS, 23 Sep 2021.
99. Christina Lin. *The Belt and Road and China's Long-Term Visions in the Middle East*. Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs. 2017.
100. Christopher Len. China's 21st Century Maritime Silk Road Initiative, Energy Security and SLOC Access, Maritime Affairs // *Journal of the National Maritime Foundation of India*. Volume 11, 2015 - Issue 1, Pages 1-18.

101. Chu Shulong, Jin Wei, *China's Foreign Affairs Strategy and Policy* // Shishi Chubanshe. 2008.
102. Cowan G. and Arsenault. A. *Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy* // *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 616, no. 10 (2008).
103. Davidson Christopher. *The Persian Gulf and Pacific Asia: From Indifference to Interdependence*. New York: Columbia University Press, 2010.
104. Degang Sun. *China's Soft Military Presence in the Middle East in the New Era*. // *World Economics and Politics*. 2014. 8: 4–29.
105. Degang Sun. *The Dragon Heads West: China-Arab Cooperation in the New Era*. // *Georgetown Security Studies Review*. 2015. Vol. 1, No.2
106. Degang Sun. *China and the Middle East security governance in the new era*. // *Contemporary Arab Affairs*. 2017. Vol. 10. No. 3 (July). P. 354-371.
107. Degang Sun & Abdrabou A.A. *The development of China-Arab cultural exchanges: Opportunities and challenges in the Belt and Road era*// *Belt & Road Initiative Quarterly*. 2021. 2(4), 24-42.
108. Degang Sun & Yahia Zoubir. *China's Response to the Revolts in the Arab World: A Case of Pragmatic Diplomacy*. // *Mediterranean Politics*. 2014. 19:1, 2-20, DOI: 10.1080/13629395.2013.809257.
109. Degang Sun & Yahia Zoubir. *China's Participation in Conflict Resolution in the Middle East and North Africa: A Case of Quasi-Mediation Diplomacy?* // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. Issue 110. P. 224-243
110. Degang Sun. *China's Partnership Diplomacy towards the Middle East Countries in the 21st Century*// *Journal of World Economics and Politics*. 2019. No. 7.
111. Ding, J. & Chen, J. *On cultural exchanges between China and Middle East countries since the reform and opening up*// *Arab World Studies*. 2018. (5), 34-35.
112. Dorsey James M. *China and The Middle East: Venturing into The Maelstrom*. // S. Rajaratnam School of International Studies Singapore. No. 296. 18 March 2016.
113. Fulton Jonathan. *The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm?* // *The Middle East Institute*. Oct 17, 2017.
114. Fulton Jonathan. *China's Changing Role in The Middle East* // *Atlantic Council* 2019. Rafik Hariri Center for The Middle East.
115. Fulton Jonathan. *Domestic Politics as Fuel for China's Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies*// *Journal of Contemporary China*. 2020. Volume 29. Issue 122. P.175-190
116. Fulton Jonathan. *Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations* // *Atlantic Council*, 2020.
117. Fulton Jonathan. *China between Iran and the Gulf Monarchies* // *Middle East Policy*. 2021;1–14.
118. Fulton Jonathan. *China in the Persian Gulf: Hedging Under the U.S. Umbrella*. *Routledge Handbook of Persian Gulf Politics*. / ed. Mehran Kamrava. Abingdon: Routledge, 2020: 492-505.
- 119.
120. Gause Gregory. *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War*. // *Brookings Doha Centre Analysis Paper*. July 2014.

121. Guofu LI. The Prospects for Palestine-Israeli Peace ‘Roadmap // International Studies. No.5, 2003.
122. Guofu LI. The Prospects for and Impact of U.S.-Iraq War. // International Studies. No.2, 2003.
123. Gordon Houlden and Nouredin M. Zaaout. A New Great Power Engages with the Middle East: China’s Middle East Balancing Approach. China Institute, University of Alberta. January 2019.
124. Haider Hamood Radhi Al-Shafiy. CNPC, CNOOC and SINOPEC in Iraq: Successful Start and Ambitious Cooperation Plan // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2015. 9:1, 78-98, DOI: 10.1080/19370679.2015.12023256.
125. Hanban. Confucius Institute annual development report. Beijing, China: Confucius Institute Headquarters (Hanban), 2015.
126. Harsh V. Pant. China’s Rising Global Profile: The Great Power Tradition. 2011.
127. Helena Legarda. China as a conflict mediator: Maintaining stability along the Belt and Road. Mercator Institute for China Studies, 2018.
128. Hua L. Iranian Nuclear Issue and China’s Middle East Diplomacy. // Arab World Studies. 2014. 6:4–16.
129. Huang C. Theory of China’s Participation in Global Governance// Journal of International Relations. 2013. 4: 61–68.
130. Horesh Niv. Toward Well-Oiled Relations? China’s presence in the Middle East following the Arab spring. //The Nottingham China Policy Institute series. 2016.
131. Ibrahim Fraihat & Andrew Leber: China and the Middle East after the Arab Spring: From Status-Quo Observing to Proactive Engagement. // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. Volume 13, 2019. Issue 1, DOI: 10.1080/25765949.2019.1586177.
132. Ingrid d’Hooghe, The Limits of China’s Soft Power in Europe: Beijing Public Diplomacy Puzzle. Netherland Institute of International Relations, Clingendael 2010.
133. Javier Noya, The Symbolic Power of Nations // Place Branding 2, no.1. 2006: 53-67.
134. Joint Development of the “Belt and Road”. A New Era of Promoting China-Arab Collective Cooperation -Achievements and Prospects of the China-Arab States Cooperation Forum. Middle East Studies Institute of Shanghai International Studies University & Research Center of CASCF. 2018.
135. Katarzyna W. Sidło (Ed.) The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? Barcelona: European Institute of the Mediterranean, 2020.
136. Kamel Maha S. China’s Belt and Road Initiative: Implications for the Middle East. // Cambridge Review of International Affairs. 2018. DOI: 10.1080/09557571.2018.1480592.
137. Kemp Geoffrey. The East Moves West: India, China, and Asia’s Growing Presence in the Middle East, Washington D.C, Brookings Institution, 2010.
138. Kliman Daniel & Abigail Grace. Power Play: Addressing China’s Belt and Road Strategy. // Asia-Pacific Security. Center for a New American Security.2018.
139. Kuangyi Yao, China-Arab States Cooperation Forum in the Last Decade. // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. 8:4, 26-42, DOI:10.1080/19370679.2014.12023253.
140. Kubursi, A.A. Sustainable Human Development under Globalization: The Arab Challenge. 1999.

141. Kyle Haddad-Fonda. Searching for Continuity in Sino-Arab Relation. Middle East Institute. April 8, 2015.
142. Lars Erslev Andersen, & Yang Jiang. Is China Challenging the US in the Persian Gulf? // DIIS Report: 29, Danish Institute for International Studies, 2014.
143. Liang Y. China's cultural communication with the Middle East under the BRI: Assessment and prospects. //Belt & Road Initiative Quarterly. 2021. 2(4), 62-72.
144. Liu L. Europe and China in the Global Economy in the Next 50 Years: A Partnership for Global Peace and Stability // Intereconomics. 2016. Vol. 51. № 1.
145. Liu Z. Some Basic Issues in the Middle East Upheaval and China Diplomacy. //International Review. 2-12. 1: 16–22.
146. Liangxiang Jin and Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf. Emirates Diplomatic Academy. June 2018.
147. Liangxiang Jin and Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf. Emirates Diplomatic Academy. June 2018.
148. Lieutenant Colonel Eduardo A. Abisellan. China's Soft Power Strategy in the Middle East. The Brookings Institution. July 17, 2012.
149. Ma L. Comparative advantages of China's "Silk Road strategy" and Islamic Silk Road cultural exchange. //World Religious Culture. 2015. № 1.
150. Mimi Kirk. Chinese Soft Power and Dubai's Confucius Institute. Middle East Institute. June 5, 2015.
151. Mills Robin. Ishfaq Sarmad. Sarmad Ishfaq. Roa Ibrahim. Aaron Reese. China's Road to the Gulf Opportunities for the GCC in the Belt and Road initiative. //Project: GCC and the Belt and Road Initiative. October 2017.
152. Mordechai Chaziza. The Arab Spring: Implications for Chinese Policy. // Middle East Review of International Affairs. 2013. Vol. 17, No. 2.
153. Mordechai Chaziza. China's Approach to Mediation in the Middle East: between Conflict Resolution and Conflict Management. Middle East Institute, May 8, 2018.
154. Mogielnicki Robert. Oman's Bittersweet Economic Relations with China. The Arab Gulf States Institute in Washington, July 21, 2020.
155. Nathan Andrew J. China's Search for Security, New York, Columbia University Press, 2012.
156. Niblock Tim. China and the Middle East: A Global Strategy Where the Middle East has a Significant but Limited Place. // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. DOI: 10.1080/25765949.2020.1847855.
157. Niblock Tim. The Gulf, the West and Asia: Shifts in the Gulf's Global Relations // Lecture at 4th International Forum on Asia and the Middle East: International Conference on Great Powers and the Middle East Political & Social Transformation, Shanghai, 10 September 2014.
158. Nedopil Christoph. Investments in the "Belt and Road Initiative". Beijing, 2021 IIGF Green BRI Center, www.green-bri.org
159. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
160. Nye Joseph S. The paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York: Oxford University Press, 2003.

161. Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004).
162. Nye Joseph S. *The Future of power*. New York: Public Affairs, 2011.
163. Nye Joseph S. *Soft Power and Higher Education*. // *Internet and the University Forum*, 11, 11–14. (2005).
164. Olimat Muhammad S. *China and the Middle East since World War II: Bilateral Approach*. Lanham and Boulder: Lexington Books, 2010.
165. Pang Zhenqiang *China and the Middle East*. // *China's Growing Role in the Middle East: Implications for the Region and Beyond*. DC: Nixon Center, 2010. P. 73–95.
166. Pang, Z., and R. Wang. *Global Governance: China's Strategic Response*. // *International Studies*. 2013. 4: 57–68.
167. Pantucci Raffaello. *The Many Faces of China's Belt and Road Initiative*. // *Journal of Current History*. January 2021. 120 (822): 28–34.
168. Quero Jordi & Dessì Andrea. *Unpredictability in US foreign policy and the regional order in the Middle East: reacting vis-à-vis a volatile external security-provider*. // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2021. 48:2, 311-330, DOI: 10.1080/13530194.2019.1580185.
169. QI Ji, MA Shiyuan, *China-Arab Higher Education Cooperation: History and Current Situation*. // *Cultural and Religious Studies*. June 2021, Vol. 9, No. 6, 262-266 doi: 10.17265/2328-2177/2021.06.002.
170. Salman M. Pieper. MA and Geeraerts, G *Hedging in the Middle East and China U.S.// Competition*. *Asian Politics & Policy*. Volume 7, Number 4. P. 575–596. 2015
171. Samuel Kim. *China and the United Nations*. // *China Joins the World: Progress and Prospects*. New York: Council on the Foreign Relations Press, 1999.
172. Shambaugh, David. *China Goes Global: The Partial Power*. New York: Oxford University Press, 2013.
173. Scobell Andrew. Nader Alireza. *China in the Middle East the Wary Dragon*. //RAND, 2016.
174. Shogo Suzuki. *Chinese Soft power, Insecurity Studies, Myopia and Fantasy*. // *Third world quarterly*. 2009. 30, no. 4 :779-93.
175. Shambaugh David. *China's Soft-Power Push*. // *Foreign Affairs*. 2015. 94, no. 4 :99-107.
176. Sike WU. *The Strategic Docking between China and Middle East Countries under the "Belt and Road" Framework* // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, 2015. 9:4, 1-13, DOI: 10.1080/19370679.2015.12023270
177. Sike WU. *Constructing "One Belt and One Road" and Enhancing the China-GCC Cooperation* // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2015. 9:2, 1-15, DOI: 10.1080/19370679.2015.12023264
178. Sike WU. *The Upheaval in West Asia and North Africa: A Constructed New Viewpoint of World Security* // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2013. 7:1, 1-16, DOI: 10.1080/19370679.2013.12023216
179. Singh Michael. *China in the Middle East: Following in American Footsteps? The Washington Institute for Near East Policy*. Jun 1, 2018.

180. Smoothing the Waters: Science and Research Collaboration between China and the Arab World/ Ed. Mojtaba Mahdavi and Tugrul Keskin // Rethinking China, the Middle East and Asia in a “Multiplex World”. Brill, 2022.
181. Strüver Georg. China’s Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology. // Chinese Journal of International Politics. 2017. 10, 1 (2017), 32–37.
182. The Bridgeman Art Library. “Special Report – A message from Confucius - New ways of projecting Soft-Power”. Last modified October 24, 2009.
183. The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010 – 2030 Washington, D. C.: Pew Research Center’s Forum on Religion & Public Life. January 2011.
184. Tunsj, Øystein. Hedging Against Oil Dependency: New Perspectives on China's Energy Security Policy. // International Relations. 2010. , 24, No. (1): 25–45.
185. Vinogradov A.V. Regional Cooperation Initiatives in the Asia-Pacific and the Emergence of the New Eurasian Geopolitics // International Policy Dialogue report. Center on Asian and Globalization. Lee Kuan Yew School of Public Policy National University of Singapore. 28 October 2017.
186. Wang Jisi. Chinese Conception of Soft Power and its Policy Implications, International Conference on China in International Order. Nottingham University, September 2006.
187. Wang Jisi. Marching Westwards: The Rebalancing of China’s Geostrategy. //International and Strategic Report (Peking), No. 73, October 7, 2012.
188. William Vallaham. China's Foreign Policy and the Non-interference Principle: Farewell or Renewal? // International Conference on Contemporary China, Asia Center, 2012.
189. Weijian Li. Bilateral Relations Between China and the Middle East and the Importance of the Middle East in China’s Strategy // XiYa Feizhou. 2014. № 6.
190. Weilie Zhu. Dialogue among Civilizations: A Close Look at the Greater Middle East Reform, Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), (2007) 1:1, 46-54, DOI: 10.1080/19370679.2007.12023102
191. Xin Li & Verner Worm. Building China's Soft Power of Peaceful Rise //Asian Research Centre, CBS, Copenhagen Discussion Papers, 28, July 2009.
192. Yang, W. R. Exchange and cooperation of education between the China-Arab states //Exploring Education Development. 2020. 40 (17).
193. Yao, K. China’s New Diplomacy on the Hot Issues in the Middle East. // International Studies. 2014. 6: 7–17.
194. Yaqing Qin. Continuity through change: background knowledge and China’s international strategy // The Chinese Journal of International Politics. 2014. P. 285–314.
195. Yellinek, Yossi Mann & Udi Lebel: Chinese ‘Soft Power Pipelines Diffusion’ (SPPD) to the Middle Eastern Arab Countries 2000-2018: A Discursive-Institutional Study // British Journal of Middle Eastern Studies. 2020. DOI: 10.1080/13530194.2020.1732870.
196. Ying Zhou & Sabrina Luk. Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China’s soft power? // Journal of Contemporary China. 25:100, 628-642, DOI: 10.1080/10670564.2015.1132961. 2016.

197. Ying Zhou & Sabrina Luk, Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power? // Journal of Contemporary China. 2016. 25:100, 628-642, DOI: 10.1080/10670564.2015.1132961.
198. Yitzhak Shichor. Fundamentally Unacceptable yet Occasionally, Unavoidable: China's Options on External Interference in the Middle East. // China Report Journal. 2013.part 49, № 1.
199. Yizhou Wang. The Creative Interference: The Global Role of China. Beijing: Peking University Press. 2013.
200. Yellinek Roie. Yossi Mann & Udi Lebel, Chinese Soft-Power in the Arab world – China's Confucius Institutes as a central tool of influence. // Comparative Strategy. 2020. 39:6, 517-534, DOI: 10.1080/01495933.2020.1826843.
201. Yellinek Roie. Yossi Mann & Udi Lebel: Chinese 'Soft Power Pipelines Diffusion' (SPPD) to the Middle Eastern Arab Countries 2000-2018: A Discursive-Institutional Study, British Journal of Middle Eastern Studies, DOI: 10.1080/13530194.2020.1732870
202. Zhang, H. An Analysis of the Impact of China's Participation in the United Nations Peacekeeping Mechanism in the World. //International Forum. 2009. 5: 25–30.
203. Zhao, H. On the "China-Arab States Cooperation Forum" promoting the demand and training of Arabic talents in Northwest China. // China Informatization. 2012. № 24.
204. Zheng Bijian. China road of peaceful rise and the future of Asia; 2003. Speech at the Bo'ao Asia Forum. Zheng Bijian. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2005. <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf>
205. Zugui Gao. Development of China's Relations with the Middle East in the Context of Profound Changes// Heping yu fazhan. 2014. No 4.
206. Zugui Gao. The New Development of China-Middle East Relations since the Arab Upheaval // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), 8:4, 63-80, (2014) DOI: 10.1080/19370679.2014.12023251.
207. Zreik Mohamad. Academic Exchange Programs between China and the Arab Region// Journal of Arab Studies Quarterly) ASQ. Vol. 43, No. 2, Spring 2021.

На арабском языке

208. عنود عبدالرحمن الحباشنة . السياسة الخارجية للصين تجاه الدول العربية , رؤية مستقبلية . (2020) . دار الخليج للنشر والتوزيع.الاردن.
- (Ануд Абдул Рахман Аль Хабашнех. Внешняя политика Китая в отношении арабских стран: видение будущего.. Издательский дом Gulf House, Иордания, 2020.)
209. حكيمات العبد الرحمن . الصين والشرق الأوسط : دراسة تاريخية في تطور موقف الصين تجاه قضايا المنطقة العربية . 2020. المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات .
- (Хикмат Абд аль-Рахман. Китай и Ближний Восток: позиция Китая по вопросам арабского региона. Арабский центр политических исследований, 2020.)
210. نعمة هاشم كاظم. نقد الإستراتيجية الصينية حيال الدول العربية . (2018) . دار أمانة للنشر والتوزيع.

- (Нима Хашем Казем. Критика китайской стратегии в отношении арабских стран. Издательский дом Амина, Иордания, 2018.)
211. السياسة الخارجية الصينية اتجاه الشرق الأوسط بعد الربيع العربي . 2017 . برلين . المركز الديمقراطي العربي .
(Внешняя политика Китая на Ближнем Востоке после «арабской весны». Берлин, Арабский демократический центр, 2017) .
212. وليد عبد الحي. مستقبل العلاقات الصينية العربية 2030 . مركز الزيتونة للدراسات والاستشارات , بيروت, 2022 .
(Валид Абдель Хай. Будущее китайско-арабских отношений к 2030 г. Центр исследований и консультаций Аль-Зайтун, Бейрут, 2022 г.)
213. كاظم هاشم نعمة . القوة الناعمة الصينية والعرب.مجلة سياسات عربية . العدد 26 . ايلول 2017 . المركز العربي للابحاث ودراسة السياسات.
(Казем Хашем Нима. Мягкая сила Китая и арабов // Арабская политика. Выпуск 26. Сентябрь 2017. Арабский центр политических исследований.)
214. العرب والصين : مستقبل العلاقة مع قوة صاعدة . المركز العربي للابحاث ودراسات السياسة – قطر 2016
(Арабы и Китай: будущее отношений с растущей державой. Арабский центр политических исследований. Катар, 2016.)
215. العلاقات العربية الصينية – لبنان , مركز دراسات الوحدة العربية 2017 .
(Арабо-китайские отношения. Центр исследований арабского единства, Ливан, 2017 г.)
216. سامر خير احمد .العرب ومستقبل الصين – 2012- الاردن – .
(Самер Хайр Ахмед. Арабы и будущее Китая . Иордания, 2012г.)
217. عدنان خلف البيрани- السياسات الخارجية للقوى الآسيوية الكبرى تجاه المنطقة العربية –العراق 2016 .
(Аднан Халаф Аль-Бирани. Внешняя политика ведущих азиатских держав в отношении арабского региона. Ирак, 2016 г.)
218. حمشي محمد (2017) الاقتصاد السياسي للعلاقات العربية الصينية : التحديات والفرص الاستراتيجية .بيروت . مركز دراسات الوحدة العربية.
(Хамши Мухаммад. Политическая экономия арабо-китайских отношений: вызовы и стратегические возможности. Бейрут, Центр исследований арабского единства, 2017 г.)
219. جانغ يون لينغ . الحزام والطريق : تحولات الدبلوماسية الصينية في القرن 21. 2017 . ترجمة آية محمد الغازي. دار نشر صفصافة
(Чан Юн Линг. «Один пояс и один путь»: трансформации китайской дипломатии в 21 веке./ Издательство сафафа. 2017 г.)
220. شمس الدين , جين تشونغ جيه , (2017) مبادرة الحزام والطريق وتعاون الصين والدول العربية . بيروت . مركز دراسات الوحدة العربية.

- (Шамс Эль-Дин, Джин Чжунцзе, Инициатива «Один пояс, один путь» и сотрудничество Китая и арабских стран. Бейрут. Центр исследований арабского единства, 2017)
221. عبدالله باعبود, (2017) أهمية النمو السريع في التفاعل الاقتصادي بين الصين ودول الخليج . مركز دراسات الوحدة العربية.
(Абдулла Баабуд. Быстрый рост экономического взаимодействия между Китаем и странами Персидского залива. Центр исследований арабского единства, 2017г.)
222. محمد كريم الخاقاني العراق ومبادرة الحزام والطريق : العوائد والتحديات- مركز رواق بغداد للسياسات العامة- 15 تموز 2021.
- (Мухаммад Карим аль-Хакани. Ирак и инициатива «Один пояс, один путь»: успехи и вызовы. Багдадский центр государственной политики, 15 июля 2021 г.)
223. محمود صافي محمود (2015) توجهات سياسة حذرة، آفاق التعاون الصيني الشرق أوسطي والتحديات الراهنة، المركز العربي للبحوث والدراسات.
- (Махмуд Сафи Махмуд, Осторожная политика, перспективы китайско-ближневосточного сотрудничества и текущие проблемы, Арабский центр исследований, 2015г.)
224. لى وى جيان، تحليل ودراسة العلاقات بين الصين ودول الشرق الأوسط، مجلة السياسة الدولية، العدد رقم 145، إصدار شهر تموز 2001.
- (Ли Вэйцзянь. Анализ отношений между Китаем и Ближним Востоком // Журнал международной политики, выпуск № 145, июль 2001 г.)
225. جواد، احمد، 2009 ، العلاقات العربية الصينية في 60 عام أ، جريدة . ، الشرق الأوسط، أكتوبر، العدد 1174 .
(Джавад, Ахмед. Арабо-китайские отношения за 60 лет // Аш-Шарк аль-Аусат. Октябрь, 2009 . № 1174.)
226. وليد عبد الحي (2011) متغيرات الإستراتيجية الصينية في الشرق الأوسط. مركز الجزيرة للدراسات.
(Валид Абдель Хай. Переменные китайской стратегии на Ближнем Востоке. Центр исследований «Аль-Джазира», 2011г.)
227. تأثيرات الازمة في الاقتصاد السوري . مركز دمشق للأبحاث والدراسات (مداد), دمشق 2017 .
(Последствия кризиса для сирийской экономики. Дамасский центр исследований «Медад». Дамаск, 2017 г.)